

Десять
столк

ДЖИФФИ КЕЙТ

vk.com/rom_com_books

Она — официантка, преодолевающая жизненные кульбиты. Он — Генеральный директор, пристрастившийся к пирогу. Она независимая и упрямая. Он галантный и требовательный. Вместе они — сочетание несочетаемого. Их жизни, благодаря череде событий, соединяются, но что будет дальше? Останется ли это просто интрижкой или перерастет в нечто большее?

Серия: Десятый столик

Автор: Джиффи Кейт

Книг в серии: 3

Рейтинг: 18+

Переводчик: vl@dany (Аня)

Редактор: Анка72 (Таня)

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

Кад

— Можешь взять десятый столик? — спрашивает ЛуЭнн. — Карла звонила сегодня, она снова заболела. Я клянусь, если это не трое ее сопляков, тогда точно она, — фыркает ЛуЭнн и уходит с загруженным подносом.

Я беру две бутылки воды, которые нужны на пятый столик, и отношу их, прежде чем идти к десятому столу. Мужчина, наверное, на пять лет старше меня сидит в кабинке и смотрит в окно. Я видела его здесь раньше, но он всегда сидит за этим столом и никогда не бывает в моей секции.

Но я заметила.

Он заметен.

Красивый. Высокий. Хорошо одет.

Но в нем также есть что-то резкое. Может быть, это длинное стильное пальто. Может быть, это темные глаза, которые прекрасно сочетаются с его темными волосами. Может быть, это небольшая щетина на его подбородке. Большинство мужчин, которые приходят сюда, ухожены — их волосы отлично уложены и лица чисто выбриты. Этот парень не идеален, не в привычном смысле этого слова, но он прекрасно несовершенен.

— Что я могу сделать для вас? — спрашиваю я, стоя возле стола, и вытаскиваю свой блокнот для заказа. Мне это не нужно.

Я помню каждый заказ наизусть, но это позволяет мне занять свои руки, чтобы не нервничать.

Он поднимает на меня взгляд и выглядит раздраженным на секунду, но затем черты смягчаются, и небольшая улыбка украшает его лицо.

— Какой пирог у вас сегодня? — спрашивает он.

— Черничный и шоколадный.

— Хммм, — гудит он, блуждая по мне взглядом, пока решает. — Трудный выбор. Что ты предложишь?

— Я бы посоветовала с черникой и сливками.

— Горячий?

— Прямо из печи.

Поскольку нет даже девяти утра, пирог еще не остыл. Я испекла его, когда пришла сегодня утром.

— Отлично.

Он протягивает мне меню, держась за него дольше, чем необходимо, вынуждая меня посмотреть на него. Я дергаю его, и он снова улыбается, наконец-то отпуская.

— Что-нибудь еще? — спрашиваю я.

— Кофе со сливками и сахаром.

— Сейчас будет.

Я уйду, но не могу сдержаться и оглядываюсь назад. Он смотрит на меня. Как правило, такое поведение выводит меня из себя или пугает. Я не позволяю незнакомцам неподобающе вести себя со мной здесь на работе. Я могу за себя постоять. Но что-то в его внимании меня нервирует. Оглянувшись назад в последний раз, я вижу, что он отвернулся к окну, и позволяю себе на секунду оценить его профиль. Это великолепно.

Он великолепен.

— Я должна была тебя предупредить, что ему нужен пирог, — говорит ЛуЭнн, вырывая меня из транса. — Он всегда заказывает пирог на завтрак.

— Нет проблем, — я отрезаю большой кусок — немного больше, чем обычно — и кладу его на белую керамическую тарелку.

— Черника, да?

— Да, со сливками.

— Ты продала ему свой крем?

Я немного нервно смеюсь, наливая сливки в небольшой кувшин.

— Полагаю, что так.

Я иду обратно к столу и ставлю перед ним пирог, сливки и кофе.

— Мне просто вылить сливки сверху? — спрашивает он, взяв в руки небольшой кувшин.

— Ага, я для вас налила их в чашку, так что вы можете использовать столько, сколько хотите.

Я наблюдаю, как он наливает немного, потом чуть больше. Не теряя времени, поднимает ложку и вонзается в пирог, стонет от удовольствия, как только политый сливками кусочек попадает на его язык. Его глаза закрыты, когда он со стоном произносит.

— Я ждал тебя всю жизнь.

— Вы говорите с пирогом или со мной? — спрашиваю я с напускной небрежностью в голосе, потому что чувствую я себя далеко не так. Мое сердце громыхает, а тело нагревается и покалывает, и мне нужно бежать в уборную и плеснуть холодной воды на лицо, чтобы взять себя в руки.

Он выгибает бровь.

— И то, и другое, — он берет другой кусок, а затем облизывает капельку начинки с губ.

Мои колени практически подгибаются на это замечание, и я в изумлении гляжу на него.

Нервно смеюсь, не в состоянии играть непринужденность, потому что он не сводит с меня глаз, когда ест пирог, как будто пожирает свою добычу, и это делает странные вещи с моим телом. Его слова. И его напряженный взгляд.

— Дайте мне знать, если вам понадобится что-нибудь еще, — выдавливаю я, убегая, прежде чем опозорюсь.

— Не волнуйся. Обязательно, — говорит он низким хриплым голосом, который стреляет прямо в мою сердцевину.

Я быстро отворачиваюсь, не желая оглядываться назад. Мне нужно взять себя в руки. Я не знаю, что случилось со мной сегодня. Возможно, вторая чашка кофе была слишком большая.

Вернувшись к кухонному окну, я жду следующий заказ, наслаждаясь столь необходимой передышкой, и пытаюсь очистить голову от горячего парня постарше, в костюме, с сексуальной щетиной, который стонет, когда ест мой черничный пирог.

Стоп.

Мне действительно нужно остановиться. Парням, подобным ему, нужно только одно от девушек, как я, и это не больше, чем на одну ночь. И это не мое.

— Заказ, — кричит Мак, поставив тарелку на прилавок. Я радостно беру тарелку и ставлю ее на свой поднос, нуждаясь в отвлечении.

По дороге ко второму столу я едва не спотыкаюсь о портфель, который стоит в проходе. Вместо того чтобы сказать парню смотреть, куда ставит свое дерьмо, я извиняюсь, убедившись, что ничего не пролила на дорогую кожу.

Как только я отворачиваюсь от этого недоразумения, прямо на меня налетает парень, и омлет, который я несла, теперь на его мокалинах.

Я смотрю на него, а затем снова вниз, на желток, стекающий с его ботинка на пол. Мое лицо пылает жарче, чем в чертовом аду, и я нервно сглатываю, готовясь извиниться, но прежде чем это происходит, мужчина громко рычит в отчаянии.

- Какого черта? — восклицает он, с отвращением глядя на свои ноги. Тогда я замечаю кусок яйца на брюках, но, кроме этого, он в порядке. Могло быть гораздо хуже.

— Прошу прощения, — говорю я, наклоняюсь и вытираю штанину, а затем его туфли.

— Нужно смотреть, куда идешь, — кричит он.

— Мне очень жаль, — говорю снова, просто желая успокоить его, чтобы он ушел и не устраивал сцен.

— Ты делаешь только хуже, — рычит он. — Остановись!

— Немного осталось на штанине, сэр. И ваша обувь полностью чиста.

— У меня сегодня очень важная встреча. Я не могу пойти на нее в брюках с яйцом.

По какой-то причине то, как он говорит “брюки с яйцом”, кажется мне смешным, и я пытаюсь сдержать хихиканье.

— Нет, абсолютно нет. Мне так жаль.

— Я отправлю эти брюки в химчистку до обеда.

— Что? — спрашиваю я, не понимая, почему он говорит мне это.

— Ты слышала меня. Химчистка. До обеда. Или ты недостаточно компетентна, чтобы понять? — насмехается он, наклонившись ближе к моему лицу.

— Я... — начинаю я, но замолкаю, когда чувствую, как кто-то тянет меня с пола. Я думаю, что это Мак или ЛуЭнн пришли мне на помощь, но когда я смотрю через плечо, парень с десятого столика таращится на меня. Он выглядит сердитым, и я предполагаю, что это из-за меня. Похоже, я сегодня во всем виновата.

— Слушай, мудака, — огрызается он на парня в костюме-тройке. — Она извинилась. Это был несчастный случай. Тебе нужно успокоиться.

— Отправьте штаны. Я отнесу их в химчистку для вас, — бормочу я мужчине, желая закончить эту ситуацию. Я ненавижу скандалы и ненавижу быть в центре внимания. А

сейчас весь ресторан смотрит на меня и двух мужчин, которые выглядят, как будто готовы подраться из-за упавшего яйца.

Яйцо-парень отпихивает меня в сторону, и я упираюсь в твердую грудь Пирог-парня. Защитные руки обнимают мои плечи, притягивая ближе к себе, и я думаю, что слышу рычание глубоко в его груди. Я не знаю, что сказать или сделать, поэтому отстраняюсь и нагибаюсь, чтобы продолжить убирать пол. Я стараюсь игнорировать сумасшедшего, топающего к двери, и близость мужчины, стоящего позади меня. ЛуЭнн приходит со шваброй и ворчит под нос про пафосных придурков, пока помогает мне наводить порядок.

Через минуту или около того я, наконец, вижу, что дорогая обувь Пирог-парня покидает мое периферийное зрение. Хотела бы я каким-то образом отплатить ему за то, что заступился за меня. Я хочу хотя бы поблагодарить его, но, оглядываясь на его стол, а затем на дверь, я вижу, что он ушел.

Сегодня у меня еще куча работы.

Когда возвращаюсь к уборке столов, я замечаю, что из-под его тарелки торчат деньги... его очень пустой тарелки. Я вытаскиваю их и почти проглатываю язык, когда понимаю, что это стодолларовая купюра.

Глава 2

Кади

Когда пик завтраков спадает, мы с ЛуЭнн стоим на кухне.

— В конверте на стойке регистрации лежит большая сумма денег. Они принадлежат Пирог-парню.

— Кому? — спрашивает ЛуЭнн, оторвавшись от кроссворда.

— Парню, который заказывает пирог на завтрак.

— Ты испортила его завтрак?

— Нет. На самом деле, я думала, что он ушел без оплаты, и это было прекрасно, потому что я задолжала ему, но потом я нашла стодолларовую банкноту под его тарелкой.

— Девочка, ты должна взять эти деньги и поблагодарить его в следующий раз, когда увидишь.

Я шлепаю ее полотенцем, которым вытираю блюдо.

— Я не могу.

— Конечно, ты можешь. Это легко. И сейчас позволь мне показать тебе, — она встает и подходит к кассе, вытаскивая конверт и деньги. — Ты просто делаешь это, — она берет деньги, складывает их и засовывает в лифчик.

— ЛуЭнн!

Ее смех заразителен, так что мы обе смеемся, когда дверь распахивается. Очень чопорная леди с тугим пучком на голове и в еще более тугий юбке-карандаш заходит с переносным чехлом для одежды. Она подходит к нам и перекидывает чехол через прилавок.

— Брюки должны быть у мистера Лукаса не позже полудня.

Я смотрю на нее в оцепенении.

— Он серьезно? — спрашиваю я удаляющуюся фигуру, но она не поворачивается. — Он серьезно, — говорю я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на ЛуЭнн, которая стоит рядом со мной, уперев руки в бока, и ее ноздри раздуваются.

— Я хочу сделать больше, чем размазать яйцо по его ноге, — иронизирует она. — Вот мудак.

Я вздыхаю и беру переноску.

— Я даже не знаю, где сделать нечто подобное. Тем более к полудню, — мой голос становится громче. — Никто не почистит их к полудню.

- Пошли, — говорит она, взяв сумку. — Мы позвоним Глен и посмотрим, даст ли она нам скидку и срочную доставку.

Она поднимает трубку и набирает номер.

— Я не позволю закуской платить за это. Это была моя ошибка. Я столкнулась с ним.

— Нет, он налетел на тебя.

— Без разницы. Это не имеет значения. Я просто почищу дебилские штаны и покончим с этим.

— В следующий раз это может быть хороший горячий кофе на его члене, — бубнит она, пока ждет ответа Глен.

Я не могу не рассмеяться. В противном случае я начну плакать. Но никаких слез в закуской. Нет ничего, что Мак ненавидит больше, чем слезы.

~translator~vlpdny©~

— Что это? — спрашивает он, глядя на конверт, а затем обратно на меня.

— Это ваша сдача с понедельника.

— Я оставил это для тебя.

Я качаю головой.

— Нет, я не могу принять их.

— Ты можешь. Я дал их тебе.

— Я не могу взять девяносто пять долларов чаевых за кусок пирога и чашку кофе.

— Это лучший кусок пирога, который я когда-либо ел.

— И все же.

— Это было не только за пирог и кофе. Я хотел помочь с оплатой счета от придурка, который заставил тебя уронить поднос.

— Это была моя вина.

— Нет, это не так.

Я вцепляюсь в край стола и разочарованно вздыхаю, потому что он смешон. Я никоим образом не могу принять девяносто пять долларов чаевых. Независимо от счета из химчистки. Несмотря на то, что это небольшая химчистка, срочное обслуживание влетело мне в копейку. Копеечку, которой у меня не было.

— Возьми его, — требует он, двигая конверт через стол, пока не касается моей руки.

— Я не могу.

— Есть ли ограничение на то, сколько чаевых можно оставить? — он оглядывается по сторонам, как будто там может висеть табличка или объявление, где это отмечено.

— Нет, но...

— Никаких но. Теперь, я бы хотел еще один кусочек пирога. Что у вас сегодня?

— Сегодня я испекла вишневый и яблочно-карамельный, — бурчу я, понимая, что не выиграю этот спор.

— Подожди. Ты испекла?

— Да, я. Я делаю все пироги.

Его чертова бровь взмывает вверх, а темные глаза смотрят на меня так интенсивно, что мои колени слабеют.

— Так, так, так. А я думал, что мой любовный роман был с ЛуЭнн.

Я с трудом сглатываю, приказывая сердцу успокоиться.

— Неа.

Самое смешное, несмотря на то, что ЛуЭнн проработала здесь не один десяток лет, она вряд ли сможет сделать бутерброд с сыром. Мысль о том, что она печет пирог, вызывает истерику.

— Хорошо, Кади, — мое имя, слетающее с его уст, звучит эротично. Не знаю, почему я так думаю. Я даже не уверена, знаю ли реальный смысл эротики, но это единственный способ, как я могу описать это. Два слога с моим именем никогда не звучали так хорошо. — Я буду вишневый пирог.

Дерьмо.

Заказ пирога не должен заставлять вас терять связную мысль.

— Верно, вишневый, — я прочищаю горло и достаю свой блокнот для заказов. Что-то пишу в нем, а затем разворачиваюсь и иду в сторону кухни.

— Кади, — кричит он, и вот опять — слабые колени, учащенное сердцебиение, бабочки в животе. — Ты что-то забыла.

Он протягивает конверт, ближайшие столики наблюдают за нами, поэтому я быстро возвращаюсь к столу и беру конверт из его протянутой руки.

~tronslptc~v|pdonyc~

— У тебя клиент за десятым столом, — говорит ЛуЭнн, заходя на кухню.

— Но Карла здесь, — говорю я, продолжая накладывать еду, которая жарится на гриле.

— Но он просит тебя, — говорит она, и я замираю. Бабочки, которые я чувствую каждый раз, находясь рядом с ним, яростно порхают в животе. Может быть, это не бабочки. Может быть, это птицы.

Я вытираю руки о полотенце и делаю глубокий вдох, прежде чем выйти к столу. Это второй раз, когда он просит меня обслужить его. Я не жалуясь. Мне нравится ухаживать за ним и без чрезмерных чаевых. Он милый. Красивый. Интересный. Он довольно требовательный, но это заставляет мои внутренности делать смешные вещи.

— Доброе утро.

— Теперь да, — говорит он, переводя взгляд с телефона на меня, и убирает устройство во внутренний карман пиджака.

Я неловко улыбаюсь, не зная, как реагировать на него иногда.

— Пирог? — спрашиваю я, заканчивая нашу маленькую беседу.

— Что ты приготовила сегодня?

— Кокосовый со сливками и персиковый.

— Кокосовый со сливками.

Я киваю и иду обратно на кухню, чтобы взять пирог и кофе.

— Что это значит? — спрашивает ЛуЭнн.

— Понятия не имею.

— Угу.

— Что?

— Я думаю, что кто-то равнодушен к тебе.

— Это безумие. Он... ну, он. А я — это я. Это даже не считается, — мы с Пирог-парнем полные противоположности. Он, по крайней мере, на пять лет старше меня, и хотя это в разумных пределах, просто я никогда не встречалась с парнями старше себя. Плюс, он носит скроенные костюмы и дорогие туфли, а я униформу и кроссовки. Он, наверное, живет в одном из высотных домов, прилегающих к центру города. Я живу в доме с сомнительным

хозяином и еще более сомнительными коммунальными услугами.

Мы полные противоположности.

— Это не так. Он красивый парень, ты красивая девушка. Это считается.

— Такой мужчина, как он, никогда не полюбит кого-то вроде меня. Не так, в любом случае.

— Я не была бы так уверена, — говорит она, выглядывая в маленькое окошко, туда, где он сидит.

— Кроме того, я даже не знаю его имени, — признаю я. — Ему просто нравится мой пирог.

— Теперь это так называется?

Застонав, я закатываю глаза. Предоставьте ЛуЭнн сделать это сексуальным. Я имею в виду, она не смогла бы родить пятерых детей, держа ноги закрытыми.

Глава 3

Кади

— Вчера тебя здесь не было, — говорит он, когда я подхожу к столу, чтобы принять его заказ.

— Я была, просто позже, чем обычно, — ненавижу, что мой голос звучит, словно я мумия.

Думаю, мне уже лучше. По крайней мере, это то, что я говорю себе. Я надеюсь, что мне лучше. Последнее, чего хочу, это быть ответственной за распространение чумы.

— Похоже, ты все-таки нездорова, — в его голосе звучит искренняя забота, и это скручивает мои внутренности.

— Я... Я в порядке. Лихорадки нет, — это ложь. Я не уверена, есть у меня температура или нет. Я не могу найти проклятый термометр. Я лечила себя просроченной бутылкой Тайленола и стаканом полугорячего чая.

— Просто потому, что у тебя нет лихорадки, не значит, что ты в порядке, — его голос режет, как будто он злится на меня за то, что я больна. Может, он гермафоб (*п.п.: боязнь микробов*)?

— Я не заразна, если вы этого боитесь.

Ложь. Я понятия не имею, чем болею. Все, что я знаю — в одну минуту я была в порядке, а в следующую уже нет. Я даже не думала, что смогу подняться по лестнице в свою квартиру прошлой ночью.

— Я не боюсь заразиться, — он внимательно меня рассматривает, как будто он доктор. — Но ты должна быть дома, отдыхать.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что я должна работать... Маку нужна помощь.

Он кивает головой, все еще смотря на меня.

— Итак, что я могу вам принести? — спрашиваю я, пытаюсь покончить с этим.

— ЛуЭнн.

— Что?

— Я хочу, чтобы меня обслужила ЛуЭнн.

— Ладно, — наконец говорю я, отступая на кухню.

Точно гермафоб.

— Десятый стол хочет тебя, — говорю я ЛуЭнн, когда она проходит мимо со стопкой

грязных тарелок.

— У меня вроде как полные руки.

— Вот, — я забираю у нее то, что могу донести, не уронив. — Иди, прими заказ у Пирог-парня.

ЛуЭнн громко и раздраженно фыркает, но все равно выходит из кухни.

Я ставлю посуду в большой таз и прислоняюсь к стене. Моя энергия выдохлась. Я чувствую, что могла бы проспать в течение нескольких дней, но я должна работать, потому что квартира сама себя не оплатит. Мистер Уоткинс, мой управляющий, еще два дня назад сообщил мне, что срок оплаты квартиры заканчивается в конце недели.

Через несколько минут отдыха у прилавка с закрытыми глазами я слышу громкие шаги, а затем фыркание от ЛуЭнн. Когда я открываю глаза, она смотрит на меня и качает головой.

— Сними передник и убирайся отсюда.

— Что? — спрашиваю я недоверчиво.

— Ты слышала меня. Иди домой и отдохни. Если утром тебе станет лучше, тогда приходи. Если нет, оставайся дома.

— Я не могу. Ты знаешь это, — я отталкиваюсь от прилавка и обхожу вокруг нее, готовясь открыть двери.

— Не выходи из этих дверей.

— Почему нет? Что с тобой, ЛуЭнн? — я оборачиваюсь и внимательно разглядываю ее. — Может быть, это ты больна.

— Вот, — говорит она, шагая вперед и запихивая что-то в передний карман фартука. — Не смотри на меня так. И не задавай мне вопросов. Если хочешь знать, откуда это, спроси у Нейтана.

— У кого?

— Пирог-парень, — говорит она в отчаянии, указывая рукой на дверь.

— Почему? — я так запуталась. Может быть, это Судафед (*п.п.: лекарство для горла*), который она дала мне раньше, но ощущения в моей голове странные, и это не имеет никакого смысла.

— Его указания ясны. Ты идешь домой и отдыхаешь, пока не почувствуешь себя лучше.

— Он не босс, и мне нужно работать. У меня срок аренды в выходные, а еще двести не хватает.

— Этого должно хватить, — говорит она, показывая на карман моего фартука.

— Что? — спрашиваю я еще раз, начиная звучать как заезженная пластинка. Я достаю то, что она положила туда.

Деньги.

Сложенные деньги.

Когда я разворачиваю купюры, одна падает на пол. Это стодолларовая бумажка, как и та, что все еще в моей руке.

— Почему? — спрашиваю я, глядя на нее.

Она фыркает и закатывает глаза, бормоча себе под нос.

— Слушай, когда я подошла, чтобы принять его заказ, он сказал, что ты слишком больна, чтобы быть на работе, с чем я согласилась. Затем он спросил меня, почему ты здесь, и я ответила, что такие люди, как мы, работают даже тогда, когда нам этого не хочется. Это, казалось, разозлило его, поэтому он достал свой кошелек и выложил их, сказав, чтобы я отдала их тебе.

— Я не могу принять их. Ты знаешь это. Я просто... я не могу.

ЛуЭнн глубоко вздыхает и облокачивается на прилавок.

— Слушай, дорогая. Я знала, что ты не захочешь их принять. И сказала ему об этом. Но ты должна.

Я смотрю на деньги, а потом на нее, мое тело прогибается от крайнего истощения, которое я чувствую со вчерашнего дня.

— Может быть, я смогу возместить ему или что-то? — я смотрю на деньги и раздумываю над тем, чтобы принять его предложение.

— Я почти уверена, что он не позволит.

— Зачем он сделал это для меня?

— Некоторые люди на самом деле просто милые, — она улыбается, качая головой. — Но если ты спросишь меня, я думаю, ему нравится больше, чем пироги, которые ты печешь, и он действительно беспокоится о тебе.

Мои щеки опалает жаром, и это не от лихорадки.

— Нет, — говорю я, качая головой в недоумении. — Такого не может быть. Он...

— Ага-ага. Он великолепен, богат, успешен. Ты уже говорила мне. Но он, очевидно, достаточно думает о тебе, чтобы оплатить выходной день. Поэтому ты должна принять деньги. Если ты считаешь, что должна оплатить ему, значит, найди способ сделать это, — она подмигивает мне, когда я смотрю на нее, и мое лицо нагревается еще больше.

— ЛуЭнн! — восклицаю я, готовая бежать обратно в зал и бросить в него деньги. — Я не такая. Я не занимаюсь такими вещами...

— Кади, — она хватает меня за плечи, заставляя успокоиться, — я не говорю, что ты должна спать с парнем. — Она смеется, закатывая глаза. — Я предлагаю просто испечь ему пирог или еще что-нибудь. Я сомневаюсь, что он что-то ожидает взамен.

Я прикусываю губу, не в состоянии очистить свою голову достаточно, чтобы мыслить здраво.

— Я хорошо разбираюсь в людях, — она все еще держит меня за плечи. — И я не получаю никаких странных вибраций от него. Я думаю, что он искренне беспокоится о тебе. Позволь кому-то позаботиться о тебе для разнообразия.

— Господь знает, что никто здесь не будет добр ко мне, — говорю я ей с сарказмом.

— Я планирую удвоить твою работу, когда ты почувствуешь себя лучше.

— Я не ожидала бы ничего меньше.

— Теперь убирайся отсюда. Иди домой и ложись спать. Я зайду вечером и проверю тебя.

Без моего согласия мое тело с удовольствием откликается на ее требование, полностью предав мою решимость. Я смотрю на деньги, скомканные в руке, и просто решаю принять их. На данный момент.

По пути домой смотрю на блестящие здания и задаюсь вопросом, в каком из них работает Нейтан.

Чем он занимается? Я даже не знаю его фамилию. Как я должна его отблагодарить? Что он ждет от меня?

Моя голова начинает кружиться от всех вопросов вкупе со странной ситуацией, в которой я оказалась. После того, как я поднимаюсь по лестнице в свою квартиру, пыхтя и задыхаясь от усталости, я практически падаю в кровать полностью одетая.

Стук в дверь пробуждает меня из мертвого сна. Заставляя глаза открыться, я понимаю, что уже темно, и я, должно быть, проспала весь день. Я смотрю вниз и вижу, что я все еще в униформе и обуви. Раздевание было наименьшей из моих проблем, когда я добралась до квартиры. Не растянуться на полу было гораздо важнее.

Я стону от боли в голове, когда стук продолжается. Через несколько секунд, зная, что это не уходит, я поднимаюсь. Шаркая к двери, я вынуждена ловить себя на стене... а потом в дверной коробке, прежде чем, наконец, добираюсь до финиша.

— Я как раз собиралась звонить твоему управляющему, — говорит ЛуЭнн, когда я открываю дверь. Ее лицо обеспокоенное, а в голосе слышится паника. В одной руке она держит коричневый бумажный пакет, а другую протягивает, чтобы потрогать мой лоб. Что-то, что делает обычно мама. Я думаю, что во всех смыслах ЛуЭнн самый близкий для меня человек.

— Ты горячая, — говорит она, протискиваясь мимо меня, чтобы попасть внутрь. — Почему бы тебе не пойти принять душ? А я сделаю тебе суп и чай.

Я стою и смотрю на нее, гадая, что бы я делала без нее. Большую часть времени мы обмениваемся только саркастическими замечаниями и ворчанием о клиентах. Иногда она спрашивает о моей жизни, не то чтобы моя сильно отличается от ее. Она — это я через пятнадцать лет... или я — это она пятнадцать лет назад... в зависимости от того, как вы захотите на это взглянуть. В принципе, мы с ней похожи, поэтому не так много можно сказать.

- Что ты стоишь? — спрашивает она, проходя в мою маленькую кухню, и ищет кастрюлю.

— Она под раковиной. У меня только одна, — я указываю на то место, где висит полотенце. — А ты умеешь готовить суп?

— Не умничай.

— Я просто не хочу, чтобы ты сожгла мою квартиру, пока я в душе.

— Я смотрю, ты не так больна, как притворяешься, — я фальшиво кашляю и даже обманчиво ей улыбаюсь, прежде чем отправиться в ванную и снять свою одежду.

Я не могу вспомнить, когда последний раз кто-то кроме меня был в моей квартире. Я уже начала думать, что *не могу вспомнить, когда в последний раз кто-то был добр ко мне*, но это было бы ложью. Нейтан был добр ко мне. Он был добр в тот день, когда заступился за меня перед придурком, и он был милым сегодня, когда убедил ЛуЭнн отправить меня домой. Как правило, хорошие люди вызывают у меня подозрение, но с ним я не знаю, что и думать. Так что вместо этого я лезу в душ и смываю день и, надеюсь, эту болезнь.

Я больше не могу позволить себе не выходить на работу, даже с щедрым пожертвованием от Фонда Нейтана, которое я планирую вернуть... с процентами.

Глава 4

Кад

Перевернувшись в постели, я понимаю, что моя футболка влажная, значит, температура, должно быть, за ночь опустилась. Я наклоняюсь, чтобы посмотреть на будильник на тумбочке возле кровати, и вижу, что еще даже нет четырех утра. Я спала практически целые сутки.

Единственный раз я бодрствовала, когда заходила ЛуЭнн, и я приняла душ и поела суп, который она умудрилась не спалить, и чей цвет меня впечатлил.

Соскользнув с кровати, я прощупываю почву и ставлю ноги на холодный пол. Иногда

трудно сказать, чувствуешь ли ты себя плохо, пока лежишь в постели. Независимо от того, насколько сильно мое тело все еще болит, у меня нет температуры, поэтому я иду на работу.

И так как я все равно встала, я могу пойти пораньше и переодеться.

Если приду достаточно рано, я смогу сделать дополнительный пирог для Нейтана в качестве первоначального взноса по *кредиту*.

Я плетусь в ванную и смотрю на себя в зеркало. Мои карие глаза, подчеркнутые темными кругами под ними, выглядят истощенными. Мои каштановые волосы в беспорядке.

Веснушки на носу, которые я всегда ненавидела, более выражены из-за бледности лица. Я выгляжу, как смерть.

Но, по крайней мере, я не умерла.

Я дышу.

Могло быть и хуже.

Итак, я заставляю себя принять душ, и двадцать минут спустя, когда я смотрюсь в зеркало, все не так плохо. Темные круги все равно есть, но волосы убраны в хвост, и появилось немного цвета на щеках. На сегодня этого уже достаточно.

По дороге вниз я останавливаюсь у квартиры моего управляющего, чтобы просунуть аренду в щель его двери. Реальность того, что Нейтан сделал для меня, давит еще больше, и я снова сомневаюсь.

Однако уведомление на двери, заявляющее, что все жильцы, которые до двадцать пятого числа не заплатят аренду за предыдущий месяц, будут выселены, заставляет меня оставить деньги, прежде чем я смогу передумать по этому поводу.

Нейтан кажется хорошим парнем. В глубине души почему-то я знаю, что его намерения честны.

Или, по крайней мере, я надеюсь на это.

Я уверена, что мы сможем что-нибудь придумать.

~trns[ntc - v]odny©~

Мак уже на кухне готовится к завтраку. Иногда мне кажется, что он живет здесь.

Может, он спит в кабинете?

— Привет, Мак, — здороваюсь я, когда задняя дверь закрывается позади меня. Я достаю чистый передник с крючка у двери и оборачиваю его два раза вокруг талии, завязав спереди.

— Хей, Кади, — говорит он, поднимая глаза. — Судя по тому, что сказала ЛуЭнн, я не был уверен, что ты сегодня придешь. Чувствуешь себя лучше?

— Наверно. Температуры нет сегодня, так что...

— Это хорошо. Вчера у нас было много несчастных клиентов, когда выяснилось, что пирога нет.

— Это гарантия моей занятости, — смеюсь я по дороге к холодильнику за продуктами.

— Я думаю, ты подсыпаешь что-то в эти пироги, — дразнит он. — Что ты испечешь сегодня?

— Что ж, — я останавливаюсь, чтобы осмотреть полки, — похоже, у меня есть все для вишневого и, возможно, яблочного, если у тебя нет планов на эти продукты? — я достаю пакет с яблоками Гренни Смит.

— Неа. Все твое, детка.

— Спасибо, — я складываю все ингредиенты на стол и приступаю к работе. — Эй, Мак?

— Да?

— Могу я заплатить за ингредиенты для другого пирога? Ты можешь вычесть из моей зарплаты, если это нормально.

— Зачем? — спрашивает он, не говоря «нет», просто любопытствуя.

— Для Нейтана — того парня, который дал мне огромные чаевые однажды, — говорю я ему, насыпая муку в большую миску. — На днях он дал мне двести долларов... ни за что, просто потому, что я была больна. И он сказал ЛуЭнн отправить меня домой, — я задумалась над тем, что сказала Маку. — Это кажется странным. Никто никогда не делал ничего подобного раньше. Я имею в виду, у меня была пара странных клиентов на протяжении многих лет, которые думали, что большие чаевые предоставляют некоторые дополнительные услуги, но он другой. Никогда даже не пытался дать мне свой номер или что-то.

— Итак, для чего пирог? — спрашивает Мак.

— Просто подумала, что это будет хорошим началом, чтобы отплатить ему. Ему действительно нравятся пироги.

— Или именно *твои* пироги, — фыркает Мак, нарезаая кубиками картофель.

— Остановись, — я чувствую, что мои щеки начинают гореть, так происходит каждый раз, когда кто-то упоминает, что Нейтану нравится что-то больше, чем просто пирог, точнее, мой пирог. — Я думаю, что он просто хороший парень. Презумпция невинности и все такое.

— Если он заставит тебя чувствовать себя неудобно, приходи ко мне, — его голос суровый и решительный. Мак не говорит много, но никогда не позволит никому воспользоваться его девочками. В день фиаско с химчисткой он был готов засунуть брюки тому парню в горло, но я попросила его не беспокоиться об этом. Вспыльчивость Мака — это то, о чем мы с ЛуЭнн заботимся больше всего. Он не компанейский человек.

— Хорошо, — соглашаюсь я, хотя не думаю, что мне понадобится его помощь. По крайней мере, не с Нейтаном. По некоторым причинам, я хочу разобраться с ним сама. Он интригует меня.

Среди прочего.

Но я не собираюсь позволить себе увязнуть в этом.

Как я и сказала Маку, он хороший парень, который сделал милый поступок. Я не буду выискивать в этом что-то большее.

~trnqslntc~v[ndnny©~

Остудив пирог Нейтана, я заворачиваю его в целлофан, а затем в фольгу. Я покопалась на складе в поисках коробки, но вернулась с пустыми руками, поэтому придется положить пирог в бумажный пакет. Это не-суди-книгу-по-обложке момент.

Когда ЛуЭнн отправляет меня к десятому столику, я смотрю на большие часы на стене и знаю, что настал мой выход.

Я ставлю мешок на стол перед ним, предварительно сказав:

— Пирог намного вкуснее, чем выглядит.

Он удивленно поднимает бровь.

— Это, э-э, типа аванса.

Он смотрит на пакет, и небольшая улыбка растягивает его губы.

Очень красивые губы.

Я закатываю глаза на себя, прежде чем продолжить.

— Мне понадобится вечность, чтобы заработать двести долларов, но я верну долг, —

смотрю на свой фартук и нервно его разглаживаю. — И... спасибо вам за это.

— Чувствуешь себя лучше? — спрашивает он, отрезав мою нервную болтовню. Он встречает мой взгляд и снова улыбается. То, как его взгляд путешествует по моему телу, ощущается чем-то большим, чем просто наблюдение, но это может быть мое бурное воображение.

— Гораздо, — я ставлю перед ним чистую кофейную чашку и иду к кассе за горячим кофе.

Когда я наполняю его чашку, вижу, что он заглядывает в мешок и глубоко вдыхает.

— Черничный? — спрашивает он, снова вздыхая.

— Чернично-лимонный, — улыбаюсь я, потому что до сих пор это были два его любимых. — Специально для вас.

Он высовывает язык и облизывает нижнюю губу, и я тяжело сглатываю, чтобы удержаться от неподобающих звуков.

Серьезно, мне нужно взять себя в руки прежде, чем я сделаю или скажу что-то глупое.

— В любом случае, спасибо. У меня не было выходного дня с... ну, я не могу сказать вам, как долго и... — я знаю, что он не хочет услышать мою горестную историю, так что я останавливаю себя. — Просто спасибо.

— Ты ничего не должна мне возвращать. Это были чаевые, — говорит он, глядя на меня. — И я думаю, мы уже обсуждали тот факт, что нет предела, сколько клиент может дать чаевых за хорошее обслуживание.

— Я никогда не делала ничего, что стоило бы двухсот долларов, — возражаю я.

Он изгибает бровь и ухмыляется на это замечание, заставляя меня заикаться и спотыкаться о свои слова.

— Это... ну... я хочу сказать, что уже во второй раз вы выручаете меня, — я делаю паузу, пытаюсь не волноваться. — Я... я не использую людей и буду чувствовать себя лучше, если вы позволите мне заплатить вам обратно.

Вот, это мой окончательный ответ. Я стою прямо и жду, пока он согласится, но по некоторым причинам знаю, что это не будет так легко. Кстати, я могу сказать, что он постоянно следит за мной, смотрит на меня. Хотела бы я знать, о чем он думает... почему он подумал, что это хорошая идея — дать официантке двести долларов... почему этой официантке. Он делает это все время?

Он кивает головой, откашливаясь.

— Я знаю, что ты не используешь людей, Кэди. И я не дал бы тебе денег, если бы не хотел. Если ты не можешь принять их как чаевые, смотри на это как на подарок.

Я слышу, как меня зовут, но качаю головой, давая ЛуЭнн знак “одну секунду” через плечо.

— Вы даже не знаете меня. Настоящую.

— Да, я знаю.

— Нет, — говорю я немного тверже, чувствуя, что дохожу до точки кипения. — Вы не знаете.

Нейтан закидывает голову назад и смеется. Это прекрасно. Его линия челюсти еще более четкая, когда кожа натягивается. Его кадык слегка качается. Он смотрит на меня, и его глаза мерцают, когда он прищуривается.

— Упрямая, не так ли? — это звучит почти как вызов.

Я хмуро гляжу на него, ненавидя то, как он, очевидно, пытается забраться мне под кожу,

потому что это работает.

— Я не упрямая.

В этот момент я хотела бы найти способ забрать деньги у моего управляющего.

Я ненавижу быть должницей.

Я ненавижу чувство, что кто-то имеет преимущество надо мной.

Я ненавижу, когда кто-то говорит мне, кто я или что мне делать.

— Я отдам вам долг.

Я поворачиваюсь и практически топаю обратно на кухню, наполовину полный кофейник все еще в моей руке. Когда я ставлю его на прилавок немного жестче, чем обычно, ЛуЭнн поднимает голову.

— Кто рассердил тебя?

Разочарованно застонав, я приглаживаю свои волосы.

— Никто.

— Ладно, — тянет она. — Четвертому столику нужен кетчуп, а пятому — добавка. Карла снова звонила... заболел ребенок.

Кто бы сомневался.

Глава 5

Кади

Мы давно закрылись, и я как раз заканчиваю с полами за стойкой, когда громкий стук в стеклянную дверь почти заставляет меня обмочиться в штаны. Я тянусь через прилавок, чтобы убавить звук на радио.

Мое сердце бьется так быстро, что это заставляет меня чувствовать головокружение.

Я прищуриваю глаза, пытаюсь увидеть, кто может стучать в дверь так поздно вечером.

Моя первая мысль, что Мак вернулся, но, конечно, у него есть ключ.

Я уже планирую выключить свет и спрятаться в подсобке, пока они уйдут, но потом мельком вижу знакомый профиль.

Теперь мое сердце бьется быстро по совершенно другой причине.

Я подхожу к двери, и когда он видит меня, то машет мне рукой так повседневно... как будто мы просто встретились на улице, проходя мимо друг друга. Что-то в том, что я вижу его, заставляет меня успокоиться. Я не могу объяснить это, но *хочу впустить его*. И, возможно, эта метафора относится не только к закуской.

Я уже кладу руку на ручку, когда моя более разумная сторона начинает кричать о нелепой статистике убийств. Я могла бы быть следующим пропавшим человеком. Они могли найти мое расчлененное тело в морозильнике.

Он поднимает бровь, как бы спрашивая «ты собираешься впустить меня?» И я улыбаюсь... наполовину нервно, наполовину любопытно.

Любопытство побеждает каждый раз.

— Хей, — мой тон вопросительный, и это хорошо. Я не хочу показаться нервной или испуганной... или нетерпеливой.

— Хей, Кади, — его голос льется на меня, словно теплый мед, и я определенно впитываю его очарование. — Я проходил мимо и увидел тебя. Что ты делаешь здесь так поздно?

Он заглядывает за мое плечо, осматривая комнату.

— Я задержалась, чтобы отполировать полы, — я указываю себе за спину, чувствуя себя, как Бейби из «Грязных танцев» в сцене, где она несла арбузы.

— Одна? — тот же самый критический взгляд, как в тот день, когда я была больна, вернулся на его лицо.

— ЛуЭнн обычно помогает мне, но у нее дела сегодня, — выпаливаю я. Вот и плакало мое прикрытие.

Его брови сходятся на переносице.

— Это не очень безопасно для тебя — быть здесь так поздно ночью одной.

— О, мм... — я слегка качаю головой. — Ну, я делаю это все время... ну, не все время, но часто, — заговариваюсь я.

Почему мои ладони потеют? Дерьмо. Незаметно я пытаюсь вытереть их об фартук, но он выглядит не самым лучшим образом. Сегодня я умудрилась пролить на себя спагетти и Чили.

— Похоже, у тебя был долгий день, — говорит он, проследив за моим взглядом вниз.

— Да, видимо, так.

— Хорошо, что сегодня пятница.

— Наверное, — я пожимаю плечами. Я имею в виду, действительно ли это важно, когда ты работаешь и в выходные тоже?

На секунду мы стоим в неловком молчании.

— Ну, — говорю я, пытаюсь придумать, что сказать или сделать, — я должна закончить.

Нейтан кивает и прикусывает губу, как будто что-то обдумывает.

— Думаю, я подожду, пока ты закончишь. Я могу проводить тебя до машины, по крайней мере. Убедиться, что ты выберешься отсюда в безопасности.

— Я... Я хожу пешком.

— Ну, тогда я отвезу тебя домой.

Спорить с Нейтаном, кажется, не очень хорошо получается, поэтому я соглашаюсь.

— Ладно.

Я выпускаю его и запираю за ним дверь. Выглянув в окно, интересуюсь, видел ли кто-нибудь, как он вошел сюда, и если да, то, что они подумают.

О чем я думаю?

Я хочу его.

Самым неподобающим образом.

— Оставайся на коврике, — инструктирую я. — Полы еще не совсем высохли.

— Хорошо, — он остается на коврике, и я хватаю стул, чтобы он мог сесть.

— Я буду через несколько минут.

Когда принимаюсь за работу, я чувствую себя глупо из-за того, что позволила ему остаться. Это не первый раз, когда я остаюсь здесь после работы, и не последний. Я почти останавливаюсь и говорю ему идти, но когда поднимаю голову, он смотрит на меня, наблюдает за мной... как будто я — самое интересное, что он когда-либо видел, и интенсивность его взгляда заставляет мои слова застрять в горле. Итак, я продолжаю полировать пол, опустив голову, чтобы скрыть румянец на щеках.

Когда я заканчиваю с полом и отправляю машинку в кладовку, я выключаю весь остальной свет, и Нейтан следует за мной к задней двери, его рука нежно покоится на моей поясице.

— Ты действительно не должен ждать меня, — говорю я, заперев за собой дверь.

— Я не мог просто оставить тебя здесь одну. Уже темно и поздно. Кроме того, — говорит он приглушенным тоном, его губы касаются моего уха — я думал о тебе весь день.

Это признание заставляет меня замереть, мой мозг пытается осмыслить, действительно ли он сказал это, или мне послышалось.

— Пойдем, — он снова кладет руку на мою поясницу и направляет меня в сторону тротуара.

— Как далеко твоя машина? — спрашиваю я, пытаюсь придумать тему для разговора.

— Еще один квартал, — он движется вперед к большой парковке.

— Зачем ты дал мне деньги? — я спрашиваю, потому что мне нужно знать. Я хочу знать, что он от меня хочет.

Он делает глубокий вздох, который испаряется в холодном воздухе.

— Разве мы уже не проходили через это? — строго спрашивает он.

— Проходили... я просто... никто никогда не делал для меня ничего подобного.

Он смотрит на меня, но мы продолжаем идти в тишине по улице, прежде чем он отвечает.

— Я думаю, что вижу в тебе себя.

— Серьезно? — спрашиваю я, выгибая бровь, и останавливаюсь, когда мы подходим к парковке, ожидая, что он поведет меня в правильном направлении. — Да, я вижу сходство, — говорю я ему, резко смеясь. — Ты тоже носишь фартук?

Юмор и сарказм — мои механизмы преодоления. Когда жизнь становится слишком странной, или сложной, или грустной, я стараюсь шутить. Этого не всегда достаточно, но юмор каким-то образом уменьшает напряжение в груди и животе.

— Нет, — говорит он с большей серьезностью, когда мы подходим к автомобилю, который, вероятно, стоит больше, чем весь дом, где я живу. — Девушка пытается свести концы с концами, желая сделать больше, но, не имея выхода из текущей ситуации.

Я с трудом сглатываю и поднимаю на него глаза.

— Это... — я собираюсь сказать «это не я» или «все совсем не так», но это правда. Это я. Вопрос: откуда он знает, и почему это напоминает о нем?

— Что общего у такого богатого парня, как ты с девушкой вроде меня? — спрашиваю я, когда он пультом открывает гладкий черный автомобиль с темными тонированными стеклами.

— Больше, чем ты думаешь, — говорит он, открывая дверцу для меня.

— Скажи мне, — требую я, задержавшись снаружи автомобиля.

— Залезай.

Такой требовательный.

Я подчиняюсь, но не потому, что он сказал мне, а потому что хочу. Когда он закрывает дверь, запах кожи, дерева и специй наполняет мой нос, и я закрываю глаза, глубоко вдыхая. Запах знакомый. Это интенсивная версия того, как слабо пахнет Нейтан в закусочной. Над запахами еды и других клиентов он всегда преобладает настолько, что я скучаю по нему, когда он уходит.

Он открывает дверь со стороны водителя и плавно скользит на сиденье. Одним нажатием кнопки загорается приборная панель, и двигатель оживает. Я хочу потереться о сиденье, на котором сижу... и взять его с собой домой. Оно обволакивает меня, как кокон. Кожа настолько мягкая; я могла бы здесь спать.

— Я не всегда был богатым парнем, — говорит он, наконец. — Я знаю, каково это — чувствовать, как будто ты никогда не получишь перерыв.

Искренность его исповеди омрачает меня. Я смотрю на его профиль, пытаюсь

представить Нейтана каким-то иным, но понимаю, что с деньгами или без, в костюме или нет, он все равно красивый.

Он выезжает с парковки на городскую улицу.

— Куда?

— Вторая и Гаррисон, — отвечаю я, указывая налево.

Он не отвечает, только сердито рычит и поворачивает налево.

— Я пойму, если ты не хочешь ехать туда на машине. Я бы не стала, — говорю я ему, полагая, что его недовольство связано с местом.

— Меня не волнует машина.

Я киваю, не зная, что сказать.

Несколько кварталов мы едем в молчании, город мелькает за окном, медленно переходя от блестящих офисных зданий в промышленные строения.

— Как пирог? — я пытаюсь заполнить пустоту.

— Вкусный, — говорит он, его брови все еще плотно сжаты.

— Я сделала что-то неправильно? Ты можешь просто высадить меня на углу...

— Нет и нет.

Я отворачиваюсь к окну, но не могу избавиться от чувства, будто чем-то расстроила его. Все было прекрасно, пока мы не сели в машину.

— Поверни направо на следующем светофоре, — я наблюдаю за его профилем в свете уличных фонарей. Одна вещь, которая всегда преобладает, это его линия челюсти. Я никогда не видела ничего подобного, кроме разве что на модели в журнале. Его подбородок такой прямой и сильный. Мои руки немного дергаются, когда я думаю о том, чтобы прикоснуться к нему.

Машина притормаживает на углу, и я чувствую беспокойство, ползущее и свернувшееся в животе. Мой дом находится в двух кварталах, и я не хочу выходить из машины, не зная, злится он на меня или нет. Я даже не знаю, что сделала, чтобы рассердить его.

Я не уверена, почему это важно, но это так.

— Два квартала вверх. Моя квартира находится на правой стороне. Ты можешь просто остановиться на обочине.

Он смотрит на меня, и свет с улицы заставляет его глаза сиять. Я заметила их в закускойной, но сегодня вечером они другие — темнее, глубже, красивее. То, как он смотрит на меня, заставляет меня тяжело сглотнуть, и я изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание.

Он переключает передачу, и что-то в этом движении заставляет мой живот напрячься. Мне бы понравилось смотреть, как он едет по шоссе, где может разогнаться быстрее пятидесяти километров в час.

Какого черта?

Кто получает удовольствие от парня, переключающего передачи в машине?!

— Приехали.

Он подъезжает к тротуару и заглушает двигатель.

Я думаю, что должна выйти сейчас, но я не хочу, и не знаю, что сказать. Мне нужно, чтобы он сделал или сказал что-то.

— Это не выглядит безопасным для человека, живущего в одиночестве, — говорит он, сканируя глазами здание и окрестности.

— Кто сказал, что я живу одна? — мне не нравится, как он критикует мой район,

будучи настолько самонадеянным.

Хотя он прав. По обоим пунктам.

— Ты живешь одна? — спрашивает он, слегка повернувшись в кресле ко мне лицом.

Интенсивность его взгляда выталкивает из меня правду.

— Да, — я хватаюсь за дверную ручку. — Спасибо, что подвез меня домой, — поспешно говорю я.

Нейтан быстро движется, блокируя мне выход.

— Не так быстро.

Я откидываюсь на спинку, внезапно поглощенная им... его запах окутывает меня, и он так близко, что я чувствую тепло его тела. Вместо того чтобы сесть в свое кресло, он смотрит на меня сверху вниз из-под невероятно длинных ресниц, которые должно быть запрещено иметь парням. Женщины платят большие деньги за подобные ресницы.

— Твои глаза действительно карие, почти черные, — бормочу я, не зная, что еще сказать, смущенная его поведением.

Он ухмыляется.

И это идет напрямик в мое влагалище.

Как будто я физически чувствую.

Как это возможно?

Снова сглотнув, я перевожу свой взгляд от его губ обратно на глаза, которые сейчас прожигают меня насквозь.

— Я... я... пойду, — говорю я, указывая за мое плечо.

— Оставайся на месте, — требует он, и хотя я обычно не позволяю никому говорить мне, что делать, сейчас я подчиняюсь.

Я сижу и смотрю, как он грациозно выскальзывает из машины и обходит ее спереди. Когда он открывает для меня дверь, на мгновение я колеблюсь.

Его рука появляется передо мной, и секунду я смотрю на нее, прежде чем разместить в ней свою. Она мягкая, но крепкая. Он держит мою руку, пока я встаю перед ним и смущенно смотрю на него, а потом на то, где он касается меня, а затем на грязно-серое здание.

Контраст между окружением и Нейтаном с его блестящим автомобилем как день и ночь.

Он день... или, может быть, он ночь.

Несмотря на яркость его глаз, они становятся более темными, пока он продолжает смотреть на меня. И я не могу остановить мысль, каково было бы поцеловать его. Я фокусирую взгляд на его губах и замечаю, как они дергаются, а потом он высовывает язык и облизывает их, делая еще более соблазнительными.

— Я собираюсь поцеловать тебя, — говорит он. — Если ты не хочешь этого, сейчас самое время высказаться.

Я качаю головой.

— Мне нужен словесный ответ, Кади.

— Да.

— Да, ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

Я киваю, не в состоянии вдохнуть достаточное количество воздуха, чтобы заставить свои голосовые связки работать. Они парализованы, как и я. Нейтан подходит ближе и обхватывает мое лицо руками. Я смотрю, как его губы приближаются. Он замирает на секунду, вглядываясь в мои глаза и лицо в поисках того, что это не то, чего я хочу, но он

ничего не найдет, потому что я хочу. Я хочу это — его — так сильно, что это поглощает меня.

В тот момент, когда его губы касаются моих, крупницы контроля, которые я все еще имела над моим телом, исчезают. Сначала его поцелуй мягкий и сладкий, лишь легкое прикосновение.

— Открой рот, — шепчет он мне в губы, и я делаю, разрешая ему доступ, тихо прося его о большем. И он угождает. Его язык проталкивается внутрь, и весь мой организм реагирует на ощущение быть окутанной им.

Он отстраняется слишком быстро, зубами покусывая мою нижнюю губу, и я тихо хнычу от потери контакта.

— Я буду наблюдать за тобой, пока ты не войдешь внутрь, — говорит он внезапно, есть что-то похожее на боль в его голосе.

— О... хорошо, — я киваю, как будто это абсолютно нормально... будто это то, чем я занимаюсь все время. Великолепный мужчина целует меня на тротуаре перед моей квартирой. Это постоянно происходит.

— Кади, — говорит он после того, как я, наконец, заставляю свои ноги начать двигаться. Я оборачиваюсь, все еще ощущая продолжительный эффект от его поцелуя, и вижу, что он лезет в нагрудный карман. Сделав шаг ко мне, он дает мне карточку, на которой большими черными буквами написано Нейтан Хендрикс.

— Это мой личный номер. Позвони мне. Если тебе нужно поехать куда-нибудь или задержишься на работе допоздна... что угодно.

— Хорошо, — соглашаюсь я, его слова лишь частично обрабатываются в моем мозгу. — Спасибо.

Он просто кивает и засовывает руки в карманы, ожидая, что я войду в здание.

Поднимаясь по лестнице на свой этаж, я задумываюсь, по-прежнему ли Нейтан стоит на тротуаре, выглядя, как мечта. Любопытство движет мной, и вместо того, чтобы идти, я начинаю бежать, перепрыгивая через две ступеньки. Когда я добираюсь до своей двери, я быстро отпираю оба замка и вбегаю в квартиру, захлопнув за собой дверь. Я останавливаюсь возле окна и делаю глубокий вдох, заставляя себя успокоиться и только взглянуть. Если он там, я не хочу, чтобы он знал, что я просто побежала по лестнице, чтобы украсть один последний взгляд.

И вот он. Даже с третьего этажа он по-прежнему выглядит красиво. И может быть, это мое воображение, но мне кажется, что я все еще могу видеть его темные глаза, и они смотрят на меня. Он поднимает брови, машет мне, а затем идет обратно к водительскому сиденью. Я продолжаю смотреть, как он садится и медленно отъезжает.

Я смотрю на визитку в руке и прижимаю ее к своим губам, все еще ощущая покалывание от его поцелуя.

Было бы странно позвонить ему сейчас?

Он ответит, если я позвоню?

Что я скажу?

Адреналин, который начинает просачиваться через мои вены при мысли об этом, практически бросает меня в пот. До сегодняшнего вечера я старалась не думать о нем слишком много, зная, что он полностью вне моей лиги, и я не должна даже фантазировать ни о чем.

Фантазии — это роскошь, которую я не позволяю себе. Фантазии приводят только к

разочарованию.

Я реалист.

Но... после этого поцелуя, после того, как я находилась с ним в замкнутом пространстве, вдыхала его запах, прикасалась к нему... я знаю, что не смогу удержаться. Мой разум уже там. Воображает то, что я хотела, но даже не подозревала.

Я снова одергиваю занавеску, просто чтобы убедиться, что он уехал. Все, что я вижу — это пустая улица и парень, роющийся в мусорном баке, поэтому я закрываю ее и, прижав к себе мою визитную карточку Нейтана Хендрикса, ложусь в постель прямо в одежде. Я думаю, что если закрою глаза и глубоко вздохну, смогу почувствовать его запах.

Глава 6

Кади

Сейчас утро понедельника, и, как правило, я нажимаю на кнопку повтора, не желая вставать на работу, но когда мой будильник замолкает, я уже просыпаюсь.

На самом деле, я не могла уснуть несколько часов, страстно мечтая о Нейтане Хендриксе.

Небольшая часть меня надеялась, что изменит привычки и придет в кафе в выходные, он, увы.

Поэтому, сегодня утром все, о чем я могу думать, что увижу его сегодня. Я знаю, что не должна, что веду себя как глупая девчонка, но ничего не могу поделать. Клянусь, я пыталась. Я пыталась думать о других вещах, читать книгу... я даже работала допоздна с ЛуЭнн в субботу, хотя не должна была.

В четыре пятнадцать утра еще темно и почти нет машин. Так что я прогуливаюсь, смотрю на городской пейзаж и пытаюсь представить, живет ли Нейтан в одном из этих высотных зданий. У него квартира? Или, может быть, он живет в доме? Я думаю, что, возможно, он приезжает с одного из пригородов. Но по какой-то причине мне кажется, что он из тех парней, что живут в по-мужски роскошных квартирах.

Неожиданно меня грубо выдергивают из моих фантазий о Нейтане. Все происходит так быстро, что я не знаю, что с этим делать. В одну секунду я размышляю о жилых помещениях и смотрю на горизонт, а в следующий момент уже лежу на тротуаре, рассматривая темноту... и уличный фонарь. Мне требуется немного времени, чтобы прийти в себя. Боль в затылке не способствует процессу. Когда я переворачиваюсь на бок, вижу отступающего человека в капюшоне, бегущего на полной скорости в противоположном направлении с моей сумкой на буксире.

— Дерьмо, — кричу я из-за отсутствия лучшего ответа. Я шлепаю рукой о твердый тротуар, что причиняет мне еще больше боли.

Я не знаю, что меня взбесило больше — что кто-то просто взял мою сумку и убежал, или что я лежу на грязном тротуаре и в настоящее время переживаю самую страшную боль в голове, не считая ночи, когда я напилась на вечеринке «Горячие дьяволы».

— Оу, — застонав, я переворачиваюсь и заставляю себя оторваться от земли.

После того, как я прихожу в себя и ощупываю свой затылок на предмет кровотечения, я начинаю осмысливать ситуацию. Он украл мою сумку, в которой было немного — мой кошелек с десятью долларами, проездной на автобус и ключи. Дерьмо. Ключи самое худшее, потому что один от задней двери закуской, а другой от моей квартиры, за который мне придется заплатить две сотни долларов, чтобы заменить. Я уже знаю это на горьком опыте.

На глаза наворачиваются слезы, хотя я не хочу, и не потому, что у меня болит голова,

даже если это так. Разочарование и просто желание взять чертов перерыв. Вот причина.

Почему он не украл сумку у какой-нибудь богатой леди?

Я не хочу, чтобы кто-нибудь воровал их вещи, но черт возьми!

И моя библиотечная книга.

Дерьмо.

Со стоном я поворачиваюсь, чтобы продолжить свой путь на работу.

Мак будет просто счастлив, саркастически думаю я.

~trons|ntc~v|ndny©~

— Я буду вишневым, — говорит он, глядя на меня.

И на секунду я забываю свое имя... и я забываю все дерьмо сегодняшнего дня.

Сначала ограбили.

Потом у меня был скупой клиент.

Затем я уронила поднос с овсянкой. Фуу!

Нейтан за десятым столиком единственное светлое пятно моего дня. Сегодня даже Карла здесь, но я поменялась с ней. За вторым столом бизнесмены, которые всегда оставляют хорошие чаевые. Она не раздумывала дважды.

— Я собиралась испечь отдельный пирог, чтобы поблагодарить за то, что отвез меня домой на прошлой неделе, но у меня не было времени.

Небольшая улыбка искривляет его губы.

— Нет необходимости. Мне было приятно.

— Ну, это было мило с твоей стороны, и я уже чувствую, что должна тебе слишком много.

— Ты ничего мне не должна, — говорит он, его голос становится жестче. — Но... — он делает паузу, потирая свою челюсть, отчего мой желудок начинает трепыхаться, как, впрочем, каждый раз, когда он рядом. — Хотя, я тут подумал, и если ты серьезно хочешь сделать мне одолжение, у меня есть одна идея.

— Все, что угодно, — слова вылетают прежде, чем я даже соображаю, что говорю, на что соглашаюсь. Мое сердце бьется быстрее в ожидании того, что он собирается спросить.

— Моя мама проводит сбор средств на благотворительность для женщин. Вчера она упомянула, что пекарня, которую она обычно использует, обанкротилась. Я подумал, что ты могла бы помочь ей с десертами. Конечно же, она заплатит тебе.

— Серьезно? — спрашиваю я.

— Да, я еще не говорил ей об этом. Сначала хотел спросить у тебя.

— Я бы... я имею в виду, да. Я бы с удовольствием. Но я не понимаю, какую выгоду ты получишь от этого.

Его темный, напряженный взгляд захватывает мой, затем отправляется вниз по моему телу. А потом обратно вверх.

— Не беспокойся обо мне, — говорит он с ухмылкой.

Жар опалает мои щеки, и прежде чем я выставлю себя идиоткой, я поворачиваюсь и ухожу.

— Скоро вернусь с твоим пирогом, — выпаливаю я, не оглядываясь. Я не могу, потому что, если он все еще смотрит на меня своими тлеющими глазами из-под длинных ресниц, я не ручаюсь за свои действия.

После того, как Нейтан заканчивает свой пирог и кофе, он останавливает меня, когда я иду к другому столику.

— У тебя еще есть моя визитка?

— Да, она в моей... — я замолкаю, вспомнив, что у меня больше ее нет. Карточка была в моей сумке, которую украли. — Нет.

— Ты потеряла ее? — спрашивает он.

— Нет. Сегодня кто-то украл мою сумку.

— Что? — сжатая челюсть и раздувающиеся ноздри заставляют меня сделать шаг назад, поднос почти выскальзывает из моих рук. Нейтан подскакивает с места и стабилизирует меня, удерживая воду и сок от удара о пол.

Он разочарованно вздыхает, зажимая переносицу.

— Ты шла на работу одна? В темноте? — он не смотрит на меня.

— Да.

— Почему?

— Потому что, — говорю я, растягивая слова. — Автобус идет слишком долго, и никто больше не ходит на работу в четыре тридцать утра, — сарказм очевиден, но я ничего не могу поделать. Он меня бесит.

— Почему ты не позвонила мне?

— В четыре утра? — спрашиваю я. — Seriously?

Он достает деньги и шлепает их на стол. Затем достает еще одну белоснежную карточку и кладет ее в карман моего фартука.

— Позвони мне, когда соберешься идти домой. Я приеду, чтобы забрать тебя. Не ходи домой пешком.

Тон его голоса посылает озноб по моему позвоночнику, но не в плохом смысле — не в стиле Фредди Крюгера — по-другому, чего я никогда не чувствовала раньше.

Я киваю и смотрю, как он выходит из закуской.

Клиенты, которые наблюдали за нами, возвращаются к своей еде и разговорам, но я остаюсь стоять там с подносом, полным напитков, пытаюсь найти объяснение тому, что происходит между мной и Пирог-парнем.

~tronslate ~ v|odnyy©~

— Увидимся завтра, — говорит ЛуЭнн, направляясь к черному входу.

— Хорошо, — кричу я. — Будь осторожна.

— Ты тоже, дорогая. И позвони ему, — требует она. — Если я узнаю, что ты не сделала это, я побью тебя деревянной ложкой.

— Отлично, — говорю я ей, затем раздраженно фыркаю, этот звук может конкурировать с любой девочкой-подростком. Я беру трубку у кассы и набираю номер с визитки Нейтана. Быстро. Так, чтобы я не смогла передумать.

— Хендрикс Холдинг. С кем вас соединить? — пожилая, профессионально звучащая женщина отвечает на звонок, и это застает меня врасплох. Я думала, что ответит Нейтан, поэтому это выбивает меня из колеи. Но, конечно, у него есть кто-то, отвечающий за него.

Он... ну, он Нейтан. Он же мистер Генеральный директор, в костюме и галстуке.

А я Кади. Официантка и пекарь. Зачем, ради всего святого, я звоню этому мужчине?

— Алло? — зовет женщина на другом конце линии.

— Э-э, — начинаю я, но опять замолкаю, внезапно занервничав, что это плохая идея. Прежде чем я могу полностью передумать и повесить трубку, предупреждение ЛуЭнн всплывает передо мной, заставляя меня продолжать.

— С Нейтаном Хендриксом.

— Могу я узнать, кто звонит?

— Кади... Каданс Девис, — стукнув себя по лбу, я съеживаюсь. Он не знает мою фамилию. Это уточнение ни черта не изменит.

— Пожалуйста, подождите.

Через несколько секунд плавное «Мисс Девис» раздаётся в трубке. Я тяжело сглатываю, когда Нейтан перекачивает мое имя на языке, пробуя его в первый раз. Его тон не грубый, как раньше. Он на самом деле звучит довольным. Может, потому что у него был хороший день, или, может быть, потому что я сделала то, о чем он меня попросил. Не знаю, но я рада. По какой-то причине его радость делает меня счастливой, и я немного расслабляюсь.

— Время закрытия? — спрашивает он.

— Ну, да. Я заканчиваю на кухне, и тогда я буду готова... — я прерываюсь, не зная, что еще сказать.

— Я буду там через десять минут. Задняя дверь, верно? — спрашивает он.

— Да.

— Увидимся.

Телефон замолкает, прежде чем у меня появляется шанс ответить.

— Увидимся, — говорю я в никуда, глядя на телефон, и помещаю его обратно на базу.

После того, как я убираю последние чистые тарелки в шкаф и выключаю свет в передней части закуской, я беру новый ключ, который дал мне Мак. Он был не так зол, как я думала, по крайней мере, не на меня. Он был в ярости на мудака, который украл мою сумку. Потом он позвонил приятелю в полицию, он также позвонил, чтобы сменили замки, на всякий случай. Я плохо себя чувствовала из-за расходов и сказала ему, что он может вычесть эту сумму из моей зарплаты, но он только проворчал что-то об отсутствии моей вины и вышел из кухни.

Внезапно я вспоминаю, что у меня нет ключей от моей квартиры. Когда я сегодня утром позвонила управляющему, он не ответил и не перезвонил. Я быстро просматриваю регистрационную книгу и заглядываю в блокнот для сообщений, но для меня ничего нет.

У меня начинается паника, которая разгорается огнем в моей груди.

Что я буду делать без ключа от моей квартиры?

Может быть, управляющий сможет впустить меня. Я имею в виду, он ведь отвечает за это место. Наверняка, у него есть запасной ключ. В прошлый раз он основательно потрепал мне нервы и предупредил, что это последний раз, когда он меняет чертов замок. Боже, я ненавижу разговаривать с этим придурком. Ужас всего этого начинает просачиваться в мой мозг, когда раздается громкий стук в заднюю дверь.

Мое сердце практически выпрыгивает из груди, но я знаю, что это Нейтан, и не хочу заставлять его ждать. Я быстро выключаю весь остальной свет на кухне и открываю дверь.

— Как ты узнала, что это был я? — рявкает Нейтан. Его голос грубый, а брови плотно сдвинуты вместе, делая его красивое лицо жестким и злым.

— Я... э-э, ну... ты единственный, кто может быть.

— В следующий раз спроси, кто это.

Ворчун Нейтан вернулся.

— Готова? — спрашивает он, оглядывая через мое плечо темную кухню.

— Да, — я пожимаю плечами и вздыхаю, чувствуя себя странно ничего не держа в руках... Сумки-то нет.

После того, как выхожу и запираю за собой дверь, я кладу ключ в карман униформы. Я

чувствую, что Нейтан смотрит на меня, но не встречаюсь с ним взглядом. Он, кажется, на грани, и я не уверена, что стало причиной для этого.

Мы подходим к его машине, и он направляется напрямик к пассажирской стороне, открывая для меня дверь. Я не ожидаю от него благородства, но мне это нравится. Для меня никто никогда не открывал двери. Поблагодарив его, я сажусь на сиденье и набрасываю ремень безопасности.

Пока я наблюдаю, как он обходит автомобиль, страх перед «ключевой» проблемой разливается такой тяжестью в моем животе, что это вдавликает меня в мягкое кожаное кресло.

Я обычно не переживаю, но от того, что не знаю, смогу ли попасть в свою квартиру, мне не по себе. Это мое место. Оно не очень здоровское. Оно даже не хорошее, но это единственное место, которое я могу назвать своим. Даже если это дерьмовая квартира, но это все-таки мое убежище.

— Что случилось? — спрашивает Нейтан, его голос становится мягче.

Я качаю головой и смотрю в окно, когда мы начинаем проезжать высокие блестящие здания. Я думаю, события этого дня наконец-то догоняют меня. И второй раз за сегодня мне хочется плакать.

— Прости, если я был резок, — говорит он, одну руку держа на руле, другую — на рычаге переключения передач. — Я просто беспокоюсь о тебе. Не хочу, чтобы кто-то или что-то причиняло тебе боль... — он отвлекается на секунду, быстро меняя полосу движения, и ускоряется, чтобы обогнать автомобиль, который явно на его пути. Когда мы замедляемся на светофоре, он смотрит на меня. — Я забочусь о тебе... переживаю о том, что с тобой происходит. Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Я слглатываю, глядя на него, наблюдаю за ним, позволяя его искренности впитаться в меня.

Никто никогда не говорил мне ничего подобного. Никто. Ни моя мама, ни мой папа — люди, которые должны были защищать меня. Ни мой тупой парень в школе. Никто. Его слова вызывают слезы, которые уже и так жалят глаза.

Закусив губу, я смотрю в окно, отказываясь плакать.

— Ты боишься идти домой? — спрашивает он. — Ты думаешь, этот придурок, который украл твою сумку, живет поблизости? Где именно это произошло? — его вопросы сыплются, когда он обдумывает это. — Я разберусь с этим. Я знаю некоторых людей в участке и могу попросить об одолжении.

Последнее, что мне нужно — еще одно одолжение от Нейтана.

— Не надо, — говорю я ему, качая головой. — Ты знаешь, сколько раз в день какой-нибудь дебил крадет что-то? — я фыркаю и невесело смеюсь. — Я уверена, что у копов есть дела поважнее, чем разыскать сумку какой-то девушки. Кроме того, Мак уже заставил меня подать заявление сегодня утром.

— Там было что-нибудь, что привело бы их обратно в твою квартиру?

— Только ключи, — я чувствую себя полностью разбитой. — И права. Но я сомневаюсь, что они ими воспользуются.

Низкий гортанный звук заставляет меня взглянуть вверх, и выражение лица Нейтана смертельное — его челюсти плотно сжаты, губы — прямая линия, глаза прищурены. Мне трудно отвести от него взгляд, и мои внутренности сражаются за то, чтобы испугаться его злости или возбудиться от его интенсивности.

— Слушай, такие ребята... — я делаю паузу, чтобы прикоснуться к его руке в попытке успокоить, и мне нравятся искры электричества, которые я чувствую от этого простого прикосновения. — Им, как правило, нужны только деньги и вещи, которые они могут продать. И я хочу сказать, что он действительно облажался. Толкнуть меня на землю и украсть сумку было больше работы, чем она стоит.

— Он тебя толкнул? — спрашивает Нейтан, слова слетают с рычанием, и гнев пропитывает их.

— Я упала.

— Ублюдок, — бормочет он, зажимая пальцами переносицу.

— Я в порядке. Все хорошо, — я пытаюсь успокоить его. Я не должна была ничего говорить. Это не его проблема. Моя. Он уже сделал достаточно для меня. Ему не нужно брать на себя еще и это.

— Я не хочу везти тебя домой, — говорит он, останавливаясь на светофоре в нескольких кварталах от моей квартиры. — Это небезопасно.

— Все будет хорошо.

— Все *не* хорошо, — парирует он.

Мы оба поворачиваемся в креслах лицом друг к другу, ни один из нас не уступает. Мне интересно, кто из нас более упертый, потому что есть ощущение, что мы могли бы составить друг другу конкуренцию.

— У тебя есть новые ключи? — спрашивает он.

— Нет, — честно отвечаю я, потому что — какой смысл врать? — Я надеюсь, что у моего управляющего есть запасной.

— Ты разговаривала с ним?

— Я пыталась, но он не ответил.

— Итак, — начинает Нейтан, наклонив голову и явно пытаясь сохранить хладнокровие, но терпит неудачу. — Если бы я не спросил, ты не собиралась мне говорить, не так ли?

— Почему я должна? Это не твоя проблема.

Он глубоко вздыхает.

Мы оба.

Разочарование и напряженность заполняют небольшое пространство между нами, наряду с чем-то другим, что я не могу объяснить и от чего мое тело гудит.

— Я делаю это моей проблемой.

Мы сидим минуту. Собственнический тон его голоса застаёт меня врасплох, и я смотрю на него, гадая не в первый раз, почему я? Почему он так беспокоится о такой девушке, как я? Я никто из маленького городка, приехавшая в большой город за лучшей жизнью и полностью провалившаяся. Я работаю в забегаловке и живу в дерьмовой квартире. Что он видит во мне?

За нами нет машин, поэтому Нейтан все еще стоит на светофоре, и мне интересно, о чем он думает, но я слишком боюсь спросить. Не его боюсь, просто боюсь ответа. Это все ново для меня. У меня было несколько отношений в моей жизни, но это было давно, и никого, похожего на Нейтана Хендрикса.

И никто никогда не защищал меня раньше. Так что, несмотря на то, что собственничество немного нервирует, тот факт, что он заботится обо мне, заставляет меня чувствовать себя... хорошо.

Я чувствую себя хорошо и в безопасности, когда я с Нейтаном. Он заставляет меня чувствовать то, что я никогда не испытывала раньше. Например, похоть и желание, которые

я никогда не знала. Никогда я не хотела кого-то, как хочу его. И это пугает меня. Это пугает меня больше, чем собственничество задумчивого, красивого мужчины, сидящего рядом со мной.

— Если бы я не спросил, и управляющего не было дома, куда бы ты пошла? — спрашивает он, нарушая тишину.

Это очень хороший вопрос, на который я не знаю ответа.

— Не знаю, — отвечаю я правдиво, кусая ноготь из-за нервной привычки, и отворачиваюсь к окну, чтобы избежать его взгляда.

Он издает разочарованный рык, прижимая голову к сиденью, и трет лицо руками.

И я боюсь, что его раздражает не только эта ситуация, но и я — раздражает тот факт, что он застрял с решением моих проблем. Я не хочу этого. Не хочу, чтобы он застрял со мной из чувства долга, потому что он один из самых стойких парней, которых я когда-либо встречала. Я не воспользуюсь его добротой.

— Слушай, Нейтан, это очень мило с твоей стороны... все, что ты делаешь для меня, очень приятно. Я до сих пор не знаю, как собираюсь отплатить тебе, но я это сделаю, — внутри меня вспыхивает решимость. Потребность отпустить его с крючка перевешивает потребность быть с ним. — Не думай, что ты должен решать мои проблемы. Я большая девочка, способная постоять за себя. Я уверена, что найду выход из этой ситуации.

— Я не могу оставить тебя.

— Ты можешь. Со мной все будет хорошо.

Он разгоняется, и вместо движения вперед резко разворачивается посреди улицы, и двигатель громко рычит, пока мы едем туда, откуда приехали.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, крепко держась, когда мы мчимся по улице гораздо быстрее, чем раньше.

— Мне нужно знать, что ты в безопасности.

— Ладно... — я не знаю, что это значит. — Но ты не ответил на мой вопрос.

Может быть, он везет меня обратно в закусочную? Это не самая плохая идея. Мак, вероятно, не будет против, если я останусь там на ночь.

— Ты возвращаешься домой со мной сегодня вечером.

Его ответ заставляет мое сердце остановиться, а затем начать колотиться в груди. Лицо опалает огнем, и все связные мысли улетучиваются прочь.

Домой.

С Нейтаном.

В дом Нейтана.

На всю ночь.

Я не могу это переварить. Может быть, это недостаток кислорода или стресс, который я испытываю, но я просто плююсь на него, не в силах ответить.

— У тебя нет ключей от твоей квартиры. Уже поздно. Я не оставлю тебя. Значит, ты едешь со мной домой. Завтра утром я отвезу тебя на работу, а затем позабочусь о ситуации с ключами.

— Нет, — говорю я, качая головой, но все остальное: мое тело, сердце... бабочки в моем животе твердят: «Да!».

Заткнитесь!

— Почему? — спрашивает он, бросая мне вызов.

— Ну, — начинаю я, заикаясь, и пытаюсь найти хороший ответ. — У меня нет чистой

одежды. Или косметических принадлежностей. Мы едва знаем друг друга. Это все равно, что попросить незнакомку остаться на ночь в твоём доме, — чем больше у меня аргументов, тем сильнее мой голос, и я пытаюсь взять инициативу на себя. — Что с тобой не так, Нейтан? Ты не можешь впустить какую-то незнакомку в свой дом. Что, если я серийный убийца или воровка?

Улыбка растягивает его великолепные губы, и он смеется.

— В тебе много упорства, Каданс Девис. Мне это очень нравится.

Его голос сочится, словно мед, и я ненавижу его за то, что он делает меня глупой всего лишь несколькими словами.

Когда мы проезжаем по улице, направляясь в сторону более высоких зданий, я хочу что-то сказать, но ничего не приходит на ум. Он лишил меня дара речи. Я в равной степени нервничаю и... возбуждена? Не знаю. Я никогда не чувствовала этого прежде.

Наблюдать за тем, как Нейтан защищает меня и берет ситуацию под контроль, делает определенные вещи со мной. Требование сесть в его машину должно было выбросить красный флаг и заставить меня бежать в противоположном направлении, но вместо этого возбудило меня даже больше, чем спор с ним.

Нейтан не говорит ни слова. Я продолжаю украдкой смотреть на него, но по тому, как сжаты его челюсти и сдвинуты брови, я предполагаю, что ему нужна минута. Так что я сижу, сложа руки, и пытаюсь расслабиться.

Пытаюсь — ключевое слово, но это не работает.

Мы проезжаем мимо закусочной, направляясь в район, где я никогда не была. Автобус, на котором я иногда езжу, даже не заходит сюда. Это в основном элитные магазины и трехэтажные пентхаусы. Автомобиль Нейтана замедляется и останавливается возле огромной территории, он набирает пароль на кодовом замке, и ворота перед нами открываются.

Когда он подъезжает к дому и разворачивает машину, на мгновение мы оба остаемся сидеть. Я жду сигнала от него, потому что совершенно не в своей тарелке. Через минуту он выходит из машины, а я остаюсь на месте, по-прежнему не уверенная в том, что я делаю.

Дверь открывается, и Нейтан подает мне руку.

Я воюю сама с собой, но потом сдаюсь, отчасти потому, что у меня нет другого выбора, но, в конечном счете, потому что я хочу.

Нейтан держит меня за руку, и я следую за ним до здания и внутрь на территорию. Мужчина, сидящий за столом, приветствует Нейтана, когда мы заходим в большой лифт с огромными черными дверями. Он предъявляет карту и нажимает кнопку, двери закрываются, пока мужчина за письменным столом наблюдает за нами. Тот факт, что Нейтан все еще держит мою руку, не остается незамеченным. На самом деле, это делает странные вещи со мной. Орда бабочек, которые всегда присутствуют, когда я рядом с ним, возвращается, сопровождаемая жжением, что идет прямо между моих ног подобно электрическому току.

Я была возбуждена раньше.

Я не тупая.

Или девственница.

Это просто было давно.

И вот здесь возникает вопрос, хочет ли меня вообще Нейтан. Но я думаю, что да. Он поцеловал меня. Лучший поцелуй в моей жизни. И он смотрит на меня голодными глазами.

Я не знаю, почему. Почему я? Но часть меня это не волнует.

Но есть еще и тот факт, что он привел меня сюда по необходимости. Он не тот парень, который оставит кого-то на улице.

Я люблю это в нем.

Я люблю, что он добрый и старается помочь кому-то вроде меня.

Я люблю, что он защищает меня, хотя я не знаю, почему.

Я люблю, как он заставляет меня чувствовать себя.

Когда это превратилось в любовь?

Да что, черт возьми, со мной такое?

— Кади, — говорит Нейтан, пробиваясь сквозь мои мысли.

Я дергаю головой, чтобы посмотреть на него, как ребенок, которого только что поймали с рукой в банке с печеньем, и сразу чувствую румянец на щеках.

— Что? — я надеюсь, что не звучу так же нервно и взволнованно, как себя чувствую.

— Где ты витаешь?

— Прости. Это был сумасшедший день.

Он кивает и выходит из лифта прямо в огромный зал. Там нет коридора или чего-то подобного, просто большая открытая комната с высокими потолками и кирпичными стенами. С левой стороны кухонная зона с большим количеством нержавеющей стали, включая столешницу. По центру — жилая зона с двумя большими кожаными диванами и телевизором, который занимает всю стену. В дальнем правом углу расположилась массивная кровать примерно раза в три больше моей.

— Ванная там, — говорит он, указывая на угловое помещение, до которого я еще не добралась. — Там есть полотенца и все остальное, что тебе может понадобиться.

Я киваю и продолжаю пялиться.

— Я могу приготовить нам что-нибудь на ужин, или у меня есть все для бутербродов, — продолжает он, направляясь в сторону кухни и вешая пиджак на спинку стула.

Когда он оборачивается и видит, что я по-прежнему стою на месте, он делает пару шагов в мою сторону и останавливается.

— Не нервничай.

— Я не нервничаю, — вру я.

— Могу дать тебе что-нибудь переодеться. Чувствуй себя как дома, — он расстегивает манжеты рубашки, закатывая рукава до локтя. От этого мой рот пересыхает, и я тяжело сглатываю.

Мне нужно пойти в ванную, и душ на самом деле звучит очень хорошо. Мне нужна минута уединения. Я иду в ванную, и когда поворачиваюсь к нему, он наблюдает за мной.

— Я собираюсь принять душ, — говорю я быстро, закрывая за собой дверь.

Прислонившись к твердой поверхности, я закрываю глаза и пытаюсь смириться с событиями сегодняшнего дня... Ограбление, потеря ключей, Нейтан требует, чтобы я позвонила, поездка на машине, Нейтан мой рыцарь в сияющих доспехах. Я даже не знала, что мне нравятся такого рода вещи. Но это так. Мне нравится. Это может показаться слабостью, но мне нравится, когда кто-то заботится обо мне. Я так долго справлялась сама. Приятно знать, что кто-то заботится обо мне, кроме ЛуЭнн и Мака. Слеза скатывается по моей щеке, и я вытираю ее. Я отказываюсь плакать. Этот день мог бы оказаться гораздо более дерьмовым. Я могла бы спать где-нибудь на холодном полу.

Это не так ужасно.

Как раз наоборот.

Я оглядываю комнату, и мой рот открывается от вида огромной душевой кабины. Стекло, плитка и две душевые насадки, и я думаю, что умерла и попала в рай.

Я снимаю одежду и включаю воду, чтобы она нагрелась. Пар начинает заполнять ванную, и сразу же начинает таять напряжение дня. Я шагаю под поток воды, так не похожий на маленький ручеек в моей обувной коробке, именуемой ванной комнатой, и выдыхаю. Я могла бы жить здесь. Может быть, Нейтан позволит мне снимать у него ванную.

Пока я моюсь, Нейтан стучит в дверь, сообщая, что он оставил кое какую одежду для меня.

Я уже говорила, что он заботливый? А еще добрый, галантный, защищающий, тактичный, великолепный... и далеко-далеко вне пределов моей лиги.

После того, как вытираюсь, я плотно оборачиваю полотенце вокруг себя и открываю дверь достаточно, чтобы подобрать одежду, которую Нейтан оставил у двери, а затем быстро закрываю ее. Сделав глубокий вдох, я вытираю запотевшее зеркало, и мгновение разглядываю себя. Я до сих пор не знаю, зачем я здесь или что я делаю, но когда смотрю на свое отражение в зеркале, решаю, что больше нигде не хочу быть, кроме этого места.

Развернув стопку одежды, вижу, что он оставил мне спортивные штаны примерно на три размера больше и мягкую серую футболку. Я подношу их к носу и глубоко вдыхаю. Так хорошо. Пахнет Нейтаном. Я быстро одеваюсь, подворачивая брюки несколько раз, чтобы они не упали.

Без каких-либо моих косметических принадлежностей я беру расческу из шкафа и приручаю свои длинные каштановые волосы, чтобы они не стали похожи на крысиное гнездо к утру. Прежде чем выйти из ванной, использую жидкость для полоскания рта. На всякий случай. Я не знаю, чего ожидать, но есть маленький шанс, что Нейтан снова захочет поцеловать меня, и я хочу быть готовой.

Я берусь за дверную ручку и делаю глубокий вдох, не только чтобы успокоиться, но и впитать запах вокруг себя. Это Нейтан. И я не собираюсь лгать. Мне нравится пахнуть, как он.

Когда я выхожу из ванной, другой аромат бьет в мой нос, и рот как по команде наполняется слюной.

Аромат бекона пронизывает большое открытое пространство и практически сбивает меня с ног. Я прикрываю живот рукой, когда подхожу к кухне, стараясь заглушить громкое рычание от голода, который решает поднять голову в этот момент.

Если он пытается соблазнить меня, то это работает.

Нейтан поворачивается от плиты и улыбается через плечо, когда замечает, что я стою у столешницы.

— Я подумал, что сэндвич с беконом и помидорами будет хорошо, но если тебе не нравится...

— Идеально, — и я говорю не только о беконе.

Глава 7

Кади

— Ты, должно быть, устала, — говорит Нейтан, наблюдая за мной через стол.

— Немного, — отвечаю я, доедая последний кусочек бекона, упавший с моего сэндвича.

Обычно я была бы уже в отключке. Сейчас почти одиннадцать, а я должна быть в сознании и одета для утренней смены в четыре утра. Но мое тело восстало против своей

обычной рутины. Сидеть так близко к Нейтану, находясь в его квартире, вызывает во мне так много разных эмоций — беспокойство, но комфорт; неуверенность, но безопасность.

Сон — последнее, что у меня на уме. — Жаль, что у нас нет пирога на десерт.

Брови Нейтана взлетают вверх, и я перестаю ковыряться в тарелке, глядя на него.

— Почему ты всегда заказываешь пирог на завтрак? — я спрашиваю потому, что мне всегда было интересно, но никогда не было возможности спросить. Кроме того, я хочу знать о нем больше. Я хочу знать все о нем.

Он пожимает плечами, и на секунду я думаю, что он собирается избежать вопроса, или, может быть, у него нет ответа.

— Я вырос в патронатной семье (п.п. — временное устройство ребенка на попечение семьи). Я не успевал выбрать, что хочу на завтрак, как, впрочем, любое другое блюдо, и у нас не было десерта, — его тон ровный и искренний. Я увидела проблеск уязвимости, но больше ничего.

— Как ты пришел от опеки к этому? — спрашиваю я, чувствуя себя полностью впечатленной и замороженной человеком передо мной.

— Родители усыновили меня, когда мне было четырнадцать. Если бы не они, я бы, наверное, был мертв или в тюрьме.

Мне хочется оспорить его слова, но я видела, что происходило с людьми, которых я знала.

— А что насчет тебя? — спрашивает он. — Где твои родители? Откуда ты?

А что насчет меня? Это хороший вопрос... или скучный.

— На самом деле, особо нечего рассказывать. Девочка из маленького городка, которая не могла дождаться, чтобы убраться оттуда. Мой отец работал в авторемонтной мастерской всю свою жизнь, с трудом сводя концы с концами. Он и до сих пор там пашет. Моя мама живет с мужем номер восемь. Я не видела ее десять лет.

— Итак, ты переехала в город сама?

— Ага. Через неделю после окончания школы я собрала два чемодана и ящик с книгами и отправилась вместе со своим двоюродным братом, который ехал Калифорнию, — я сухо смеюсь, качая головой. — У меня была тысяча долларов на счету, и я думала, что весь мир у моих ног.

— Что потом? — спрашивает он, слегка мне улыбаясь.

— Я устроилась на работу в забегаловку на второй день моего пребывания здесь. Девушка только что уволилась, и Мак был в отчаянии, рискнув дать шанс незнакомке. Я попыталась поступить в колледж, но в итоге продула те крохи денег, что сэкономила, и была вынуждена уйти.

Он кивает.

— Иногда все, что нам нужно в жизни — чтобы кто-то поверил в нас.

— Ты говоришь как один из тех вдохновляющих плакатов.

Он смеется, лучики морщинок расходятся в уголках его глаз, и это прекрасно. Он прекрасен.

Когда он снова смотрит на меня, его лицо становится серьезным.

Я начинаю ерзать, чувствуя тяжесть его взгляда. Поэтому вместо того, чтобы сидеть перед ним, чувствуя себя неловко, я беру свою пустую тарелку, а затем его, занимая себя чем-нибудь полезным.

— Нет, — Нейтан останавливает меня, положив свою руку на мою.

— Что?

— Ты не должна убирать. Я сделаю это.

— Я хочу. Ты готовил. Я убираю.

Он встает и берет тарелки из моих рук, поставив их на столешницу, его тело так близко к моему.

— Ты занимаешь кровать, — говорит он низким голосом.

— Нет, — я качаю головой. — Я не могу этого сделать. Ты уже дал мне крышу над головой. Я лягу на диване. И, кроме того, — говорю я ему, глядя на огромные подушки, — они, вероятно, более удобные, чем любая кровать, на которой я когда-либо спала.

Я легко смеюсь, но потом ловлю его взгляд, его челюсти снова плотно сжаты.

Что-то происходит, когда он смотрит на меня. Он делает шаг ближе, возвышаясь надо мной. Напряжение ощутимо, и воздух кажется густым. Я не могу оторвать глаз от его губ, так сильно желая, чтобы он снова меня поцеловал, и, надеясь на то, что это не была одноразовая сделка или что-то, о чем он сожалеет.

Медленно он ведет ладонью вниз по моей руке, а затем обнимает за талию, притягивая меня ближе к себе. Дыхание застревает в горле, и нервы ударяют в полную силу, потому что я хочу этого так сильно.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты чувствуешь, как сильно я хочу тебя. Пожалуйста, скажи мне, что ты тоже хочешь меня, — говорит он хрипловатым тоном, его губы так близко к моему уху, что я чувствую его горячее дыхание, и это посылает мурашки по моему позвоночнику и поток тепла через мое тело. — Я хочу тебя. Хочу быть внутри тебя, — его смелость делает мои колени слабыми, и я цепляюсь за его бицепсы, чтобы не растаять кучей слизи на полу.

— Возьми меня, — говорю я, призывая всю храбрость, которую только могу, чтобы соответствовать ему.

— Если мы сделаем это, ты будешь недоступна для других, — говорит он, словно предупреждая, но это больше похоже на обещание.

— Хорошо, — я киваю, готовая согласиться на все, чтобы быть с ним.

— Если ты моя, значит, ты моя, — рычит он, и мой желудок готов выпрыгнуть из тела.

— Хорошо, — шепчу я снова. — Я... это... это то, что я хочу, — я никогда не принадлежала никому, но если бы собиралась кому-то принадлежать, кому-то одному... я бы хотела, чтобы это был он.

Без лишних слов он притягивает меня еще ближе, и я в полном подчинении, таю от его прикосновения и позволяю ему иметь меня так, как он захочет.

Одна рука в моих волосах, другая на спине, крепко сжимает, когда он ведет нас назад из кухни. В следующее мгновение он поднимает меня на руки и несет.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не девственница, — говорит Нейтан, тяжело дыша. — Как бы я ни хотел быть единственным мужчиной, который был внутри тебя, не думаю, что смогу двигаться медленно.

— Нет, — говорю я в перерыве между отчаянными вдохами.

Внезапно я начинаю понимать, на что согласилась. Мы только один раз поцеловались, даже не были на свидании, а теперь я в его постели.

— Но я не делаю этого... не занимаюсь сексом с тем, с кем не встречаюсь. У меня уже долго не было мужчины, — в моем голосе звучит паника, сердце бешено колотится, но я крепче цепляюсь за него.

Он рычит, и этот звук идет прямо в мое влагалище. Потребность, которую я испытываю к нему, растет, и его потребность во мне очевидна под моим бедром. Я чувствую его напряженную длину, которая давит через его тонкие брюки.

Без разрешения мое тело начинает действовать само по себе и трется об него, он шипит сквозь зубы.

— Блядь, — стонет он. — Ты, — он не отрывает от меня взгляд. — Просто когда я думаю, что ты не можешь быть более совершенной, ты говоришь такие вещи и полностью выворачиваешь меня наизнанку. Я хочу тебя так чертовски сильно, но если ты хочешь притормозить, мы можем остановиться.

— Нет, — я качаю головой. — Нет. Я хочу этого, — мои слова истинны и тверды. Я имею это в виду. — До сих пор я не осознавала, как сильно хочу тебя. Не просто хочу... ты нужен мне. Пожалуйста.

Одним быстрым движением Нейтан бросает меня на кровать и стягивает футболку через голову, бросив ее на пол. Затем штаны. Без колебаний расстегивает кнопку и молнию, позволяя им упасть к ногам. Не стесняясь, сбрасывает с себя боксеры и стоит там во всей своей красе.

Святое. Дерьмо.

— Сними, — говорит он, указывая на свою футболку и штаны, которые на мне надеты, как будто они обидели его. — Мне безумно нравится видеть тебя в моей одежде, но я хочу увидеть тебя.

Я подчиняюсь, быстро стянув футболку через голову, и выпрыгиваю из штанов. Они настолько свободные, что это легко, и так как я не надела трусики после душа, лежу полностью голая... голая, открытая, уязвимая... и чувствую себя превосходно.

— Так прекрасна, — бормочет он, ложась на меня и заключая в капкан своих рук. Обычно такие действия заставляют меня чувствовать себя в ловушке, но вместо этого я чувствую себя нужной и в безопасности. Желанной.

— Просто для ясности, — говорит он ровным низким голосом. — Я планирую трахать тебя.

Мои глаза расширяются от его откровенности, и влажность между моих бедер увеличивается. Я не отвечаю, потому что не знаю, как. Никто никогда не говорил со мной так.

— Раздвинь ноги для меня, Кади. Позволь мне доставить тебе удовольствие.

Я развожу ноги в стороны, когда он отстраняется и опускается на колени между ними. Я смотрю, как он облизывает два пальца и скользит ими по моей щели, кружа вокруг входа. После нескольких проходов без проникновения я практически умоляю его. Поднимаю бедра с кровати и сжимаю мягкое одеяло под собой обеими руками. Закрыв глаза, позволяю себе просто чувствовать.

Когда он, наконец, скользит двумя пальцами внутрь, и что-то горячее прикасается к моему клитору, я практически подпрыгиваю на кровати. Я открываю глаза и вижу великолепную голову Нейтана между своих ног, и это практически подводит меня к краю. Это занимает всего несколько минут, прежде чем его талантливый язык и пальцы доводят меня до оргазма... а потом еще раз.

— Это замечательно, — мягкий голос Нейтана раздается снизу. — Так чертовски прекрасно.

Я не могу больше терпеть. Я нуждаюсь в нем. Мне нужно ощущать его вес, и я хочу

почувствовать его внутри себя. Я хочу знать, что это такое. Я хочу быть его.

— Пожалуйста... ты мне нужен... я хочу почувствовать тебя, — умоляю я.

Он ползет по кровати и опирается спиной на изголовье.

— Иди сюда, — он манит меня пальцем, приглашая.

Я никогда не чувствовала себя сексуальной. Это не мое. Но в этот миг, когда он смотрит на меня прищуренными дерзкими глазами, которые что-то задевают глубоко внутри меня, я чувствую. Перевернувшись на живот, я подползаю к нему, становясь на коленях рядом с ним.

Он лезет в тумбочку и достает презерватив. Эта мысль приходила мне в голову, но после серии умопомрачительных оргазмов об этом напрочь забыто. Я рада, что он готов.

Я пристально смотрю, как он открывает пакет и раскатывает презерватив по всей длине; нужда, которую я почувствовала, когда он сказал, что собирается трахнуть меня, обрушивается со всей силой. Я хочу его. Больше, чем когда-либо хотела что-то в своей жизни.

— Иди сюда, — он сжимает мои бедра, направляя меня.

В то мгновение, когда он возле моего входа, я замираю. Что, если это больно? Что, если я не то, что он хочет? Неуверенность в себе та еще сука.

— Посмотри на меня, Кади, — требует он. — Не закрывай глаза.

Я смотрю в его глаза, напряжение растет. Он закусывает нижнюю губу, когда я впускаю кончик его эрекции внутрь. Это ощущается хорошо. Так чертовски хорошо.

— Больше, — выдыхаю я, разрывая наш взгляд, чтобы посмотреть вниз между нами, когда его длина проникает внутрь еще на дюйм.

— Так туго, — стонет Нейтан. — Так. Чертовски. Идеально. — Он подчеркивает каждое слово, крепче сжимая руки на моих бедрах, словно держится за свою жизнь.

Через несколько секунд наши бедра, наконец, встречаются, его таз прекрасно трется о мой клитор, заставляя меня стонать в знак одобрения.

— Тебе нравится? — спрашивает он.

Я киваю, мое дыхание застревает в горле, лишая дара речи.

— Скажи мне. Скажи мне, насколько хорошо ты чувствуешь себя.

— Так чертовски хорошо, — скулю я, поскольку он направляет мои бедра вверх и вниз все быстрее и быстрее. Я никогда не чувствовала себя настолько свободно и раскованно. С очередным жестким толчком я откидываю голову назад и кричу, теряя самообладание.

— Кому принадлежит эта задница? — рычит он.

— Тебе, — задыхаюсь я, теперь соответствуя его темпу и интенсивности.

— Скажи это еще раз, — требует он, сжимая мой зад, его пальцы впиваются в плоть, заставляя жалить ее самым вкусным способом.

— Я твоя, — я делаю глубокий вдох и наклоняюсь вперед, пока он продолжает толкаться в меня. Я царапаю зубами его кожу, пробуя на вкус. И вдыхаю его запах, он окутывает меня, проникая в мои чувства — специи, лес, чистый хлопок и что-то необыкновенное.

Он поглощает меня. Владеет мной. Заставляет меня хотеть то, о чем я никогда не мечтала прежде — его.

~trons[ntc - v]ndony©~

Проснувшись в темноте, я дезориентирована. На долю секунды мне кажется, что я видела сон — вполне реальный, изменяющий мир, но тем не менее сон.

Но затем я чувствую разницу в постели и простынях подо мной. Они мягкие. Другие.

Я почти паникую, но потом чувствую, как сильные руки обнимают мое тело и притягивают меня в плотное кольцо.

Нейтан.

Вспышки прошлой ночи играют в моем сознании, как старый домашний фильм, его слова возвращаются ко мне.

«Я не делюсь».

Обладание.

Принадлежность.

Я никогда не видела себя в качестве кого-то, кому нужен кто-то еще. Я всегда справлялась сама. Я не искала никого, когда наши с Нейтаном пути пересеклись. Но теперь, лежа в его объятиях, я не могу согласиться на что-то меньшее.

Но что *он* хочет от *меня*?

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

Нейтан

Почувствовав, как что-то — *кто-то* — перемещается рядом со мной, я испуганно просыпаюсь с колотящимся сердцем, пока не вспоминаю, кто здесь.

Кади. Каданс Девис.

Девушка, которая перевернула весь мой мир за последний месяц.

Прошлой ночью она была в моей постели — подо мной, на мне — это то, о чем я мечтал с тех пор, как она подошла к моему столику в кафе и предложила кусочек самого удивительного пирога, который я когда-либо ел.

Я видел ее там последние несколько месяцев с тех пор, как начал приходить на завтрак перед работой. Раньше я встречался за чашечкой кофе со своим отцом, но последние несколько месяцев он работал в нашем новом офисе в Нью-Йорке. Мне не нравилась атмосфера в скучных ресторанах, которые он выбирал, поэтому я нашел свое место. И вместе с ним я нашел ее.

Пару месяцев я просто наблюдал за ней, никогда не приближаясь, лишь иногда позволяя себе задеть ее рукой, когда выходил, или вдохнуть ее сладкий запах, когда она проходила мимо. Она стала вишенкой на вершине моего утреннего пирога.

Но когда тем утром она подошла к моему столику, и я увидел ее, действительно увидел — сдержанность в поведении, красивые частички золота в карих глазах, мягкая улыбка на губах, когда она смущалась или волновалась — я не мог остаться в стороне. Она пошатнула мой мир, объяснив, что это она делает пироги, которые я так люблю.

Сначала это было исключительно физическое. В ней было все, что я хотел. Мягкие изгибы, длинные каштановые волосы, темно-карие глаза, россыпь веснушек на носу. Она не была похожа на женщин, с которыми я ежедневно общался. Эти женщины сделаны из денег, идеальной одежды и ухоженных волос. Они ненастоящие. Они думают, что являются такими, какими вы хотите их видеть.

Но не Кади.

Она такая настоящая, не пытается строить из себя больше, чем есть на самом деле. И в этом вся она — несовершенная, честная, трудолюбивая, красивая.

Я ни к кому не чувствовал такого, как к ней. Я пытался примирить эти чувства, спрашивая себя, почему? Почему эта девушка? Только потому, что она так сильно напоминает мне молодого себя? Этого достаточно? Я задавался вопросом: если получу ее

один раз, будет ли этого достаточно? Потеряет ли она свою привлекательность после того, как я затащу ее в свою постель? Потому что обычно так и происходит.

У меня были женщины, которыми я был очарован или находил привлекательными. Но после того как трахал их, влечение почти мгновенно исчезало. Возможно, потому, что в момент экстаза я понимал, что за их привлекательным фасадом ничего нет. Они абсолютно не похожи на то, что из себя изображают. Они просто красивые лица с достаточным количеством денег, чтобы убедить вас, что являются кем-то другим.

Этот опыт привел меня к ряду пустых отношений. Стремясь к постоянству, я застревал с некоторыми из этих женщин, стараясь превратить отношения в нечто большее. Частично для того, чтобы порадовать мою мать, которая не хочет, чтобы я закончил свои дни одиноким холостяком, как дядя Тедди — бизнес-партнер и брат моего отца.

Она всегда говорила, что чувствует, как он оказывает на меня слишком большое влияние. Дядя Тедди взял меня под свое крыло и показал азы жизни с момента, когда мои родители усыновили меня. Я всегда хотел быть похожим на него, за исключением факта, что он меняет женщин как машины. Это никогда не было тем, к чему я стремился. Просто так получалось. Возможно, потому что я никогда не испытывал достаточно сильных чувств, чтобы удержать женщину надолго.

Когда Кади снова переворачивается, я инстинктивно притягиваю ее к себе, обнимая. Поэтому, как она застывает, могу сказать, что она, наверное, не понимает, где она, или, возможно, сожалеет о своем решении. Я надеюсь, что не последнее. Потому что быть рядом с ней — одна из лучших вещей, которые я испытал за долгое время, если вообще когда-нибудь испытывал.

— Шшшш, — шепчу я в ее волосы. — Спи дальше. Я поставил будильник на тридцать.

Знаю, что ей нужно быть на работе. Хотя и ненавижу, что она должна оставить мою постель, тем более в такую возмутительную рань. Однако я также знаю, что она будет бороться со мной, если попытаюсь уговорить ее остаться здесь, поэтому решаю не тратить силы зря, ведь я хочу, чтобы она вернулась ко мне в постель сегодня вечером. Я не позволю ей спать в ее квартире до тех пор, пока замки не поменяют. И даже тогда будет трудно позволить ей вернуться туда. Особенно теперь, когда знаю, как хорошо чувствовать ее, прижимающуюся к моему телу.

Она медленно расслабляется, не произнося ни слова, ее дыхание выравнивается, и она дрейфует обратно в сон.

Притягивая Кади еще ближе, я зарываюсь носом в ее волосы и глубоко вздыхаю, обожая запах, который наполняет меня — ее, мой... наш.

~trns\pte - v\dnny©~

— Ты не должен отвозить меня на работу.

Кади неуклюже стоит возле кухонного стола, поправляя подол своей униформы. Я никогда не говорил ей, но есть что-то в этой форме, что чертовски заводит меня. Может быть, просто все дело в ней, но мысли о том, что я хотел бы сделать с ней в этой синей юбке, граничат со статусом порно-видео: Кади у стены, Кади, распластанная на столе, Кади на барной стойке...

Я подкрадываюсь к Кади, думая о том, как реализовать последнюю мысль.

— Почему ты на меня так смотришь? — спрашивает она, делая шаг назад, пока не прижимается к столешнице.

— Я хочу отвезти тебя на работу. Ты не пойдешь одна, я не допущу этого.

Она расправляет плечи и пытается заблокировать мое движение, но легкий наклон головы и то, как она облизывает нижнюю губу, показывает, что у нее противоречивые чувства — как будто частично она хочет уступить, а частично нет. И по какой-то извращенной причине меня это возбуждает. Все в Кади Девис возбуждает меня — даже ее имя. Я смаковал ее имя в своей голове, когда она позвонила мне в офис. Не знаю почему, но она стала для меня еще более реальной, когда я узнал ее фамилию. И это только заставило меня хотеть ее еще больше.

— И я приеду, чтобы забрать тебя после работы.

— Сегодня я решу вопрос с ключом. Я буду в порядке.

— Ты не пойдешь домой одна.

— Я могу поехать на автобусе.

Я не отвожу от нее взгляд и беру за плечи, прижимая к стойке.

— Я заберу тебя.

Без вариантов. Она еще не знает, но вечером она возвращается домой со мной. Даже сс вновь вставленными замками. Я еще не закончил с ней. Не утолил свою жажду. Привлекательность не исчезла. Она становится еще сильнее.

Кади настороженно смотрит на меня, явно воюя сама с собой по поводу того, согласиться или нет. Как правило, противостояние сводит меня с ума. Мне нравится, когда люди соглашаются со мной. Но ее вызов воспаляет что-то внутри меня. Мне нравится с ней спорить. Мне нравится огонь в ее глазах. Но в тоже время мне очень нравится побеждать, и я не хочу проиграть этот бой.

— Спасибо за то, что постирал мою форму, — говорит она, меняя тему.

Легкий румянец, который заливает ее щеки, великолепен. Краска подчеркивает веснушки, столь любимые мной, и разжигает желание отвести ее обратно в постель. Вместо этого я обхватываю ладонями ее лицо, большим пальцем поглаживая мягкую кожу.

— Не за что.

— Ты не должен был этого делать, — она смотрит вниз, и я знаю, что заставляю ее чувствовать себя некомфортно, но ничего не могу поделать. Каждая клетка моего тела кричит, чтобы я защищал ее, заботился о ней. Если бы я сделал все, что хотел сделать для нее, она бы, наверное, бежала от меня без оглядки.

То, что она чувствует себя обязанной мне за это — ничто, капля в море. Но я знаю, что для нее — это имеет большее значение. Я не так далеко ушел от своего прошлого, чтобы забыть, каково это — не знать, что будет завтра. Я помню ощущение свободного падения по жизни, и надежду, что ты благополучно приземлишься, но, при этом, не ожидая никаких чудес.

— Ты не можешь ходить на работу в футболке и спортивных штанах, — говорю я, прижимая губы к ее скуле, мне нравится ощущать ее в своих руках.

— Хотя эта идея делает меня твердым.

— Я... эээ...

— Что такое, Кади? — я знаю, что делаю с ней. Знаю, что свожу ее с ума, пытаюсь заставить ее забыть свое имя. Это мое намерение. Если мне повезет, она так же забудет, что должна быть на работе через пятнадцать минут.

— Ах, — она пытается продолжить, но я не унимаюсь. Свободной рукой хватаю ее за талию и притягиваю вплотную к себе, позволяя почувствовать, что она делает со мной.

Провожу ртом вдоль ее восхитительной шеи к губам, паря над ними, дразня.

— О, Боже, — она стонет, и ее тело становится податливым в моих руках, выполняя мое бессловесное требование.

Но не сейчас.

Мне нужно, чтобы она помнила, как хорошо это ощущается.

Я хочу, чтобы она сама захотела вернуться.

Я хочу, чтобы она хотела меня так, как я хочу ее.

Жадно целуя Кади, заставляю себя остановиться, прежде чем потеряю контроль и разум. Когда я отстраняюсь, ее глаза все еще закрыты, и я улыбаюсь. Она так чертовски красива даже без макияжа и прочей мишуры. Кади собралась за десять минут, и при этом она — самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Черт!

— Ты опоздаешь на работу, — я тянусь за ее спину и хватаю ключи, резко заканчивая нашу маленькую игру в кошки-мышки.

— Что? — мечтательно спрашивает она, медленно открывая глаза, чтобы посмотреть на меня.

— Работа.

— Верно, — ее большие карие глаза становятся еще больше, когда она вспоминает. — Работа.

Она хихикает и приглаживает свои заплетенные волосы.

— Готова? — спрашиваю я, протягивая ей руку.

Она смотрит на мою руку, и я вижу, как небольшая улыбка расплывается на губах, прежде чем она, наконец, принимает ее и следует за мной к двери.

~trons|ntc ~ v|ndny©~

— Я увижу тебя во время завтрака? — спрашивает Кади, заглядывая в машину.

— Конечно. Где еще я могу получить твой пирог? — я подмигиваю, и она краснеет, качая головой.

— Спасибо, — она одаряет меня еще одной улыбкой. — За все.

— Пожалуйста. За все.

Я сижу и смотрю, как она заходит в кафе. Мне трудно уехать. Часть меня хочет пойти за ней внутрь, смотреть, как она печет, и убедиться, что ни один плохой парень не попытается приехать и украсть что-нибудь у нее. Но вместо этого направляюсь в свой офис.

Я никогда не приходил на работу так рано, но думаю, это будет прекрасным началом дня.

В Нью-Йорке, где сейчас мой отец, на час больше. И он старый человек, который просыпается до рассвета. Так что я позвоню ему и поинтересуюсь, как там обстоят дела.

Когда я добираюсь до своего офиса на четырнадцатом этаже, я выхожу в приемную и оставляю записку для Нэнси, предупреждая, что я уже здесь. Не хочу, чтобы у нее случился сердечный приступ.

Она всегда приходит первой и часто уходит последней. Если она придет и найдет что-то подозрительное, она подумает, что был взлом.

Я спускаюсь в комнату отдыха и нажимаю несколько кнопок, чтобы приготовить кофе.

Мое имя может быть на вывески здания, но это не значит, что я не знаю дорогу на кухню.

Но чашка кофе занимает у меня намного больше времени, чем у Нэнси.

Нужно повысить ее.

С кофе в руках и включенным компьютером я звоню отцу на мобильный.

— Нейтан? — отвечает папа с тревогой в голосе. — Все хорошо, сынок?

— Да, все здорово. И доброе утро.

— Доброе утро, — говорит он со смешком. — Почему ты проснулся так рано?

— О, просто подумал, что приду немного раньше и позвоню тебе.

— Мы что-то должны обсудить?

— Ничего конкретного. Просто подумал, что ты мог бы рассказать мне о делах в Нью-Йорке, чтобы не беспокоить тебя в перерывах в течение дня.

— Хммм, — он явно не верит, что ничего не происходит. И я думаю, он прав. Что-то определенно происходит, но это не имеет ничего общего с «Хендрикс Холдинг». — Что ж, встречи прошли хорошо. Я буду знать больше после селекторного совещания с мистером Дженнингсом сегодня. Надеюсь, через несколько недель смогу вернуться домой и оставить этих людей на него. Как и все остальное, к концу года здесь у нас должна быть еще одна хорошо отлаженная машина.

«Хендрикс Холдинг» является частной инвестиционной компанией с широким кругом интересов. Мой отец и дядя Тедди начали инвестировать в нефтяные компании еще в восьмидесятых годах. Мой дедушка — приемный дедушка — был нефтепромышленником и владел небольшой частной нефтеперерабатывающей компанией, которая пробурила половину огромного штата Техас.

После того, как я закончил колледж, они побудили меня расширять свои горизонты. Они называли меня «новая кровь». И поскольку меня приняли в правление, я приобрел несколько небольших компаний по развитию недвижимости по всему штату. Более семидесяти пяти процентов наших инвестиций приходились на недорогое жилье.

Изначально дядя Тедди был абсолютно против этого предложения, но шесть лет назад, после долгих убедительных и жестких толчков от моего отца, у нас появилась первая компания. И я с гордостью могу сказать, что не только смог принести прибыль в «Хендрикс Холдинг», но также помог получить жилье тысячам людей, которые могли бы оказаться на улице. Я чувствую себя хорошо от того, что помогаю людям, переживающим ситуации, подобные которым я пережил в детстве.

— Звучит здорово. Как ты думаешь, они согласятся с ценой на акции, которую мы озвучили в предложении?

— Мы почти у цели, — я слышу шелест бумаг и почти могу видеть его сидящим за письменным столом в своем гостиничном номере с бумагами в одной руке и телефоном в другой. Мой отец — человек привычки. Мое первое воспоминание о нем — я спускаюсь вниз по лестнице наутро после того, как усыновление было завершено, и подхожу к нему, сидящему за столом на кухне. Я до сих пор помню, с какой опаской относился к нему. Он был настолько сильным и серьезным, или просто мне так казалось. Но за последние двадцать два года я также узнал, что он еще и веселый парень, который любит свою семью больше всего на свете. — Как благотворительное мероприятие?

Я вздыхаю, откидываясь на спинку стула, и смотрю в окно, как небо начинает меняться с черного на темно-оранжевый.

— Думаю, мы готовы. Восемьдесят пять процентов прошлогодних меценатов отправили свои пожертвования заранее. Мама мне помогала. Она планирует утреннее чаепитие перед торжеством, так что, думаю, это будет огромный успех.

— Это замечательно, Нейт. Твоя мама рассказала мне о чае. Она очень рада помочь и направить свои навыки взаимодействия с общественностью на работу, которая принесет пользу твоей благотворительности. Надеюсь, я буду дома к важному событию.

— Я тоже надеюсь.

— Я горжусь тобой, сынок.

— Спасибо, папа.

Может он и требователен, не позволяя мне следовать легкому пути, но при этом отец никогда не боится выразить, как гордится мной. Первый раз за всю свою жизнь эти слова я услышал именно от него, и они меня изменили. Я чувствовал гордость за себя и хотел снова и снова испытывать это чувство. Отец подталкивал меня быть лучшим во всем, чего я и намеревался достичь.

Это сделало меня немного перфекционистом.

Моя мать сказала бы вам, что это мой единственный недостаток.

Но у меня не было бы и половины достижений без этого духовного толчка.

Делать больше.

Быть большим.

Это девиз Грегори Хендрикса. И в тот день, когда они с мамой приняли меня в свою семью, он стал и моим девизом.

Глава 2

Нейтан

Припарковав машину напротив закуской, я жду окончания смены Кади. Я не хочу, чтобы она подумала, что я преследую ее или еще что-то. Я могу быть терпеливым. Во всяком случае, могу попробовать.

Я немного рано, поэтому позволяю себе вспомнить сегодняшней завтрак. Несмотря на то, что расстался с Кади только пару часов назад, я не собирался упустить возможность снова увидеть ее и попробовать ее пирог.

Она принесла мне кусочек персикового пирога со сливками, и с такой двусмысленностью я едва мог справиться (*п.п.: на сленге выражение «есть персик со сливками» означает кунилингус*). Кади краснела каждый раз, когда я клал кусочек персика в рот и стонал. Больше всего мне понравилось ловить ее взгляд, пока она пялилась на мой рот, в то время как я слизывал остатки сливок с пальцев. Ее взгляд помутнел, а покрасневшая от румянца грудь быстро поднимаясь с каждым глубоким вдохом. Она была так чертовски красива. Я хотел взять ее прямо там и тогда, перед другими чертовыми посетителями, но каким-то образом смог себя контролировать. Конечно, стояк на весь день мне был обеспечен, но, надеюсь, сегодня вечером мы позаботимся об этой проблеме... несколько раз.

Вспышка синей униформы в периферийном зрении вытаскивает меня из моих воспоминаний, и я поправляю себя в штанах. Она должна знать, как сильно я хочу ее, но это не значит, что мой жесткий член должен быть первым, что она увидит, открыв дверь автомобиля.

Кади действительно выглядит удивленной, что я жду ее, и это странно. Я сказал ей, что буду здесь, чтобы отвезти домой. Ну, конкретно ко мне домой. ЛуЭнн стоит рядом, и я вижу, как Кади шепчет ей что-то, прежде чем подойти к моей машине. Однако она не идет к пассажирской стороне, и мой желудок сжимается, когда она стучит в окно и просит опустить его.

— Привет, — ее приветствие застенчивое, даже боязливое. Смесь страха и гнева

заполняет мои кости, когда я смотрю на нее. Она собирается оттолкнуть меня, и не думаю, что смогу справиться с этим прямо сейчас. Не после ночи, проведенной вместе.

— Добрый вечер, Кади. Ты готова ехать?

— Ну... эмм... я собираюсь провести ночь в квартире ЛуЭнн.

— Почему? — я сжимаю зубы, чтобы не сказать то, что действительно хочу сказать.

Нет. Ты возвращаешься домой со мной. Я хочу тебя. Ты нужна мне.

Она кладет свою руку на мою, и я поворачиваю голову, глядя на руль. Она пытается успокоить меня, потому что знает, что я расстроен, и каким-то образом это работает, даже если совсем немного.

— ЛуЭнн живет рядом со мной... рядом с закуской. Это просто... легче, если я останусь с ней, пока не получу новый ключ.

— Легче? — спрашиваю я, бросая ей вызов, потому что хочу назвать это фуфлом.

— Нейтан, я не могу продолжать использовать тебя. Я должна тебе больше, чем могу отблагодарить на данный момент.

— Использовать меня? — с издевкой спрашиваю я. — Сколько раз я должен сказать тебе, что не хочу, чтобы ты благодарила меня? Это не то, почему я здесь. Поверь мне, я помогаю и забочусь о тебе из чисто эгоистичных побуждений.

— Я не понимаю.

— Позволь мне забрать тебя домой... к себе домой, и все объяснить. — Мой голос низкий, но все-таки повелительный. Пальцем я вывожу круги на коже ее руки и запястья, заставляя ее дрожать. Она борется со своим решением, и я знаю, что веду себя как мудака, оказывая на нее давление, но мне плевать.

Я хочу ее.

ЛуЭнн прочищает горло, и мой транс над Кади заканчивается. Она одаривает меня печальной улыбкой и говорит:

— Я не могу, Нейтан. Может, в другой раз?

— Конечно, — я выпрямляюсь в кресле и завожу машину.

Кади удивляет меня, просовывая голову через окно и целуя в щеку. Ее поцелуй мягкий и обжигающий одновременно. Этого недостаточно, но позволит мне продержаться, пока я не смогу снова заполучить ее.

— Увидимся завтра, Кади, — говорю я. Это обещание, и она знает, что я не нарушу его.

Она кивает и машет мне рукой. Я смотрю, как они с ЛуЭнн уходят, прежде чем уезжаю сам — виски и холодный душ зовут меня.

Глава 3

Нейтан

Клянусь, единственное, что выталкивает меня из двери моей квартиры, только то, что я скоро увижу Кади. Прошлой ночью я спал дерьмово, и возможно у меня небольшое похмелье. К счастью, я вернусь к нормальной жизни, как только увижу Кади, и пирог попадет в мой желудок. И кофе. Много кофе.

Опоздав на двадцать минут, я сижу за своим обычным столиком, осматривая помещение в поисках моей любимой официантки. На секунду я начинаю беспокоиться, думая, что, возможно, что-то плохое могло случиться в квартире ЛуЭнн или по пути на работу этим утром, но быстро расслабляюсь и отгоняю эти мысли, когда вижу, как Кади выходит через двери кухни.

Она подходит к моему столику, и ее улыбка яркая и настоящая. Она выглядит

счастливой и в безопасности, и это делает счастливым меня.

— Доброе утро, — говорит она, но когда внимательно смотрит на мое лицо, ее красивая улыбка исчезает. — Ты в порядке?

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Ну, если быть абсолютно честной, — шепчет она, оглядываясь через плечо, — ты выглядишь как дерьмо. Если ты вообще можешь выглядеть как дерьмо. — Она прочищает горло и отводит взгляд, ее щеки слегка краснеют.

Я не могу сдержать смех. Мне нравится ее честность. Так же как ее упрямство и упорство.

— Я не очень хорошо спал прошлой ночью, — признаюсь я.

— О, я сожалею. Что случилось?

Ее наивность вызывает у меня еще один смешок, но в этот раз я сдерживаюсь.

Как она может не знать?

— Тебя не было рядом, — говорю я.

Глаза Кади немного расширяются от моей исповеди, и она оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что никто не смотрит, прежде чем проскальзывает в кабинку напротив меня.

— Я не знаю, что сказать, — признается она. — Ты сказал, что хочешь, чтобы я вернулась к тебе домой, и я не собираюсь лгать — я хотела. Но все происходит так быстро. И то, что я сказала вчера, по-прежнему верно, я не хочу использовать тебя. И я знаю, ты считаешь, что я не обязана тебе, но я так чувствую.

— Итак, это все?

— Что все? — спрашивает она, играя лишней салфеткой на столе перед ней.

— Одна ночь. Это все, что я получу?

— Э, нет. Я имею в виду, я не была уверена...

— Давай кое-что проясним. Когда я говорю, что хочу тебя в своей квартире, это потому что я хочу тебя в своей квартире. Ни больше, ни меньше. Если ты хочешь принять мое предложение, я хочу, чтобы ты это сделала. Если нет, это твое решение.

Я вижу, как Кади сглатывает и прикусывает губу подобно тому, как делала вчера утром, когда я прижал ее к стойке.

— Мне просто нужно решить вопрос с ключом и квартирой, — начинает она, беспокойно теребя салфетку между пальцами. — Мне до сих пор не удалось попасть туда. Я могу помогать ЛуЭнн, пока я там, поэтому не чувствую себя как попрошайка, — она небрежно смеется, но замолкает, когда видит мой строгий взгляд. — Как только я сделаю это через неделю, мы что-нибудь придумаем.

— Почему такая задержка с ключом?

Кади закатывает глаза и фыркает.

— То же, что и всегда.

— Деньги?

— Да. Мой управляющий заявляет, что у него нет запасного; не то чтобы я хотела оставаться там, зная, что какой-то незнакомец имеет доступ к моей квартире, но было бы неплохо получить свои туалетные принадлежности и чистую одежду. Я устала стирать свои вещи каждую ночь, — говорит она, указывая на свою униформу. — Я чувствую себя, как бомж, но, по крайней мере, ЛуЭнн отвела меня в магазин за всем необходимым, и я не сплю на улице, — она вздыхает, понимающе глядя на меня. — И не говори, что оплатишь замену

замка и ключа, потому что я могу закричать. Я устала чувствовать себя иждивенкой.

Я смеюсь, качая головой на ее нелепость, но также желаю распластать ее на этом столе и заставить забыть про ключ и квартиру и все остальное, что стоит между нами.

— Как насчет того, если я сделаю кое-что получше? — спрашиваю я, когда мне на ум приходит идея.

Кади поднимает брови и поджимает пухлые губки.

— Например?

— У меня есть деловое предложение для тебя.

— Ты же не собираешься платить мне за то, чтобы я была девушкой по первому твоему зову, не так ли?

Я откидываю голову назад, когда смех вырывается из моей груди.

Ох уж эта девушка!

— Нет, — я выпрямляюсь и заглядываю в глубину ее карих глаз, уставившихся на меня. — Не то чтобы я не хотел, чтобы ты была у меня по первому зову, но больше склоняюсь к тому, что ты сделаешь выпечку для моей матери на обед Юношеской Лиги.

— Ты говорил об этом на прошлой неделе, верно?

— Да, она все еще нуждается в десертах. И я упомянул, что знаю кого-то.

— Меня? — румянец возвращается на ее щеки.

— Тебя.

— Ну, я... Я хотела бы сделать что-то подобное, но...

— Деньги за пироги будут оплачены вперед, — говорю я, видя, что беспокойство начинает появляться на лице Кади. — Я мог бы отдать тебе деньги завтра. Пироги нужны маме на следующий день. Я знаю, что это короткий срок, но это хорошо компенсируется.

По заблестевшим глазам Кади, можно сказать, что она явно взволнована открывшейся перспективой.

— Хорошо, — говорит она, кусая губы. — Вероятно, я могла бы использовать здешнюю кухню после закрытия. Я поговорю с Маком.

— Если это не сработает, моя кухня всегда открыта.

— Но я даже не знаю, сколько обычно платят за такие услуги или...

— Я сделаю тебе одолжение и спрошу у мамы, сколько она обычно платит. Подходит?

— О'кей, — Кади кивает головой и смотрит на меня так, словно я предложил ей поездку в Париж.

— Хорошо. Теперь мне нужен пирог.

— Что я могу сделать для тебя? — спрашивает она, поднимаясь, и берет блокнот для заказов, возобновляя более профессиональный тон и манеру поведения.

— Что ты предлагаешь?

— Кусочек вишневого пирога будет у тебя через минуту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 4

Нейтан

— Привет, Нейтан, — говорит мама с другого конца линии.

— Здравствуй, мама.

— Чему обязана такому удовольствию? Я думала, с твоим напряженным графиком я не услышу тебя до обеда в среду.

— У меня есть решение твоей дилеммы.

— И что же это?

— Ты упомянула, что поскольку магазин десертов, где ты обычно заказываешь десерты, закрыт, ты ищешь, где еще можешь приобрести десерты для мероприятия Юношеской Лиги на этой неделе. Если ты еще не нашла замену, то у меня есть кое-кто на примете.

— Хендрикс Холдинг теперь приобретает пекарни? — спрашивает она со смехом. — Я бы не исключала такую возможность, учитывая, какие вы с отцом большие сладкоежки.

— Нет, но я познакомился кое с кем. — Эти слова выходят из моих уст, словно означают нечто большее, чем простое знакомство.

И они означают. Кади для меня намного больше, чем просто знакомая.

— Ну, я нашла решение, но ты меня заинтриговал. Однако я уверена, что они будут не в состоянии сделать двадцать десертов за такой короткий срок.

— Она сделает. Я уже спрашивал, и она определенно в деле.

— Она?

— Да, Каданс Девис. Она работает официанткой в закусочной Мака за углом от офиса, и она делает самые лучшие пироги, которые я когда-либо пробовал.

— Официантка из закусочной Мака? — спрашивает она с ноткой отвращения в голосе.

Мама удивительная во многих отношениях, но она не может отменить тот факт, что выросла в богатой семье. Она заранее претенциозна, хоть и не хочет такой быть — это просто в ее ДНК. Как правило, с небольшим убеждением и проницательностью она наконец-то видит ясно и позволяет своим предубеждениям отойти в сторону.

— Не будь такой, мама. Если ты хочешь попробовать ее пироги, прежде чем принять решение, я могу привезти их тебе сегодня вечером.

— Ну, терпение — удел бедных, верно? — спрашивает она. — И я не могу быть посмешищем в Юношеской Лиге. Мы все знаем, десерты ручной работы являются обязательным условием для успешного завтрака. — Я знаю, что она шутит, потому что маму не волнует, что эти женщины подумают о ней, но она любит делать все идеально. Таким образом, есть, вероятно, некоторая правда в том, что она говорит.

— Я заеду в семь.

— Ладно, привези мне что-нибудь хорошее.

— Обязательно. — Я улыбаюсь, зная, что она любопытна, но не задает вопросы. Пока.

Завершив разговор с мамой, я набираю номер закусочной и делаю мысленную заметку купить Кади сотовый телефон. Я не могу поверить, что кто-то сегодня в ее возрасте не имеет мобильного. Сомневаюсь, что она примет что-то слишком модное, но я могу, по крайней мере, приобрести один из тех, на котором нужно купить минуты для разговора, просто чтобы был хоть какой-то способ поговорить с ней, когда мне нужно.

— Закусочная Мака. Чем я могу помочь вам?

— Кади, пожалуйста.

— Секундочку, сахарок, — мурлыкает ЛуЭнн.

~trnns|pte ~ v|pdnny©~

— Спасибо, что испечешь пироги для меня в такой короткий срок, — говорю я Кади, оплачивая ей двадцать пирогов. — Сдачи не надо.

— Мак берет только за десять. Ты получаешь скидку при покупке всех пирогов, — говорит она, протягивая мне сдачу.

— Оставь это. И скажи Маку, что он позволяет людям совершать грабеж. Я спросил маму, раньше она платила в три раза больше, чем он берет, а твои пироги в десять раз лучше.

— Тридцать баксов за пирог? — спрашивает она, ее рот открывается от удивления. — Вот это настоящий грабеж.

— Люди не против платить за совершенство. — Я не могу остановить себя от разглядывания Кади, говоря эти слова. Она совершенство. — Полагаю, ты останешься с ЛуЭнн сегодня? — спрашиваю я, надеясь, что она чудесным образом передумала.

— Да, мы вместе закроемся, и ее сын заедет, чтобы забрать нас, когда закончит смену в автомастерской.

— Хмм, — это единственный ответ, который я способен выдать, не выглядя мудаком. Я рад, что ее подвезут, но мне не нравится, что сделаю это не я.

— Итак, увидимся завтра?

— Конечно. Утром я завезу тебе деньги.

— Какие будут пожелания? — спрашивает она, и мне требуется секунда, чтобы понять, о чем она спрашивает.

— Лимонный?

— Считай, что готово, — говорит она с широкой улыбкой. — Я делаю убийственные лимонные пироги.

— Не сомневаюсь, — оглядев закусочную, я рад видеть, что кроме парочки за угловым столиком тут больше никого нет. Так что я опираюсь на прилавок и тяну Кади за фартук, прижимаясь губами к ее челюсти, вдыхая сладкий аромат. Я медленно становлюсь наркоманом, и мой наркотик — это она. — Увидимся завтра.

— Мммхмм, — урчит она.

Отстраняясь, я вижу, как ее глаза медленно открываются.

— Спокойной ночи.

— Тебе тоже, — она нервно улыбается, пытаясь успокоить себя.

Я поворачиваюсь к двери, чувствуя самодовольство, что оставляю ее такой взволнованной. Я хотел бы дать ей больше, но, к сожалению, мы оба должны быть терпеливыми.

Глава 5

Нейтан

Заехав на стоянку позади кафе, я паркую машину близко к задней двери и хватаю сумку с заднего сиденья. Это для Кади. Она будет спорить со мной, но я собираюсь выиграть эту битву. Подойдя к двери, начинаю волноваться, что напугаю ее. Она не ждет меня. Но я знаю, что она здесь. Сегодня утром за завтраком она сказала мне, что собирается печь пироги для мероприятия мамы вечером после закрытия, и нет никакого долбанного шанса, что я позволю ей остаться здесь в одиночестве.

Я тихо стучу, зная, что задняя дверь в нескольких шагах от кухни, поэтому она должна услышать меня. Через несколько секунд я снова стучу, на этот раз громче.

Приблизившись к двери, я слышу движение и жду.

— Кто там? — спрашивает Кади немного нервно.

Я не хочу, чтобы она нервничала, но мне нравится, что она последовала моему совету, который я дал пару недель назад, и спросила, кто пришел, прежде чем открыть дверь.

— Нейтан.

Она колеблется, а затем поворачивает замок. Дверь открывается, и покрытая мукой Кади стоит на другой стороне, словно видение в белом.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она, удивленно раскрыв глаза, но улыбка на ее

лице говорит, что она рада меня видеть.

— Я не могу позволить тебе печь в одиночестве.

— Ты сошел с ума?

— Может быть.

— Тогда сходи и дальше, но уже внутри, — открыв дверь шире, она тянет меня за руку. Запах, исходящий от выпечки, аппетитный. Кади — соблазнительная. Мои чувства перегружены. — Ты ужинал?

— Да, у меня был поздний деловой ужин, иначе я приехал бы раньше.

— Ну, ты мог бы вообще не приезжать.

— Нет, не мог. Я не мог оставить тебя здесь одну поздно ночью. Это небезопасно.

— Это безопасно. Двери закрыты.

— А что будет, когда ты закончишь? Ты собираешься остаться здесь на ночь?

— Вообще-то да.

— Ты шутишь? — я поворачиваюсь к ней лицом.

— Нет, я подумала, что выпечка всех пирогов займет у меня большую часть ночи, — говорит Кади, указывая на прилавок позади нее. — Духовка Мака вмещает только четыре пирога одновременно, и большинство из них нужно выпекать сорок пять минут. Я рано начала, но у меня готово только четыре пирога, и еще четыре в духовке прямо сейчас. Поэтому, по моим расчетам, я буду печь как минимум до двух часов ночи. — Она замолкает, теребя передник. — Я подумала, что могу просто поспать в одной из кабинок, — последние слова она произносит тише и медленнее, все время наблюдая за мной.

— Хорошо, — начинаю я, стараясь не казаться злым, потому что не злюсь на нее. Мне просто не нравится, что ей приходится работать так поздно, и она собирается спать в гребаной забегаловке.

И то и другое не хорошо, но я восхищаюсь ее трудолюбием и тем, что она гордится собой и своей работой, что не упускает любую возможность, которую ей дают. Я чертовски люблю это. Это так восхитительно и привлекательно, что заставляет меня хотеть ее сейчас даже больше, чем когда-либо.

— Я останусь с тобой. И если случайно боги пирогов снизойдут к тебе и позволят закончить чуть пораньше, я отвезу тебя к себе, чтобы ты смогла поспать несколько часов, а утром отвезу обратно. Как это звучит?

Небольшая улыбка растягивает губы Кади, прежде чем она подходит ко мне и нежно целует в щеку.

— Мне нравится это.

— Спасибо, — я притягиваю ее к себе.

— За что? — спрашивает она, немного отстранившись.

— За то, что не сопротивляешься. — Я люблю сильную и выносливую Кади, мне так же нравится, что она начинает немного сбавлять обороты и позволяет мне что-то делать для нее.

Она смеется, глядя в сторону.

— Ну, иногда я устаю бороться.

— Так, может быть, сейчас хорошее время, чтобы дать тебе это? — я протягиваю ей пакет, который принес с собой.

— Что это?

— Телефон. Тебе он нужен. Я должен иметь возможность с тобой связаться.

— Я не могу позволить себе ежемесячную оплату телефона, и прежде чем ты даже начнешь, ты не будешь платить за это.

— Ну, я уже зарядил его минутами, и когда они, в конце концов, закончатся, ты можешь купить больше, сколько сможешь себе позволить. Таким образом, нет никакого контракта или обязательства.

Я загрузил его на тысячу минут — это, наверное, больше, чем она когда-нибудь использует, но она не должна об этом знать. Кади задумывается на мгновение, нахмутив брови, пока пытается решить, будет ли она спорить или же просто примет этот чертов телефон. Я смотрю и жду.

— Ладно, — наконец говорит она. — ЛуЭнн давно пытается убедить меня приобрести телефон, так что это сделает ее счастливой.

— Хорошо. Я рад, что могу сделать ЛуЭнн счастливой, — дразню я, сжимая бедра Кади чуть сильнее.

— Хорошо, — она отталкивает меня и идет назад к прилавку, заставленному чашками с начинками, тестом и мукой. Это рай для любителей пирогов.

— Я должна вернуться к работе. Особенно сейчас, когда ты здесь, и я буду чувствовать себя ужасно, если ты останешься здесь дольше, чем необходимо.

— Не беспокойся обо мне. Я буду в порядке.

— Могу я подсластить для тебя сделку кусочком кокосового пирога со сливками, который испекла сегодня? У нас осталось пару кусочков после ужина.

— Мне не следует есть так поздно ночью, но я не могу отказаться от твоего пирога.

— О, пожалуйста, — усмехается она, качая головой, и идет к большому холодильнику. — Тебе не нужно беспокоиться о маленьком кусочке пирога.

— Ты ошибаешься, — признаюсь я. — С тех пор как я начал приезжать сюда, мне пришлось добавить дополнительные пять миль к моей ежедневной пробежке.

— Мне попросить прощения? — спрашивает она, улыбаясь, когда подходит и кладет кусочек кокосового пирога и вилку передо мной.

— Не сто́ит. Я с удовольствием пробежу сто миль, если смогу наслаждаться таким лакомством каждый день.

Кади облизывает губы, когда смотрит, как я делаю первый укус и стону от удовольствия. На самом деле я не очень люблю кокос, но этот пирог — кусочек неба.

— Хорошо, ну, я буду здесь... печь пироги, — бормочет она, ее глаза все еще на моих губах.

— А я буду здесь... смотреть.

— Верно, — она нервно смеется, но приступает к выпечке. А я делаю то, что сказал, беру стул, сажусь и смотрю.

То, как Кади печет, должно быть телевизионным шоу. Я бы заплатил хорошие деньги за это. Но у меня должны быть эксклюзивные права. Я не хочу делить ее с кем-то еще. Она вся моя.

Ее методика движений — смешивание, раскатывание, заполнение — убаюкивает меня в полубессознательное состояние. Прежде чем осознаю, мои веки тяжелеют, и я, вероятно, засыпаю, облокотившись на стойку, потому что следующее, что я вижу, открыв глаза, как красивое лицо Кади постепенно входит в фокус.

— Нейтан? — тихо зовет она.

— Да, — я откашливаюсь. — Прости, я, наверное, заснул.

— Да, но не извиняйся. Я думаю, что заснула стоя минуту назад, — она хихикает, приглаживая волосы за ухо. — Я просто хотела сказать, что осталось две минуты, и последние четыре пирога будут готовы, а потом мы можем уйти.

— Ого, — я сажусь прямо и оглядываюсь по сторонам. На столе охлаждаются ряды пирогов — разные вкусы и внешний вид — и все они выглядят потрясающе. — Ты действительно хороша в этом. Я, наверное, не смог бы испечь пирог, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Уверена, ты сможешь. Я научу тебя как-нибудь, если хочешь. Как только ты поймешь основы, дальше будет проще простого.

— Я уверен, ты могла бы научить меня, но это не значит, что я буду хорош в этом. У тебя действительно есть дар к выпечке. Ты когда-нибудь думала о том, чтобы заняться бизнесом?

— Ну, я имею в виду, конечно, я думала об этом, но это несбыточная мечта, верно?

— Точно нет. Я вижу, что ты действительно преуспела в этом.

Она улыбается мне так искренне, что это заставляет мою грудь сжиматься.

— Спасибо за добрые слова. И спасибо за эту возможность. Я не могу выразить, насколько ценю это.

— Ты не должна благодарить меня. Я уже говорил тебе, это ты помогаешь мне. Вернее, моей маме, но это все равно, что помочь мне, потому что я не хочу слышать ее жалобы, как плохо прошел обед Юношеской Лиги без хорошего десерта. Мы оба знаем, как важен десерт.

— Хорошо, — Кади снова смеется. — Ну, все равно спасибо. Это даст мне достаточно денег, чтобы починить замок. Поэтому я очень благодарна.

— Через сколько минут пироги будут готовы?

— О, сейчас, — говорит она, быстро разворачивается и идет к духовке.

Я наблюдаю, как она наклоняется, вытаскивая один за другим вкусные пироги из духовки, но не могу оторвать взгляд от ее задницы. Это более привлекательно, чем пироги. Не в состоянии контролировать себя, я подхожу к ней, и, когда последний пирог в безопасности на прилавке, я хватаю ее за бедра и притягиваю к себе.

Удивленный визг срывается с ее губ, когда я провожу носом по раковине уха, вдыхая ее аромат. Затем ее тело расслабляется в моих руках, позволяя мне развернуть ее и отвести к стойке, которая была покрыта мукой, но сейчас сверкает чистотой.

Очевидно, Кади была занята, пока я спал.

— Я хочу тебя. Все, о чем я мог думать на прошлой неделе — это ты снова в моей постели, но не думаю, что смогу дождаться.

— Ты хочешь меня здесь? — спрашивает Кади, путешествуя руками по моей груди вниз до пояса брюк.

— Я хочу тебя здесь, там, — я киваю на зал для посетителей закуской, — везде, где ты позволишь мне. Пожалуйста, не отказывай мне.

Без лишних слов Кади сжимает мои плечи для поддержки и запрыгивает на столешницу позади нее.

— Хорошо.

Она нервничает, из-за чего ее голос дрожит, но она облизывает губы и начинает тяжело дышать. Ускоренное дыхание Кади — это знак, который говорит, что она хочет меня так же сильно, как я хочу ее.

Сминая ее губы, я начинаю поглощать ее, беру то, что хотел, подпитываю зависимость,

которая медленно разрастается внутри меня.

Имя этой зависимости — Кади.

Наш поцелуй становится бешеным, когда я провожу руками вверх по ее ногам, прямым к горячей влажности между бедер. Спасибо, Господи, за юбки.

Кади приподнимается достаточно, чтобы я смог снять ее трусики, я стягиваю их вниз и бросаю на пол у моих ног.

— О, Боже, — стонет Кади. — Я не могу поверить, что делаю это. Мак убьет меня...

— Забудь про Мака. Просто смотри на меня, Кади. Позволь мне увидеть тебя попробовать тебя, — ее глаза закатываются, когда она выпускает длинный, громкий вздох. — Откинься назад, — командую я, легко придавливая ее к столешнице, и провожу рукой по открывшемуся кусочку шеи и груди в просвете между фартуком и грудью.

Перед тем, как мы наконец-то были вместе, я мечтал об этой груди. Теперь у меня есть собственные мысленные картинки, чтобы подкрепить то, что я уже знал. Они — безупречное совершенство. И они двигаются вверх и вниз с каждым тяжелым вздохом, которые делает Кади, пока ждет моего следующего шага.

Как бы я хотел не торопиться и запомнить еще больше ее прекрасного тела, но уже поздно, и мой член умоляет выпустить его. Наклонившись вперед, я задираю юбку, выставляя Кади себе на любование.

Я прижимаю рот к ее складочкам, и дрожь пробегает по телу Кади. Может быть, из-за прохлады комнаты или ожидания того, что я собираюсь сделать с ней, но это неважно.

Языком я прослеживаю щель ее киски. Она выгибает спину от моего прикосновения, и я улыбаюсь в ее кожу.

Такая отзывчивая. Такая готовая.

Я сильнее закручиваю языком по сладкой плоти, заставляя ее корчиться подо мной, желать большего, желать освобождения, как и я. И назовите меня эгоистом, но я хочу чувствовать ее, когда она рассыплется на миллион частей.

Вместо того чтобы довести ее до оргазма своим языком, я достаю свой бумажник и извлекаю презерватив.

Кади открывает глаза и наблюдает, как я расстегиваю ремень, а затем штаны, стягивая их вниз достаточно, чтобы достать мой жесткий и готовый член. Раскатывая презерватив по своей длине, я не могу отвести от нее глаз, поскольку она продолжает смотреть с напряженным вниманием.

— Тебе нравится это? — спрашиваю я. — Тебе нравится то, что ты видишь?

С трудом сглотнув, она кивает, а глаза расширяются от удивления.

— Ты можешь поговорить со мной, Кади. Скажи, что тебе нравится. Я хочу это услышать.

— Мне... мне нравится это, — говорит она нервно, неуверенная в себе и в своем ответе. Я беру ее руку и оборачиваю пальцы вокруг моей твердости, позволяя ей контролировать.

— Ты хочешь его? — спрашиваю я, выгнув брови. Я могу сказать, что она не привыкла разговаривать во время секса, но мне нужно услышать ее.

— Да, — шепчет она.

— Он твой. Делай с ним что хочешь.

Она облизывает губы и смотрит на меня, потом на мой член, который дергается в ее руке. Кусая губы, долю секунды она смотрит на меня, прежде чем провести кончиком по своей влажности, закатив глаза от ощущений, и я борюсь, чтобы удержать внимание на ней.

Я хочу видеть ее, наблюдать за ней, узнать все, что нужно знать об этой прекрасной женщине, распростертой передо мной.

Не в состоянии больше ждать, я толкаюсь бедрами вперед, похоронив себя настолько глубоко внутри нее, насколько могу. Кади кричит, она поднимает руки над головой, цепляясь за прилавок, чтобы удержать себя, когда я начинаю двигаться внутри нее.

— О, Боже, — скулит Кади, оборачивая ноги вокруг моих бедер, ее каблуки впиваются мне в задницу.

Я не смогу продержаться очень долго. Не когда наблюдаю, как мой член скользит в ней и слушая ее прерывистое дыхание и стоны. Потянувшись между нами, я начинаю потирать клитор большим пальцем, даря давление, в котором она нуждается.

— О, мой Бог, — стонет Кади, ее голос срывается на крик.

— Давай, малышка. Позволь мне услышать тебя, — призываю я. — Позволь мне услышать, как ты разваливаешься.

После нескольких толчков я чувствую, как ноги Кади начинают дрожать, ее оргазм быстро приближается.

— Вот оно.

Кади кричит, ее стеночки пульсируют вокруг меня, когда она выгибается на стойке. Ее тело натягивается с освобождением, и я позволяю себе кончить, мой собственный оргазм потрясает меня до глубины души. Я кончил так сильно, что, кажется, мои ноги предадут меня, голова кружится, и крошечные звезды затуманивают зрение.

Я тяжело дышу, пытаюсь вернуть свою голову из облаков на землю.

Кади начинает гладить мои волосы, и я знаю, что если не буду двигаться, то засну прямо здесь, на этой столешнице, с ней подо мной и моим членом, все еще наполовину находящимся в ней. Я заставляю себя подняться, опираясь руками по обе стороны от Кади.

Улыбка, которая встречает меня, сонная и удовлетворенная и самая прекрасная, что я когда-либо видел. Взглянув на часы на стене, я вижу, что уже третий час ночи.

— Я ужасно не хочу двигаться, но тебе нужно поспать, и я должен отвезти тебя домой.

Отстранившись от нее, я снимаю презерватив и завязываю на нем узел, не зная, куда его выбросить.

Кади краснеет, возвращая свои на место свои трусики.

— Мусорный контейнер у задней двери? — спрашивает она, видя вопрос на моем лице.

— Хорошая мысль.

— Я просто протру это очень быстро, прежде чем мы уйдем, — она качает головой, когда подходит к полке и берет распылитель и тряпку. — Я до сих пор не могу поверить, что только что произошло.

— О, это точно произошло. И если хочешь, я могу немедленно повторить.

— Эээ... Я... — она заикается, и я не могу перестать улыбаться.

Тот факт, что она делает достаточную паузу, чтобы подумать об этом, делает меня готовым ко второму раунду, но ей нужно спать, а мне нужна она в моей постели.

— Заканчивай. Я должен доставить тебя домой, — шепчу я, крепко целуя ее, прежде чем оставить дезинфицировать стол, и выхожу через заднюю дверь, чтобы избавиться от улики.

Когда мы подъезжаем к моей квартире, Кади дремлет на пассажирском сидении. Мне жаль, что она так устала и через несколько часов должна вернуться на работу.

— Как ты думаешь, Мак позволит тебе поспать подольше утром?

— Маловероятно, — говорит она, зевая. — Карла настолько непредсказуема, а ЛуЭнн не может справиться сама в утренний час пик. Но я сделала два лишних пирога. Это на один меньше, чем я должна делать по утрам... ну, сегодня утром. Это даст мне лишний час сна.

Я выпрыгиваю из машины и встречаю ее у двери, когда Кади открывает ее. Предлагаю свою руку, она принимает ее с небольшой улыбкой, и мне интересно, почему она всегда стесняется, когда я открываю для нее дверь.

— Почему? — спрашиваю я.

— Что?

— Ты улыбаешься так, как будто смущаешься, что я открываю для тебя дверь. Ты феминистка? Тебя оскорбляет то, что я открываю дверь?

— Нет, — говорит она со смехом. — Ничего подобного. Я имею в виду, я верю в права женщин и все такое, но я не чувствую себя обиженной, что ты открываешь мою дверь. Просто никто никогда не делал этого для меня. Поэтому для меня это в новинку.

— Никто никогда не открывал для тебя двери автомобиля? — я пытаюсь понять.

— Нет.

— Ни парень, ни...

— Нет, — она обрывает меня. — Никто. И я не помню, чтобы мой папа делал это для мамы. До тебя я видела это лишь в фильмах и телевизионных шоу.

— Что ж, это печально. Для всех женщин должны открывать двери, особенно для таких красивых, как ты.

Она качает головой и смотрит на меня в недоумении.

— Иногда я должна ущипнуть себя, чтобы поверить, что ты настоящий. Что я действительно здесь с тобой.

— Это реально. Я настоящий. И ты тоже. Это одна из вещей, которые мне больше всего нравятся в тебе.

— Ты считаешь меня красивой? — спрашивает она, и даже в тусклом свете фонаря я вижу, что ее щеки покрываются румянцем. — Ты так сказал.

— Да, я сказал. И я имел это в виду. Я думаю, что ты красивая и замечательная и так отличаешься от всех, кого я когда-либо знал. А после того, как я познакомился с тобой более интимно, я уверен в этом даже больше.

Мы стоим у задней двери моего дома в предрассветные часы, но я чувствую, как что-то меняется между нами. Воздух кажется гуще. Атмосфера наэлектризована. И я знаю, что если не поцелую ее прямо сейчас, прямо здесь, то буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я прижимаю ее к двери и целую. Целую до тех пор, пока мы оба не начинаем задыхаться. Целую, пока у меня начинает кружиться голова, а тело снова воспламеняется для нее.

— Вот это да, — говорит Кади напротив моих губ, когда мы, наконец, отстраняемся, чтобы сделать глоток воздуха.

— Да.

— Не знаю, смогу ли я ходить после этого.

— Я понесу тебя.

Она тихо хихикает, опираясь на мою грудь.

— Я шучу. Я могу пойти сама.

— Пойдем, — потянувшись через ее плечо, я ввожу код безопасности.

Когда мы поднимаемся наверх, я чувствую мгновенное облегчение, или, может быть, удовлетворение, что она снова здесь. Что бы это ни было, это заставляет меня чувствовать

себя расслабленным, и я хочу залезть в постель с Кади и остаться там на несколько дней, а не на пару часов, которые у нас есть. Но я все же возьму то, что смогу.

— Эмм, у меня снова нет никакой одежды. Ты можешь одолжить мне футболку или что-то?

— Ты можешь просто забыть про одежду, — говорю я ей. — Хотя, если ты хочешь поспать, одежда — хорошая идея. Хочешь принять душ? — спрашиваю я, указывая на ванную комнату.

— С тобой? — выражение ее лица нечто среднее между шоком и заинтересованностью.

— Не сегодня. Обнаженная ты (все равно в душе или кровати) и сон — понятия взаимоисключающие.

— Верно.

— Иди, я принесу тебе одежду. Я могу бросить твою униформу в прачечную, если хочешь.

— У тебя есть стиральная машина?

— Да. Я не очень часто использую ее, но она есть.

— Хорошо, спасибо.

Я позволяю ей спокойно расположиться в ванной комнате. Когда слышу, как включается вода, жду несколько минут, прежде чем проскальзываю внутрь и оставляю взамен униформы футболку и спортивные штаны. Те же, которые она носила в последний раз, когда была здесь.

На секунду я думаю пересмотреть свое решение и присоединиться к ней, но не делаю этого. Мгновение смотрю на великолепный силуэт Кади за стеклом. Я наблюдаю, как она стоит в потоке воды, а затем стонет от удовольствия. При этом я спокойно оставляю ее, поправляя свой член по пути.

Через полчаса униформа Кади в сушилке, а она спит в моей постели. Я тоже должен спать, но не могу отвести от нее глаз. Поэтому я лежу рядом, пытаюсь придумать способ удержать ее здесь. Кроме похищения, я не могу придумать хороший план. В конце концов, я придвигаюсь к ней и обнимаю за талию, притягивая ближе.

~tronslote~v|odny©~

Сон, должно быть, одолевает меня, потому что я ничего не помню до тех пор, пока мой надоедливый будильник не начинает пищать. Это были лучшие два с половиной часа сна за всю неделю. Жаль, что так мало.

Кади шевелится рядом со мной, а затем хнычет.

— Нет, прекрати это, — говорит она хриплым сонным голосом.

— Скажи слово, и я позвоню Маку для тебя, — я не хочу ничего больше, чем позволить ей еще немного поспать.

— Не могу, — фыркает она, сбрасывая одеяло и выбираясь из постели.

— Ты очень милая для кого-то, кто только что проснулся после всего лишь трех часов сна, — говорю я Кади, впитывая ее спутанные волосы и мою футболку, которая достигает до середины бедра.

Она оборачивается и смотрит на меня, прищурив глаза.

— Я думаю, что ты все еще спишь, потому что по утрам во мне нет ничего милого. Я удивлена, что ты все еще не выгнал меня, — она кривит губы, когда ее взгляд опускается на мое тело, и она позволяет своим глазам бродить по мне. Я люблю то, как она смотрит на меня.

— Прямо сейчас я бы хотел сделать с тобой много чего, но упомянутого тобой пункта нет в моем списке.

Выражение ее лица становится серьезным, она выгибает одну бровь.

— О.

— Да, о. Теперь иди, тащи свою милую задницу в ванную, пока я достану твою форму. Кофе? — спрашиваю я.

— Да, — вздыхает она. — Кофе было бы замечательно.

— Я могу сделать немного бекона, — добавляю я, не уверенный, есть ли у нее время во время рабочего дня, чтобы просто сесть и пообедать. Похоже, она всегда работает, обслуживая других.

— Ну вот, ты снова соблазняешь меня.

— Я стараюсь, — я подмигиваю ей, хлопнув по заднице, когда прохожу мимо нее на кухню.

Глава 6

Нейтан

Нейтан

Похоже, Кади удивлена, увидев меня сегодня утром, вероятно, потому что я немного раньше, чем обычно. Помимо того, что сейчас мне еще труднее держаться от нее подальше, у меня есть новости, которыми я рад с нею поделиться.

— Ну, привет. Ты сегодня рано, — она встречает меня своей лучшей улыбкой, полной веселья и тайны, и мне интересно, о чем она думает. — Должно быть, сегодня ты хочешь свой пирог очень-очень горячим.

Я чуть не подавился собственным языком благодаря ей, но черт меня дери, если я не люблю это.

Прежде чем могу ответить, она выпаливает:

— Ну, ты понимаешь... Они горячие, потому что только что из печи, — она прикусывает нижнюю губу, чтобы удержаться от хихиканья, но я не могу сдержать громкий смех. Она такая чертовски милая.

— Конечно, вот почему я здесь пораньше. Нет ничего лучше, чем начать день с горячего, свежего испеченного пирога. Мой рот наполняется слюной, даже когда я думаю об этом, — я смотрю на нее и медленно облизываю нижнюю губу, и теперь ее очередь молчать.

Кади прочищает горло и слегка качает головой, приходя в себя.

— Да, ты гораздо лучше в таких вещах, чем я.

Теперь я начинаю смеяться еще громче, хватаю ее руку и целую.

— Ты можешь сесть со мной на секунду? У меня есть новости.

Кади оглядывает почти пустую закусочную и говорит «конечно», прежде чем сесть напротив меня.

— Это должно быть что-то серьезное, потому что твои колени так сильно подпрыгивают, что стол трясется, — говорит она.

— Можно сказать и так. Вчера я получил официальное сообщение от моей матери о твоих пирогах для завтрака Юниорской Лиги.

Кади сразу начинает теревать мой рулон со столовыми приборами, разворачивая его и заворачивая обратно. Снова и снова. Я накрываю обе ее руки своей, прекращая движение.

— Кади, у тебя нет повода для беспокойства. Все полюбили твои пироги.

Она смотрит на меня в недоумении, закусив кончик большого пальца.

— На самом деле? Ты не просто так это говоришь?

— Моя мать сказала, что все бредили ими. Даже дамы, которые постоянно сидят на диетах, возвращались второй раз!

Она накрывает свой рот рукой и выглядит так, будто сейчас заплачет.

— О, Боже, ты серьезно? Это потрясающе! Я не знаю, что сказать, — она хихикает, вытирая глаза.

Мама позвонила мне вчера вечером, чтобы сообщить, какой фурор произвели пироги, и я почти решил тут же перезвонить Кади, чтобы рассказать, но сейчас очень рад, что удержался. Стоило подождать, чтобы увидеть ее такой.

— Ты не должна ничего говорить, кроме того, что сделаешь для нее еще больше пирогов, если понадобится, — у меня такое чувство, что запрос придет раньше, чем Кади это осознает, но я не хочу, чтобы она беспокоилась об этом. Я хочу, чтобы она наслаждалась этим моментом.

— Конечно, я сделаю! Я так рада, что они всем понравились, — она делает глубокий вдох и немного расслабляется на сиденье. Секундой позже вскакивает, садясь прямо. — О! У меня тоже есть новости. Я, наконец, поменяла замок в квартире.

Эгоистичная часть меня разочарована, что я не смог поменять для нее замок, но с другой стороны я счастлив, зная, что она в безопасности. Глядя на ее гордое выражение прямо сейчас, я сильно пинаю задницу моей эгоистичной стороны. Хотя это противоречит моей натуре, которая желает заботиться о ней и делать все для нее, я люблю то, какая она независимая и сильная.

— Это здорово, Кади. Надеюсь, это не значит, что ты не будешь оставаться в моей квартире?

Глубокий румянец покрывает ее щеки.

— Я все еще могу остаться на несколько ночей.

— Какие у тебя планы на вечер? — спрашиваю я, не теряя времени даром.

Она смеется, слегка качая головой.

— Вообще-то, — Кади медлит и нервно кусает губы. — Я хотела попросить об одолжении.

Мои внутренности накрывает теплой волной от этих слов. Она понятия не имеет, что делает со мной, когда просит об одолжении. Это делает меня счастливым за пределами разумной мысли.

— Что угодно, — я беру ее за руки.

— Сегодня я должна забрать свой новый ключ, и мой управляющий сказал — если я не приду к пяти часам, мне придется ждать до завтра. Наверно, у него ночные смены или еще что-то. И ЛуЭнн работает до девяти часов, а ее сын не может меня забрать, потому что он должен быть на встрече анонимных алкоголиков сегодня...

Кади бессвязно бормочет, и я должен остановить ее, потому что мне не нужны какие-то оправдания или причины, чтобы забрать ее, но я так ей очарован, что не могу ничего с собой поделать.

— И Маку я нужна здесь, чтобы подготовиться к вечернему часу пик. Поэтому не знаю, смогу ли я сделать это до пяти часов...

— Конечно, я отвезу тебя, — я, наконец, прерываю ее и вижу улыбку облегчения.

— Спасибо.

— Хотя, мне, возможно, потребуется вознаграждение.

— Хорошо, конечно.

Выражение ее лица становится более серьезным, и это мне тоже нравится, так что я немного тяну время, прежде чем снова говорю:

— Ужин.

Кади поднимает брови и наклоняет голову, как будто пытается услышать меня лучше.

— Ужин?

— Да, со мной. Я бы хотел пригласить тебя на свидание.

— Ты приглашаешь меня на свидание? — серьезность сменяется мягкой улыбкой.

— Да, я хочу пригласить тебя на ужин.

— Хорошо.

— Отлично. Итак, я заеду за тобой в половине пятого и отвезу к тебе на квартиру.

— Звучит как свидание, — говорит она с улыбкой.

~trnsjnte~v|odny©~

Сегодняшний день тянется очень долго. То ли из-за всего того дерьма, с которым я имел дело в офисе и которое обычно являлось ответственностью моего отца, то ли потому, что я наблюдал, как ястреб за движущимися стрелками часов. И конечно, словно назло, когда я уже собираюсь уходить, Нэнси сообщает, что меня ожидает срочный звонок.

Кусок недвижимости, который я готовился приобрести на южной стороне города, получил встречное предложение, находящееся вне нашего бюджета. Я мог бы пойти на повышение, но риск не стоит возможных потерь. Я ненавижу терять то, над чем так упорно трудился, но иногда нужно сократить свои потери и уйти. Стоит лишь подождать и появится что-то получше, и хотя терпение не моя добродетель, но я работаю над этим.

Остановившись у закуской, вижу, что Кади ждет на улице с озабоченным выражением. Я опаздываю и чувствую себя, как дерьмо, но знаю, что доставлю ее вовремя.

— Привет, — говорит она, скользя на пассажирское сидение.

— Прости, что опоздал, — я наклоняюсь, чтобы поцеловать девушку в щеку и вдохнуть ее сладкий аромат, как способ успокоиться.

— Все нормально. Прости за причиненное неудобство.

— Ничего подобного. Просто в последнюю минуту мне позвонили, и разговор занял больше времени, чем необходимо, — я вымещаю скопившееся раздражение от долгого дня на дороге впереди меня, переключая передачу и чувствуя мощную тягу мотора V8. Эта машина не просто для красоты. Для меня это способ выпустить пар. За всю свою жизнь я покупал не так много легкомысленных вещей, но ее приобретение оправдывал это тем, что у меня нет дорогих хобби, если только вождение Ягуара можно назвать хобби.

— Ты злишься? — спрашивает Кади. И вот тогда я замечаю, что она намертво вцепилась в ручку двери с одной стороны и сильно сжимает ремень безопасности с другой.

— Нет. Я немного расстроен, но я не злюсь.

— Ты уверен, потому что, кажется, когда ты злишься, ты так быстро едешь.

Я снова переключаяю скорость, обгоняя несколько автомобилей, а затем плавно перестраиваюсь на другую полосу.

— Расслабься, — я замедляю автомобиль до умеренной скорости. — Тебе не о чем беспокоиться. Эта малышка может ехать намного больше шестидесяти. Однажды я отвезу тебя на автостраду и покажу, на что она действительно способна.

Вот когда еще одна мысль приходит на ум — еще одно место, где я бы хотел взять Кади — иметь ее *в моей* машине, *на моей* машине. Это определено на вершине моего списка.

— Простоя никогда не ездила на машине так быстро. Ну, я никогда не ездила на машине такого уровня.

— Ты хотела бы прокатиться на ней когда-нибудь? — спрашиваю я, не подумав. Только после того, как вопрос слетает с моих губ, я понимаю, что прежде никогда даже не рассматривал кого-то за рулем моего автомобиля. Я даже не пользуюсь услугами водителя по этой причине. Проходит некоторое время, пока я пытаюсь понять, что это значит.

— Ты позволишь мне сесть за руль? — спрашивает она, когда мы поворачиваем за угол к ее квартире.

— Конечно.

— Я должна получить новое водительское удостоверение, — бормочет Кади. — Еще одна вещь, которую украл этот осел вместе с моей сумочкой.

Я останавливаюсь возле ее дома и съезживаюсь. При свете дня все выглядит намного хуже. Я знал, что это была дыра, но ночью не мог видеть полуразрушенные ступеньки или изношенные двери. Кади вздыхает и поднимает голову, глядя на окна дома, и я понимаю, что это ее квартира. Место, где она живет, и хотя это не так много, это все, что у нее есть, так что я не буду вести себя как дерьмо или заставляю ее чувствовать себя плохо.

— Мы сделаем это, — уверяю я ее. — Теперь пойдем за твоим ключом.

Я обхожу вокруг и открываю Кади дверь, помогая ей выйти из машины и наслаждаясь небольшой улыбкой. Мне нравится, что я — тот, кто открывает для нее дверь. Мне нравится знать, что она любит это. Я и люблю и ненавижу мысль, что я единственный, кто когда-либо делал это для нее. Она заслуживает того, чтобы с ней обращались как с леди. Поэтому я пригласил ее на свидание. Не хочу, чтобы она чувствовала, будто секс — это все, что я хочу от нее. Я хочу отношений, чего никогда не хотел раньше.

И я хочу это с ней.

Когда мы входим внутрь, я следую за Кади вверх по лестнице, которая выглядит не лучше, чем та, что снаружи. Все это место должно быть отремонтировано, и не только для эстетики, но и для безопасности его обитателей. А именно той, чью руку я держу в своей прямо сейчас.

Обеспечение безопасного, достойного жилья — одно из основных направлений в моей работе. Это то, к чему я равнодушен. Возможно, корни этого зародились в моем детстве, в тех жизненных кульбитах, что я тогда пережил «благодаря» наркопритону, расположенному в соседнем переулке. Моя мать умерла от передозировки, когда мне было пять. Отец последовал за ней два года спустя. Я понял, что значит спать в настоящей постели, только когда меня поместили в приют. Позже мои новые родители забрали меня из него, усыновив.

— Нейтан? — зовет Кади, привлекая мое внимание. Я понимаю, что мы стоим перед дверью с надписью «Управляющий».

— Прости.

— Где ты витаешь? Все еще думаешь о сегодняшнем телефонном звонке в офисе?

— Нет, просто задумался, вот и все.

Она улыбается и сжимает мою руку, прежде чем постучать в дверь перед нами.

Дверь открывает большой дородный парень, и он хмурится на Кади, пока не замечает меня, стоящего рядом, и тогда его поведение немного меняется, но он все равно не рад нас видеть.

— Я... эээ, я пришла за новыми ключами.

— Верно, — ворчит он, отходя от двери, чтобы взять конверт. — Твой ключ внутри. У

меня остается запасной.

— Мы возьмем оба, — мне не нравится мысль, что у кого-то еще будет доступ к ее квартире.

— Таковы правила, запасной остается у меня, — он расправляет плечи и поворачивается ко мне, словно предлагая мне осмелиться бросить ему вызов.

— Из того, что я вижу, существует не так много правил в этом здании. И если не ошибаюсь, у тебя не было запасного, когда мисс Девис так сильно нуждалась в ключе. Думаю, было бы безопаснее, чтобы она имела оба. Кроме того, она заплатила за замену замка, так что технически они ее.

— Слушай... — говорит он, делая шаг ко мне.

— Нет, это ты послушай. Если не хочешь встретиться с моим адвокатом, отдай ключ. Я мог бы усложнить тебе жизнь одним телефонным звонком. Не искушай меня.

Кади напрягается рядом со мной, но ничего не говорит, только наблюдает за происходящим взаимодействием.

Управляющий что-то неразборчиво ворчит, возвращаясь в квартиру, и появляется с другим комплектом ключей.

— Спасибо.

Я поворачиваюсь и тяну Кади за собой, пока мы не возвращаемся на лестницу, и только тогда позволяю ей вести нас до ее квартиры.

— Ты не должен был этого делать, — говорит она, когда мы добираемся до ее двери. — Но спасибо.

— Не благодари меня. Это место нуждается в капитальном ремонте, начиная с этого мудака.

— На этот раз не буду спорить, — вздыхает Кади, поворачивая ключ в замке, и открывает дверь. — Ах, дом, милый дом, — она кружится, расставив руки, и широко улыбается. — Устраивайся поудобнее. Я приму душ и переоденусь. Буду готова через двадцать минут.

Я беспокоился, что ей будет стыдно или неудобно, что я здесь, но она в очередной раз меня удивляет. Она дерзкая, и мне это нравится.

Спустя двадцать минут мы стоим в коридоре, пока Кади запирает дверь. Я восхищаюсь ею, глядя со стороны, потому что это первый раз, когда я вижу девушку в чем-то, кроме ее униформы и моей одежды... или вообще без ничего. И она выглядит потрясающе. На ней всего лишь джинсы и черная рубашка, но она великолепна. Ее глаза немного ярче. Волосы распущены, немного дикие и необузданные и абсолютно прекрасные. Она, должно быть, нанесла что-то на губы, потому что они красного цвета и такие привлекательные.

— Готов? — спрашивает Кади, поворачиваясь ко мне с сумкой в руке.

— Ну, — я заикаюсь, все еще под впечатлением от ее красоты. — Да.

— Что-то случилось? — спрашивает она, оглядывая себя. — Мне переодеться во что-то более милое?

— Нет! — восклицаю я. — Ничего подобного. Ты просто потрясающе выглядишь, и я не видел тебя ни в чем, кроме униформы. Я просто наслаждаюсь видом, вот и все.

— О, — она опускает голову, когда румянец покрывает ее щеки. — Спасибо.

Кади улыбается, глядя на меня сквозь длинные темные ресницы, и я призываю всю свою сдержанность, чтобы не затолкать ее обратно в квартиру и наслаждаться ею до рассвета.

— Пойдем? — я предлагаю ей руку.

— Да, — она подсовывает руку под мой локоть, и мы идем вниз по лестнице.

Нахождение Кади рядом со мной наполняет меня наслаждением, которого я никогда не знал раньше. Это неопишимо. Я не знаю, откуда это взялось, но я жажду его. Я жажду ее.

Я спрашиваю Кади, где она хотела бы поесть, но она говорит, чтобы я сам выбирал, а затем рассказывает нечто, что поражает мое воображение — все это время, живя в городе, она ела только в закусочной и еще в одном кафе чуть дальше по улице. Вот почему я решаю отвезти ее попробовать лучшую мексиканскую еду в ее жизни.

Это тихое, спокойное местечко, которое показал мне мой дядя Тедди. Еда здесь великолепна, но не для снобов. И у них есть мое любимое разливное пиво.

После того как мы делаем заказ, Кади откидывается в кресле и улыбается мне. Одной из моих любимых улыбок. Той, которая говорит, что она счастлива. Я помню первую ночь, когда она была у меня, и я сделал ей сандвич. Она подарила мне такую же улыбку, и с тех пор я отслеживаю их.

— Ты счастлива.

— Да.

— Что делает тебя такой счастливой? — Мне нужно знать, я желаю знать.

Кади делает глубокий вдох и открывается мне.

— Это. Ты. Я не делала ничего подобного... забавно, но думаю, в течение длительного времени. Так что спасибо.

— Сколько времени прошло с тех пор, когда ты последний раз была на свидании?

— Боже, — выдыхает она и бормочет: — Годы.

— Годы?

— Да, на самом деле, когда еще жила дома.

— Серьезно?

— Это странно, да?

— Нет, — говорю я ей, качая головой. — Не странно, но удивительно.

— Ну, жить в городе страшно. Я не ходила на свидания в поисках парня, — смеется она. — ЛуЭнн и Карла пытались свести меня раньше, но это просто не получалось. Обычно я начинала бояться и все отменяла.

— Итак, сколько точно времени прошло?

— Три года? Может быть, — она отводит взгляд, а затем снова смотрит на меня. — Мой последний парень был тем же мальчиком, с которым я встречалась в старших классах. Когда я скопила достаточно денег на поездку, то попросила его составить мне компанию, но он сказал, что я сумасшедшая. Ничего из этой затеи все равно не получилось бы, но было бы приятно знать, что ты не одна. Жизнь в городе, безусловно, не так прекрасна, как хотелось бы. С тех пор я не была дома и даже не разговаривала с ним или кем-то еще, кроме отца. Примерно раз в месяц я звоню ему, чтобы проверить. И он знает, где меня найти, если я ему буду нужна.

— Ты очень смелая, — искренне говорю я Кади, но тут же вижу, как на ее лице формируется протест, прежде чем она даже раскрывает рот.

— О, нет. Нет, я не смелая. Глупая, может быть. Наивная, определенно. Но храбрость — это единственное, чего во мне нет. Думаю, мне казалось, что я храбрая. Казалось, что я уеду из моего маленького захолустного городка и приеду в большой город, чтобы найти себя. Но я не понимала, насколько тяжело это будет. Я не подумала о запасном плане. У меня было только одно на уме — направиться в никуда.

Глаза Кади искренние, выражение лица задумчивое, вероятно, из-за мечты, которая, по ее мнению, давно умерла.

— Ты не можешь так думать. Ты выбралась из того городка. И ты здесь, все еще живешь своей жизнью. Возможно, все не так, как ты планировала, но это твое. И это еще не конец.

Официантка появляется с нашей едой, и глаза Кади расширяются.

— Святое дерьмо, ты заказал все меню?

— Ну, все, кроме чилакилес, — я осматриваю блюда. — Просто был не в настроении. Но если ты хочешь их попробовать, мы можем заказать...

— Нет! — смеется она, прерывая меня. — Боже, здесь достаточно еды, чтобы накормить небольшую страну.

— Могу я сделать для вас что-нибудь еще? — спрашивает официантка.

— Думаю, мы в порядке. Спасибо.

Она уходит, и Кади замирает с поднятой вилкой.

— Начни с ростбифа. Позже ты поблагодаришь меня.

— Я доверяю тебе, — она подмигивает мне и вонзается вилкой в еду.

— Итак, у тебя есть братья и сестры? — интересуюсь я, пока мы едим, не желая, чтобы наш разговор закончился. Мое новое любимое занятие — узнавать как можно больше информации о Каданс Девис.

— Нет, никаких братьев и сестер. Мама очень не хотела быть мамой. Поэтому я была ее пределом, — она смеется, но я вижу намек на печаль. — Отец, наверное, хотел бы больше, но так и не женился после ее ухода. В любом случае, он не смог бы их себе позволить. Он и так делал все возможное, чтобы сохранить крышу над головой и еду на столе.

Какое-то время мы едим в тишине, прежде чем Кади спрашивает:

— А что насчет тебя?

— Нет, я тоже единственный ребенок. У моих биологических родителей никогда не было других детей, по крайней мере, насколько я знаю. После того, как меня усыновили, родители пытались узнать, есть ли у меня братья или сестры, но ничего не обнаружили, что, вероятно, к лучшему.

Я ценю, когда Кади просто кивает, не настаивая на дополнительной информации. Это не значит, что я не хочу, чтобы она знала все обо мне, но многое из моего прошлого удручает, поэтому лучше дозировать информацию.

Мы больше говорим о моей нынешней семье. Я рассказываю ей про моих родителей, о дяде Тедди, о «Хендрикс Холдинг» и моей роли там. Кади, кажется, интересуется бизнесом и даже не зеваает от скуки, когда я объясняю, что такое холдинговая компания. Это впечатляет, потому что иногда даже я нахожу некоторые бизнес детали скучными, а ведь это моя работа.

Когда приносят счет, я оплачиваю его, и мы уходим. Рука Кади в моей. И меня охватывает подавляющее чувство страха, когда я думаю о том, чтобы отвезти ее обратно в квартиру.

— Мне очень нравится наш разговор. Поехали домой со мной, — умоляю я. — Даже если мы будем всего лишь спать. Спать в моей кровати.

Глава 7

Нейтан

— Мммм... пахнет беконом?

Кади заходит на кухню, одетая в мой халат, и при этом выглядит совершенно

очаровательно. Плюшевая ткань поглощает ее миниатюрное тело, даже если она затянула пояс как можно туже.

— Конечно. Теперь, когда я знаю, что это афродизиак, я планирую использовать его в свою пользу как можно чаще, — я смотрю на нее через плечо и улыбаюсь. — Кроме того, я был бы дураком, если бы перестал ухаживать за тобой сейчас, когда ты вновь моя. Я должен дать тебе повод остаться хотя бы ради бекона.

Я аккуратно переворачиваю ломтики бекона на сковороде, когда чувствую, как она обнимает меня сзади за талию. Последние пару недель с Кади были удивительными, и мне нравится, что она наконец-то достаточно расслабилась, чтобы чувствовать себя здесь как дома. Кади не остается у меня каждую ночь, но когда она со мной, я хочу, чтобы она чувствовала, что принадлежит этому месту, потому что это правда. Она принадлежит мне.

— Ты думаешь, я *твоя*, да? — в ее голосе слышится озорство, и это довольно ново.

Кади всегда была напористой, с отличным чувством юмора, но раньше она постоянно сдерживала себя, находясь со мной сдерживалась. Думаю, что теперь она позволила себе открыться мне, потому что доверяет, и я люблю открывать в ней эти новые стороны.

Уменьшив огонь, чтобы бекон не сгорел, я оборачиваюсь, не выпуская Кади из объятий.

— Да, ты *моя*. Ты была моей здесь и там... — объясняю я, указывая на разные места квартиры. — Не могу дождаться, когда буду иметь тебя *там*... О, а помнишь, когда ты была подо мной вот там? Нет, подожди, я помню, как *ты* была *моей* там, и это было чертовски удивительно.

Кади зарывается лицом в мою грудь и смеется, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы поцеловать ее в шею прямо за ухом, зная, что это сладкое место для нее. Смех переходит в стоны, но она останавливает меня, прежде чем я захожу слишком далеко.

— Не пытайся отвлечь меня от моего голода. Ты утомил меня вчера вечером, и мне нужно заправиться топливом.

— Черт, верно! — Я снова поворачиваюсь к плите, чтобы проверить бекон.

Сегодня редкий выходной день для Кади, и я очень рад, что она собирается побыть здесь со мной и просто расслабиться. Ну, я уверен, что мы будем делать и *другие* вещи, но действительно хочу, чтобы она просто отдохнула. Она слишком много работает и заслуживает, чтобы ее баловали. На днях я отвезу ее в SPA и на самом деле побалую, но прямо сейчас я слишком эгоистичен для этого. Я хочу, чтобы она была со мной.

После завтрака Кади решает принять ванну, пока я перезваниваю маме. Закончив разговор, я нахожу ее в ванне с пузырьками до подбородка, ее глаза закрыты, и она беззвучно подпевает песне в наушниках. Она, должно быть, чувствует мое присутствие, потому что ее глаза распахиваются, когда я сажусь на полу рядом с ней. Она убирает наушники, но не сделала ни одного движения, чтобы покинуть ванну.

— Не переставай петь в моем присутствии, — говорю я ей.

— В любом случае песня почти закончилась. Как твоя мама?

— Она в порядке, и была очень рада услышать, что ты здесь со мной.

Глаза Кади расширяются, и она садится, расплескивая воду и пузыри.

— Ты сказал своей маме, что я осталась на ночь? Она подумает, что я какая-то шлюха.

— Нет, она так не думает. Она знает, что я взрослый человек, и прекрасно понимает, что я давно не девственник. Это нормально, обещаю. Но, как я уже говорил, она рада, что ты здесь, потому что я могу попросить тебя еще об одном одолжении. Точнее о платной услуге, если ты, конечно, заинтересована.

— О чем речь? — я вижу, как волнение быстро заменяет смущение, которое Кади испытывала всего несколько мгновений назад.

— Мама хотела бы нанять тебя, чтобы испечь еще пирогов для чаепития, которое она устраивает через пару недель.

— С удовольствием. Я понятия не имела, что богатые дамы так любят пироги!

Я громко смеюсь.

— Ну, они определенно любят *твои* пироги. Я ей позже позвоню и скажу, что ты согласна, она будет в восторге. Но сейчас у меня тоже есть к тебе вопрос.

— Звучит серьезно.

— Мамино чаепитие — это лишь часть большого гала, которое мы проводим, чтобы отпраздновать все замечательные вещи, которые сделали в этом году.

— Мы? — спрашивает она.

— Да, она помогает мне в благотворительном фонде Хендрикса, и каждый год мы устраиваем огромную вечеринку, чтобы вознаградить наших волонтеров и сторонников и, конечно, собрать больше денег.

— Ух, ты! Ты занимаешься благотворительностью? — Глаза Кади распахиваются, и удивление смешивается с небольшим страхом.

— Да, я не люблю говорить об этом, но благотворительность — часть моей жизни, и это очень важно для меня.

Я не слишком распространяюсь о таких вещах, только близким людям в моей личной жизни. Мне всегда казалось, что лучшая благотворительная деятельность осуществляется вне поля зрения. Бравировать тем, что ты собрал миллионы для менее удачливых людей, очень похоже на бахвальство о своей новой машине или доме, который недавно приобрел. Это просто не про меня. Речь идет о помощи нуждающимся людям.

— Ну, я думаю, что это замечательно. — Не знаю, почему, но тот факт, что Кади не требует подробностей, делает меня невероятно счастливым и успокаивает. — И с радостью испеку для твоей мамы еще пироги, но мне неловко брать за них деньги. Это же для благотворительной акции.

Я смеюсь и качаю головой, Кади всегда удивляет меня.

— Не беспокойся об этом. Если бы ты знала, сколько мы тратим на такие вещи, это заставило бы твою хорошенькую головку кружиться.

— Ладно, если ты так говоришь.

— Да.

— Так о чем ты хотел меня спросить?

Пузыри едва покрывают верхнюю часть задорных грудей Кади, полностью отвлекая меня от всего, что происходит в комнате.

— Нейтан?

— Прости. Что?

— Вопрос?

— Точно. — Я прочищаю горло, и внезапное чувство нервозности пронзает меня. Я не знаю, откуда это и почему, может быть потому, что я действительно хочу, чтобы она сказала «да».

— Ты будешь моей парой на вечер?

— Ух, ты! Я никогда не была на гала или на чем-то подобном. Я даже не ходила на выпускной! — Кади начинает волноваться, и я чувствую себя плохо из-за этого. Я знаю, что

это вне зоны ее комфорта, но не могу себе представить вечер без нее. Как я уже говорил ранее, сейчас она моя, и я не хочу ее отпускать. Обхватив лицо Кади рукой, я наклоняюсь, пытаюсь ее успокоить.

— Все нормально. Я не буду заставлять тебя, но действительно хочу, чтобы ты пошла со мной. Я прослежу, чтобы ты хорошо провела время, — я улыбаюсь, надеясь облегчить ее страхи. — Мы оденемся, поедим деликатесы и будем танцевать всю ночь. Мы можем даже провести ночь в гостинице, где проходит мероприятие. Пожалуйста, скажи, что ты, по крайней мере, подумаешь об этом.

Я вижу, как колесики вертятся в ее голове, и готовлюсь к отказу. Я никогда не хотел бы поставить ее в неудобную ситуацию, но думаю, что такая ночь была бы для нее удовольствием.

Проходит мгновение, а Кади все смотрит на меня без тени эмоций на лице. Когда она, наконец, улыбается и говорит «хорошо», я чувствую себя самым счастливым парнем в мире. Кто знал, что эта женщина может влиять на меня так сильно? Конечно, не я.

— Знаешь, это подло — заставлять меня так долго ждать ответа, — говорю я строгим голосом.

— Мне нравится смотреть, как ты извиваешься.

— Это так? — Я вздергиваю брови. — Ну, думаю, настала твоя очередь извиваться.

— И... как ты собираешься это сделать? — Кади смотрит, как я засовываю руку в воду и медленно двигаюсь к ее киске. Ее бедра уже дрожат от предвкушения, когда я добираюсь до места назначения, нежно потирая ее вход пальцем, дразня ее, пока она не задыхается.

— Тск, тск, тск, — предупреждаю я, мой голос глубокий и властный. Я прослеживаю кончиком пальца по губкам ее киски. — Я сказал, теперь твоя очередь извиваться, поэтому не издавай ни звука, пока не кончишь, поняла? — я легко ввожу в нее два пальца и начинаю двигаться, большим пальцем надавливая на клитор. — Ты должна оставаться тихой, пока я трахаю тебя пальцами, но, когда кончишь, я хочу, чтобы ты кричала так громко, чтобы стены начали дрожать.

Моя девочка кивает головой, снова погружаясь в ванну, закрывает глаза и приоткрывает рот, давая мне разрешение делать с ней то, что хочу.

Все, что я хочу — доставить ей удовольствие. И мне нравится, что хотя Кади борется со мной из-за многих вещей, она никогда не спорит по этому поводу. Она всегда восприимчива к тому, что я должен дать ей, и всегда готова отдать взамен.

Глава 8

Нейтан

Мое утро было неприятным, если не сказать больше. Сделка, над которой я работал в течение последнего месяца, этим утром полностью провалилась. Продавец вернулся с нелепым встречным предложением, которое, если я соглашусь, потребует перепланировки бюджета, и это просто бесит меня. Я ненавижу, когда вещи идут не так, как планировалось.

— Тук, тук, — говорит знакомый голос с порога.

Я поднимаю глаза на своего отца, который стоит там, и это чертовски здорово. Он вернулся в город в идеальное время, потому что если кто и может придумать способ, чтобы договориться о сделке, учитывая наши самые лучшие преимущества, это он.

— Привет, пап.

— Я стою здесь уже минуту, что тебя так беспокоит этим утром? — Он подходит к

моему столу и садится напротив меня.

— Черт, я рад, что ты вернулся в город.

— Все плохо, да? Я думал, ты будешь рад иметь свободу действий на некоторое время. Я удивлен, что вы с твоим дядей Тедди не скупили половину Далласа, пока меня не было.

Я смеюсь и качаю головой. Он хорошо нас знает.

В то время как мой папа осторожный и логичный во всем, что делает, дядя Тедди наоборот. Он купит стойку с кетчупом у леди в белых перчатках, если подумает, что это будет приносить прибыль. Что угодно за доллар. Именно их совместные усилия сделали «Хендрикс Холдинг» тем, чем он является сегодня. С гордостью могу сказать, что взял понемногу от обоих. Я старался впитать как можно больше их знаний. Я иду на риск, когда мне нужно, но также осторожен и все обдумываю, прежде чем принять окончательное решение. Что подводит меня к моей нынешней загадке.

— Я хочу, чтобы ты кое-что посмотрел.

— Хорошо, но сначала как насчет того, чтобы ввести меня в курс дел Нейтана Хендрикса? По словам твоей матери, у тебя есть подруга, о которой я должен спросить.

Ухмыляясь, я откинулся в кресле. Конечно, она должна была первым делом натравить на меня отца.

— Есть подруга, — соглашаюсь я, кивая головой. — Ее зовут Каданс Девис.

— Каданс Девис, — повторяет он. — Я ее знаю?

Я вижу, как вращаются колесики в его голове, пока он пытается представить ее в нашем обществе, и улыбаюсь, радуясь, что он не найдет ее там. Она не похожа на тех людей, которые нас обычно окружают.

— Ты наверняка видел ее раньше... если когда-нибудь был в закусочной Мака, — я дозирую информацию, позволяя ему все обдумать, прежде чем продолжить. — Она работает официанткой. Там мы и познакомились.

Отец кивает, но ничего не говорит в течение минуты.

— Итак... — начинает он, но я уже читаю вопросы в выражении его лица.

Кто она?

Что она хочет от тебя?

— Прежде чем ты начнешь, хочу сказать, что это я преследовал ее, и она очень хороший человек. Поэтому не составляй мнение о ней, пока не познакомишься. Потому что, поверь мне, она тебя удивит. Она удивляет меня каждый день.

— Хорошо, — говорит он. — Ты сказал, *познакомишься с ней*, я так понимаю?..

— Она сопровождает меня на Гала.

— Ого, — говорит он, кивая головой. — Она, должно быть, особенная, если ты пригласил ее на вечер. И она знает о благотворительности?

— Да. Это она пекла пироги для маминого мероприятия.

— Так она *Пирог-девушка*?

— Да, она *Пирог-девушка*. Но она гораздо больше, чем это. Поверь мне.

— Я знаю, знаю. Но, Нейтан, не заикливайся на этом. Я знаю, каким ты можешь быть когда чувствуешь, что нашел новый *проект*, — говорит он, подчеркивая последнее слово. — Ты не можешь строить отношения, решая проблемы. Люди не действуют одинаково. Поэтому не путай сострадание с чем-то большим.

— Это не так. Я с ней не потому, что хочу исправить ее. Во всяком случае, это она исправляет меня, делает лучше. Она напоминает мне, что важно не то, сколько компаний

или имущества у тебя есть. Она так откровенно заявляет о своей жизни, и с ней я чувствую себя более живым. Поэтому речь не о ее спасении или исправлении. Не думай так.

— Хорошо, — он вскидывает руки в знак капитуляции и хитро улыбается, вставая с кресла. — Я просто хотел услышать это из первых уст, так сказать.

Он идет к двери, но останавливается перед выходом.

— Твоя мать будет рада услышать, что это больше, чем роман или какая-то девица в беде, — он два раза ударяет дверной косяк, прежде чем выходит и оставляет меня в глубокой задумчивости.

Речь не об этом.

Кади не проект.

Она не девица в беде.

Я не ее рыцарь в сияющих доспехах.

Она больше, чем это.

Мы больше, чем это.

Я повторяю это, убеждая себя, потому что допрос отца вызывает сомнения, которые я не позволяю себе учитывать. Мне это не нравится. Я хотел бы заскочить в кафе и увидеть ее, съесть кусочек пирога. Но у меня встреча в восемь, так что это исключено.

Мы больше, чем это.

Глава 9

Нейтан

До Гала всего несколько дней, и я не мог видеться с Кади так часто, как в последние несколько недель, и я ненавижу это. Вместо того чтобы обнимать ее ночью, я возвращаюсь домой в темную, пустую квартиру. Обычно я чувствую, когда расстояние ослабляет отношения, но с Кади все по-другому.

Я скучаю по ней еще больше.

Хочу ее еще больше.

Я знаю, что уже поздно, но спустившись в гараж офиса, набираю ее номер.

— Привет? — спрашивает она сонным голосом.

— Хей, — шепчу я, ненавидя, что разбудил ее, но я отчаянно нуждаюсь в ней. — Прости, что разбудил тебя. Я просто хотел услышать твой голос.

— Ты еще на работе? — спрашивает она, и я слышу шелест простыней.

— Да, только выезжаю из гаража.

— Мне жаль, что тебе пришлось работать допоздна.

Несколько мгновений мы молчим, пока я впитываю ее присутствие, даже если это только по телефонной линии.

— Я скучаю по тебе, — говорит она со смешком. — Знаю, что это звучит глупо, но я так привыкла видеть тебя каждый день. Эта неделя была очень длинной без тебя.

— Нет, это вообще не глупо. Почему, ты думаешь, я звоню тебе в полночь?

— Если бы мне не нужно было на работу через пять с половиной часов, я бы попросила тебя приехать ко мне.

— Не искушай меня, — говорю я ей с низким рычанием.

— Я увижу тебя завтра? — спрашивает она робко.

— Дикие лошади не смогут удержать меня.

Она смеется, и это лучшее, что я слышал за весь день.

— Я хочу спросить тебя кое о чем прежде, чем позволю поспать, — я немного

нервничаю, потому что знаю, как она относится к тому, что я покупаю для нее вещи. Несмотря на мое желание, я сдерживаюсь, потому что желание, чтобы Кади чувствовала, что может обеспечивать себя, больше моей потребности заботиться о ней. Но я думал об этом всю неделю, так что должен спросить.

— Что такое? — спрашивает она.

— У тебя есть платье для субботы?

— Э, нет. Пока нет. Но будет.

— Если бы оно тебе понадобилось, ты бы мне сказала, верно?

— Теоретически, да, — смеется она. — Но все в порядке. Благодаря моей новой работе, у меня действительно есть кое-какие свободные деньги для разнообразия. И я бы очень хотела купить себе платье. Я имею в виду, оно не будет шикарным или стоить целое состояние, но...

— Все, что ты наденешь, будет идеальным, — конечно, я бы хотел купить ей платье, но то, что она хочет и *может* купить его себе, заставляет меня гордиться. Я горд за нее. Из всех женщин, с которыми я когда-либо встречался, Кади — та, которой больше всего может понадобиться моя помощь, но она и самая независимая. Она ни разу не воспользовалась мной или моим финансовым состоянием. Это глоток свежего воздуха, как и она сама.

— Хорошо.

— Хорошо. Прости, что разбудил тебя. Возвращайся ко сну.

— Спасибо, что позвонил мне, — говорит она, и я слышу улыбку в ее голосе.

— Сладких снов.

Глава 10

Нейтан

Я всегда немного нервничаю в день Гала. Снаружи я излучаю спокойствие, прохладную уверенность, но внутри переживаю и жду каких-то неприятностей. И как на любом грандиозном событии, они обычно случаются, но благодаря моей замечательной команде все легко исправляется, а даже если нет, мы делаем вид, что ничего не происходит. В этот раз неприятности начались с того, что два моих самых крупных спонсора захотели личной встречи за десять минут до Гала, о чем я узнал только что. Их нужно поить вином, кормить и развлекать разговорами. Обхаживать в лучшем виде.

Не то чтобы это было большой проблемой. Я привык к этому. Но все это значит, что я не смогу забрать Кади, как планировал, а я не люблю менять наши договоренности в последнюю минуту, так же мне не нравится, что она поедет одна. И, честно говоря, я разочарован, что буду лишен чести вести ее за руку.

Я не хочу доверять счастье и комфорт Кади никому, кроме себя.

Но у меня нет другого выбора.

Рыча от отчаяния, я достаю телефон из кармана и набираю ее номер.

— Ты звонишь, чтобы все отменить? — спрашивает она, даже не поздоровавшись, и это застаёт меня врасплох, затягивая узел в моем животе еще сильнее. Факт, что она шутит про что-то подобное, делает то, что я собираюсь сказать, еще более сложным.

— Нет, не совсем так плохо, но у меня есть некоторые плохие новости, — я глубоко вздыхаю, зажимая переносицу, и вышагиваю по большому коридору перед бальным залом. — Я должен послать за тобой машину. Кое-что случилось, и я не смогу забрать тебя. Мне жаль.

На секунду Кади делает паузу, и я жду, затаив дыхание, что она скажет.

— Хорошо, — начинает она со вздохом, и я слышу разочарование в ее голосе. — Это нормально. Я имею в виду, ты довольно важен, так что все в порядке. Я просто встречу тебя там?

И вот она снова меня удивляет. Заставляет влюбиться в нее еще сильнее.

— Да, я буду ждать тебя там. Я буду ждать у двери, когда ты доберешься. Хорошо?

— Хорошо, до тех пор, пока мне не придется ходить в одиночестве. Я... это просто, я никого там не знаю, — вздыхает она. — Я никогда не делала ничего подобного раньше. Ты подумаешь, что я сумасшедшая, но я очень нервничаю.

— Вовсе нет. Я тоже нервничаю, — говорю я ей. Честность и открытость Кади позволяют мне быть уязвимым и показать ей ту сторону, которую я обычно скрываю. Кроме того, я хочу успокоить ее, дать понять, что она не одинока.

— Мне понадобится выпивка, когда я туда доберусь.

— У двери тебя будет ожидать бокал шампанского.

— Шампанское? — спрашивает она. — Я никогда не пила шампанское.

— Что ж, сегодня вечером будет шампанское и еще все, что пожелает твое сердце, — говорю я ей, мой голос охрип от обещания.

— Это ты так извиняешься за то, что не заберешь меня?

— Возможно.

— Ну, может быть, ты должен нарушать планы чаще, — дразнит она.

— Я не должен извиняться, чтобы покорить тебя.

Она прочищает горло, и я могу представить, как она кусает губу, пытаюсь придумать правильный ответ.

— Увидимся в семь часов, — говорю я ей, позволяя сорваться с крючка.

— Я буду там.

~trnqslntc ~ v|pdnny©~

В семь часов я жду возле входной двери, выглядывая Кади. Я ждал, что она приедет чуть раньше, потому что убедился, что водитель был у ее квартиры в шесть пятнадцать, но ее до сих пор нет.

Пять минут спустя я по-прежнему выхожу перед парадной дверью, когда кто-то начинает говорить со мной. Один разговор приводит к другому, и прежде чем понимаю это, я уже далеко от главного входа. Все мои мысли заняты Кади, пока я продолжаю смотреть между двух мужчин, разговаривающих со мной, и ожидаю, что она войдет в любой момент. Но ее нет.

В какой-то момент меня засасывает в водоворот Гала. Люди комментируют обстановку, музыку, шампанское... шампанское, которое я обещал Кади. Я оглядываюсь вокруг, но нет никаких признаков девушки.

Женщина, с которой я встречался год назад — Саманта — проходит мимо, обнимая меня за шею, как будто обладает на меня какими-то правами. Внутри меня передергивает от ее прикосновения, и я делаю шаг назад.

— Сэм, — говорю я, признавая ее, но в моем тоне звучит предупреждение.

— Ой, да ладно, Нейтан. Это Гала. Это единственное время в году, когда твои волосы в порядке. Не упрямясь.

— Я не упряплюсь, я жду кого-то.

— Кого-то, да? — она выгибает бровь, поворачивая голову, чтобы заглянуть мне в глаза. — У этого кого-то есть имя?

— Ты ее не знаешь.

— О, это будет весело, — говорит она с явным волнением. — Позволь мне угадать. Я так хорошо тебя знаю, что это будет нетрудно, — подмигнув мне, она кривит рот, что напоминает мне о Кади, но она не Кади. Она не похожа на нее. И от этой мысли я снова сканирую комнату в поисках моей красивой девочки. Я скучаю по ней. Она нужна мне. — Джанис Саммертон.

— Что?

— Джанис. Она уже давно положила на тебя глаз. Всего несколько недель назад она была в загородном клубе, рассказывая, что готова пожертвовать все свои сбережения, когда речь идет о тебе, — Саманта хитро улыбается, обвивая мою руку своей.

— Это точно не Джанис, — говорю я ей.

— Хорошо. Тогда, должно быть, Молли.

— Это не Молли. Как я уже сказал. — Мой ответ резок, но я ничего не могу поделать, потому что она меня раздражает и отвлекает от наблюдения за Кади. — Ты ее не знаешь. Теперь, если ты не возражаешь, я должен идти.

— Знаешь, Нейтан, ты не можешь оставаться холостяком навсегда. Пора перестать пытаться спасти мир и успокоиться. Не трать эту мордашку на жизнь в одиночестве.

— Приятного вечера, — я разворачиваюсь и ухожу, оставив Саманту позади.

Когда я вырываюсь из ее когтей, то получаю, наконец, минутку, чтобы проверить телефон. Кади написала больше получаса назад, давая мне знать, что они застряли в пробке из-за ДТП. Я собираюсь написать ответ, но подходит мой отец.

— Нейтан, мой мальчик, ты снова сделал это. Гала — это успех.

— Спасибо, я рад, что ты так думаешь, — говорю я ему, выпуская наружу сдерживаемое дыхание.

— Твоя мать рассказала мне, как хорошо прошло чаепитие сегодня утром. Она была довольна мероприятием.

— Да, это было отличным дополнением к сегодняшнему вечеру.

— И она до сих пор бредит пирогами, — говорит он с улыбкой и подмигивает.

Я улыбаюсь в ответ, кивая головой.

— Да, всем понравились пироги.

— А что насчет девушки? — спрашивает он, осматривая комнату. — Ты обещал, что я смогу с ней познакомиться.

— Познакомишься. Она... — я поворачиваю взгляд в сторону входа и вижу ее. На ней простое длинное черное платье, как ее волосы и все остальное в ней, но это только усиливает ее красоту. Она лишает меня дара речи.

— Полагаю, это она, — говорит он, вырывая меня из онемения и подталкивая к действию.

Потому что Кади не одна. Саманта Фландерс стоит рядом с ней, и, глядя на лицо Кади, их разговор никак нельзя назвать приятным.

— Извини, — говорю я отцу, быстро пробираясь через бальный зал.

Когда я добираюсь до них, то обнимаю Кади и притягиваю ближе к себе, вдыхая ее аромат.

— Выглядишь потрясающе.

— Спасибо, — говорит она, но когда я смотрю на ее лицо, улыбка не касается глаз.

— Все в порядке? — спрашиваю я, обращаясь к Сэм.

— Да, конечно. Я просто познакомилась с твоей новой подружкой. В чем проблема? Келли?

— Кади, — говорим мы оба в унисон, и я чувствую напряжение в воздухе.

— Я думаю, мы выпьем. Пойдем? — спрашиваю я, пытаюсь привлечь внимание Кади и заставить ее забыть все, что произошло прежде, чем я подошел.

— Да, — ее ответ резкий, и по выражению лица видно, что она недовольна.

— Прости за это, — шепчу я, когда мы уходим, улыбаясь знакомым людям, которые проходят мимо. Я должен остановиться и поговорить с ними, но сейчас моя единственная цель — достать Кади выпивку и помочь ей расслабиться. Я хочу, чтобы она наслаждалась.

Я перехватываю официанта с подносом, беру два бокала шампанского и вручаю один Кади.

— Прости, что не приехал за тобой, и что не был возле двери, когда ты приехала. Я ждал тебя, но потом меня отвлекли.

— Все хорошо, — она делает глубокий вдох и выдыхает. — Я в порядке.

— Что это было?

— Ничего, — говорит она, качая головой, и отпивает напиток. Ее глаза расширяются, и она кашляет.

— Ты в порядке?

— Да, просто отличается от того, что я ожидала.

— Хочешь что-нибудь еще?

— Нет, все нормально.

— Что тебе сказала Саманта? — Под кожей я практически бурлю, но снаружи пытаюсь сохранять спокойствие. Я не хочу еще больше напортачить, но хочу знать, о чем они говорили, чтобы сгладить острые углы, сделать все правильно.

— Мне кажется, она пыталась оскорбить меня по поводу моего платья, но я не знаю, о чем она говорит. Значит, это не имеет значения.

Похоже на правду. Сэм бредит дизайнерскими вещами и одевается в лучшее.

«Поверхностная» должно быть ее вторым именем.

— Ну, ты выглядишь просто сногшибательно. Не позволяй кому-то, вроде Саманты, заставлять тебя чувствовать себя иначе.

— Спасибо, — она снова улыбается, и вновь улыбка не доходит до ее глаз.

— Хочешь познакомиться с моими родителями?

— Конечно.

Когда мы проходим по комнате, Кади жесткая, как доска, рядом со мной. Я наблюдаю за ней краем глаза и вижу, что она опустила голову, отказываясь смотреть в глаза людям. Но все, мимо кого мы проходим, замечают нас. Они не могут не смотреть, отчасти на меня из-за того, что я с кем-то незнакомым, а отчасти потому, что Кади красива. Трудно не смотреть, как минимум, по двум причинам.

Я напрягаю мозг, как заставить ее чувствовать себя расслабленно, но решаю закончить официальное знакомство и освободиться, чтобы хорошо провести время с Кади.

— Мама, отец, — говорю я, приближаясь к их небольшому кругу людей. Они оба поворачиваются и улыбаются. — Это Каданс Девис, — я с улыбкой смотрю на

Кади, желая, чтобы она просто была собой. — Кади, это мои родители — Елена и Грегори Хендрикс.

Кади пожимает обоим руки, искренне улыбаясь, и я позволяю себе небольшой вздох

облегчения. Может быть, есть способ спасти сегодняшний вечер.

— Приятно сопоставить лицо с именем, — говорит моя мать.

— Очень приятно, миссис Хендрикс, — отвечает Кади.

— О, пожалуйста. Зови меня Елена.

— Хорошо, — отец улыбается Кади. — дамы, можем мы оставить вас на минутку? — спрашивает он, поворачиваясь к моей матери и Кади.

— Конечно, — отвечают они, но я вижу нерешительность в глазах девушки.

Наклонившись, нежно целую ее в щеку.

— Я скоро вернусь, хорошо?

Она кивает, сглатывая, а затем, наконец, слегка мне улыбается.

С ней определено что-то не так, но я доберусь до сути. Я улыбаюсь и иду в сторону, где мой отец стоит с парой других мужчин, которых я видел несколько раз, но официально не встречался.

— Нейтан, это Генри Саттон и Джеральд Винсент. Они владеют несколькими зданиями возле Тихого океана. Я знаю, ты рассматриваешь вопрос о разработках в этой области.

Яжимаю им руки, и мы обмениваемся информацией, планируя встретиться в ближайшие несколько недель, чтобы обсудить, что они могут предложить, но я не могу сосредоточиться. Все мои мысли с Кади. Я даже ловлю себя на том, что оглядываюсь на нее через плечо, пытаюсь уловить ее выражение лица, когда она разговаривает с мамой.

— Прошу прощения, — наконец говорю я. — Мне нужно сделать кое-что важное.

— Конечно, — говорят они оба, но я вижу выражение недоверия на лице моего отца. Он знает, что они предлагают то, что я хотел заполучить какое-то время. Я натянуто ему улыбаюсь и продолжаю свой путь обратно к Кади.

— Мама, — говорю я, приближаясь, — ты выглядишь прекрасно, как обычно.

— Спасибо, Нейт. Я только что говорила Кади, какое у нее красивое платье, — мама улыбается, и я надеюсь, что это искренне, что все, сказанное Кади в мое отсутствие, было таким же.

Я доверяю своей матери и знаю, что она никогда специально не обидит Кади, но в то же время она — продукт своего окружения и иногда не может удержаться. И она всегда делает и говорит что-то от моего имени, потому что присматривает за мной.

Но я и сам справляюсь. Мне не нужно, чтобы кто-нибудь присматривал за мной.

— Кади, — говорю я, предлагая ей свою руку.

Не оставляя ей выбора, я забираю ее на танцпол. Даже если она не любит танцевать или не умеет, это место, где мы можем побыть одни. И мне просто нужно несколько минут наедине с ней.

— Мне жаль, что все не так, как ты надеялась.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает она, и мое сердце немного падает от ее признания.

— Я вижу это на твоём лице и чувствую в твоих прикосновениях. Что-то случилось, из-за чего ты отдалилась от меня. Мне это не нравится. Если тебе что-то сказала Саманта, пожалуйста, скажи мне, чтобы я мог это исправить.

— Пустяки, — она поворачивается, но вместо того, чтобы поцеловать меня, как я надеялся, она собирается сделать, она кладет голову мне на грудь и позволяет вести ее под музыку.

Через минуту или около того я пытаюсь начать еще один разговор, надеюсь, что смогу заставить ее рассказать правду о том, что ее беспокоит.

— Ты хорошо поговорила с моей матерью?

— Да, она классная, как я и думала, — она поднимает голову и смотрит на меня. Песня меняется, но мы продолжаем танцевать. — И ты держишь ее на коротком поводке. Хотя это не удивительно. — Она смеется, и это немного ослабляет напряжение в груди.

— Я произвожу такой эффект на людей.

— На женщин? — спрашивает она, наклонив голову.

— Я не знаю, о чем ты?

— Хм, — урчит она, возвращая голову мне на грудь, и мы заканчиваем танцевать под песню.

Остаток вечера проходит без лишней шумихи. Когда я думаю, что мы можем ускользнуть без последствий, я беру Кади за руку и веду на выход, вниз по длинному коридору в главную часть отеля. В начале вечера я проверял номер, поэтому использую ключ, чтобы доставить нас на верхний этаж.

Я открываю дверь в пентхаус, и Кади широко разевает рот от удивления.

Должен признать, что открывшийся панорамный вид на город довольно впечатляющий. Не говоря уже о просторной комнате, сделанной почти полностью из стекла — окна, зеркала.

— Это... Вау.

— Да, это то, о чем я думал весь вечер, — говорю я ей, целуя вдоль шеи, вниз по V-образному вырезу платья. Убрал ее волосы, я возвращаюсь обратно, пытаюсь сообразить, как вытащить ее из этого платья. — Но мне действительно нужно, чтобы ты была голой.

Кади стонет, откинувшись назад, и я продолжаю осыпать поцелуями ее бледную кожу.

Я ожидал, что она будет отстраненной, как была весь вечер, но сейчас она полная противоположность. Повернувшись ко мне, она пытается ослабить бабочку, чтобы стащить ее через голову. Я помогаю, отбросив ее на пол, пока она расстегивает мою рубашку.

Она смотрит на меня с выражением отчаяния на лице. Может быть, она думала об этом, так же как и я. Почти неделю у нас не было возможности быть вместе. Может, это было напряжение, которое я чувствовал всю ночь, и мне просто нужно воссоединение.

— Я скучал по тебе, — бормочу я между пылкими поцелуями, поднимая ее, чтобы она обвила ногами мою талию.

Посадив ее на комод в спальне, я задираю ее платье и снимаю через голову. То, что ждет меня под ним, даже лучше, чем то, что все остальные могут видеть. Это черное, кружевное и прозрачное, и оно делает мой член твердым.

— Это для меня. — Я не спрашиваю — констатирую факт.

Она одела это, зная, что я увижу. И мне безумно нравится.

Я не против ее простых белых трусиков и бюстгалтера, но это совсем другое, и меня это заводит, черт возьми, даже больше, чем обычно.

Она смотрит на меня с серьезным лицом и кивает, пока мой взгляд бродит по ее телу, запоминая каждый изгиб и выпуклость.

— Сними.

Это не просьба, это требование.

Потому что несмотря на то, как сильно мне нравится сексуальное черное кружево, то, что под ним, нравится мне больше.

Потянувшись за спину, она расстегивает лифчик, позволив ему упасть на колени.

Я больше не могу сопротивляться, наклоняюсь вперед и беру сосок в рот, посасывая и

закручивая языком вокруг пика. Потребность укусить ее подавляюща. Я просто хочу ее всю. Я как оголодавший человек в буфете. Я хочу все, и я хочу это сейчас.

Подвинув к себе, поднимаю ее и несу на кровать, бросая на матрас.

Когда она приземляется, ее сиськи великолепно пружинят, умоляя меня уделить им больше внимания, и я это сделаю, но сначала она нужна мне полностью обнаженная.

Заканчивая то, что она начала в другой комнате, я расстегиваю запонки и сбрасываю рубашку. Затем скидываю туфли и снимаю штаны вместе с боксерами одним движением, бросая их на пол. Как и в первый раз, она наблюдает за мной, всегда наблюдает за мной.

Я люблю внимание, которое она дарит мне. Мне нравится, как ее взгляд ощущается на моем теле, как продолжение ее рук.

Наклонившись, я хватаю ее малюсенькие трусики и стягиваю вниз по ногам, добавляя их в растущую кучу одежды.

— Совсем другое дело, — я облизываю губы, когда думаю о том, что передо мной.

Пироги Кади вкусные, но ее киска — то, из чего сделаны мои мечты.

Я ползу по кровати меж ее ног, будто преследую свою добычу. Несколько раз отвлекаюсь, оставляя невесомые поцелуи на ее ногах, пока, наконец, добираюсь до места, где хочу быть. Ноги Кади начинают дрожать с первым проходом моего языка по ее мокрой щели. Она готова для меня. Но сначала ее удовольствие.

Разделив губки пальцами, я поглаживаю вход носом, а затем языком — дегустирую ее, доставляя ей удовольствие, и наблюдаю, как она корчится подо мной.

— Нейтан, — застонав, она прижимает голову обратно к кровати, и я не могу видеть ее лицо.

— Посмотри на меня, — приказываю я. — Смотри, как я заставлю тебя кончить.

Она медленно поднимает голову, и я удерживаю ее взгляд. С распахнутым ротиком и полузакрытыми веками она наблюдает, как я продолжаю сосать и лизать. Потирая ее клитор, перехожу на другой уровень, заменяя язык пальцами, и вскоре она разлетается.

Я целую ее киску, затем живот, поднимаясь выше, и нависаю над ней, наблюдая, как она медленно возвращается на землю.

— Как это было? — спрашиваю я, целуя ее за ушком.

— Удивительно, — отвечает она. — Лучший оргазм в моей жизни.

— Ну, я перфекционист и немного отличник, в случае, если ты не заметила. И хотя твои слова делают меня счастливым, мне, возможно, потребуется посмотреть, смогу ли я сделать лучше.

Кади улыбается, обхватывает мое лицо руками и целует. Она как будто хочет что-то сказать, но молчит. Продолжая целовать меня, она сдвигает бедра так, что мой член оказывается возле ее входа.

— Мне нужно чувствовать тебя. Ты нужен мне внутри, — настаивает она.

Я даю ей то, что она хочет, загоняя в нее член до основания, давая ей почувствовать каждый дюйм меня.

Когда я пытаюсь сменить позицию и опрокинуть нас, чтобы наблюдать, как она объезжает меня, Кади удерживает меня.

— Нет, только так. Мне нужно чувствовать тебя.

Взяв ее руки, я переплетаю пальцы и поднимаю их над головой, нежно целую, пока мы поднимаемся на вершину, на этот раз вместе.

Мы не разговариваем. Кади оборачивает мою руку вокруг себя и прижимается ко мне.

Так мы засыпаем, обвивая друг друга — она цепляется за меня, и мне интересно, не должен ли я сделать то же самое.

~tronslpte~v|ndnyy©~

Звуки шуршания одежды и шагов по комнате отеля будят меня от беспокойного сна. Я протягиваю руку в поисках Кади, но ее сторона кровати холодная и пустая. Я тянусь дальше, включаю лампу и нахожу ее возле двери, полностью одетую и с сумкой в руке.

Свет от светильника мягкий, но она не скрывается от света, она сияет в нем. Она знает, что ее поймали при попытке к бегству, и я вижу, что чувство вины и стыда охватывает ее тонкие черты.

Пытаюсь сохранять спокойствие, игнорируя вихри страха, кружащие в моем животе со вчерашнего вечера, и поднимаюсь на руки. Может быть, я предполагаю самое худшее, делаю поспешные выводы, не давая ей шанса объяснить. Это маленькая нить надежды, но это единственное, что у меня есть, и я держу ее как можно дольше.

— Куда ты идешь?

Она застегивает сумку и фокусируется на своих пальцах, сжимающих ручку, когда отвечает.

— Думаю, мне нужно идти домой.

— Почему? Сейчас середина ночи, Кади. Ты плохо себя чувствуешь?

Она глубоко вздыхает и садится на угол кровати, оставив свою сумку на стуле у двери.

— Нейтан, я так больше не могу.

Холодная дрожь пробегает по моему позвоночнику, когда я слышу пять самых страшных слов, собранных в предложение. Я сажусь и приближаюсь к ней. Вижу, как напрягается ее тело, когда я подсаживаюсь слишком близко, так что останавливаюсь, давая ей пространство, в котором она нуждается, даже если это противоречит всему, что я хочу и в чем нуждаюсь сейчас.

— Что ты имеешь в виду? Что случилось прошлой ночью?

— Ничего не случилось. Гала был потрясающим, но это заставило меня понять, насколько мы разные. Я имею в виду, я знала, что наши миры противоположны, но до вчерашнего вечера не понимала, насколько.

— Фуфло. Ты используешь эти различия, как оправдания. Ты с первого дня знала, с кем связываешься.

— Я не использую это как оправдание. Я думала, что смогу сделать это. Я думала, смогу притвориться достаточно, чтобы вписаться хотя бы на одну ночь, но не смогла. И если я не могу притвориться на одну ночь, не смогу и дальше, Нейтан.

— Кади, я не хочу, чтобы ты вписывалась.

— О, так ты хотел, чтобы я провалилась? Так? Ты думал, что оденешь меня и выставишь напоказ, чтобы преподать мне урок?

— Блядь, нет. Послушай меня. Мне нравится, что ты отличаешься от всех шаблонных женщин, которые были на Гала прошлой ночью. Я никогда не встречал никого, похожего на тебя. Это я хотел показать. Ты лучше всех тех женщин, и ты потерпишь неудачу, если попытаешься соответствовать их стандартам. Ты — та, кого я хочу, а не они. Я думал, ты поняла это.

Она зажмуривает глаза, и слезы начинают стекать по ее щекам. Я хватаю ее за руку, не заботясь о том, что это лишнее для нее сейчас. Она должна знать, насколько я серьезен.

— Кади, я...

— Нейтан, не надо, — она поворачивается ко мне всем телом, взяв своими руками мою руку. — Я так благодарна за все, что ты сделал для меня. Не просто за то, что ты помог мне с ключами или разрешил остаться в твоей квартире, когда мне некуда было идти, но ты помогаешь *мне*. Ты веришь в меня так сильно, что я могу не начать верить в себя. Ты дал мне возможности, которые уже изменили мою жизнь к лучшему, и я всегда буду благодарна, но я так больше не могу, особенно когда мне нечего дать взамен.

— Я ничего не хочу от тебя, мне нужна только ты. Тебя больше, чем достаточно... больше, чем я мог себе представить. Безусловно, больше, чем я когда-либо заслужил.

Она не смотрит на меня, поэтому я пробую другую тактику.

— Так это все? Ты просто использовала меня?

Это привлекает ее внимание.

Видеть боль, которую я причиняю своими словами, как нож в моем собственном животе. Она должна знать, что я не это имел в виду.

— Вот что они скажут, — шепчет Кади.

— Кто? О чем ты говоришь? — я знаю, что есть что-то большее, о чем она не говорит мне, и будь я проклят, если отпущу это дерьмо. Если я узнаю, что кто-то был груб или оскорбил ее, они пожалеют об этом.

— Ни о чем. Никто ничего не сказал мне, но я знаю, все думают, что я использую тебя.

— К черту их! Мы знаем, что правда, а что нет. Не позволяй им победить, Кади.

Я вижу борьбу на ее лице. Она хочет остаться так же сильно, как чувствует необходимость уйти, и мое сердце разбивается, потому что я знаю, что теряю ее. Не знаю, как мы оказались здесь так быстро. Я думал, что она другая... я думал, что *мы* другие и что у нас может что-то получиться.

Я вижу, когда она принимает решение. Она расправляет плечи, и с ее лица сходят все эмоции. Она отпускает мою руку и встает.

— Речь не о выигрыше или проигрыше, Нейтан. Я должна сделать это самостоятельно; я не могу использовать тебя в качестве костыля.

Теперь я стою. Простыня больше не прикрывает мое тело, и от меня не ускользает, что я голый. Не только физически, но и эмоционально. Я раскрыт перед ней, отдал управление своей судьбой в ее руки.

— Кади, ты знаешь, что я чувствую к тебе. Конечно, ты знаешь, что я...

— Я сказала не надо, Нейтан! — она хватается за сумку и подходит к двери. — Я знаю все о тебе и о том, как ты действуешь. Я отказываюсь быть еще одним проектом для тебя, тем, кого нужно... исправлять, — она останавливается, раздраженно выдохнув, но потом вбивает гвоздь в крышку гроба. — Последние пару месяцев были фантазией, а я не могу себе их позволить. Фантазии приводят к разочарованию. Я не собираюсь сидеть на месте и позволять себе стать слабой, забывая о том, как позаботиться о себе, когда ты закончишь со мной и перейдешь к новому проекту.

Проект.

Ее слова отражают то, что сказал отец, и они режут меня, застают врасплох. Я так потрясен, что едва фиксирую, как она выходит за дверь, оставляя меня навсегда. Я обижен, зол, растерян и абсолютно опустошен, но люблю ее достаточно, чтобы отпустить.

Я люблю ее.

Не могу поверить, что только что увидел нашу связь — в момент, когда она вышла отсюда, вышла из моей жизни. Думаю, я знал это уже некоторое время, но с ее уходом я

больше не в состоянии обманывать себя. Это не страсть или увлечение. Это большее, и это написано в каждом вздохе, прорезающем мои легкие, и удушающей боли, разрывающей мою грудь.

Больше всего я хочу бежать за ней по коридору, заставить ее вернуться в эту комнату и заползти обратно в постель со мной, но я этого не делаю. Суть в том, что я хочу ее счастливой и хочу лучшего для нее, но если Кади считает, что ей лучше без меня, тогда я должен доверять ей.

Но даже тогда я бесцельно сижу на краю кровати, обхватив голову руками, и пытаюсь придумать какой-нибудь способ исправить это.

Исправить.

Вот, что она сказала.

Я всегда пытаюсь все исправить.

Может быть, это я исправить не могу.

~tkvns[ptw v[vdvny]©~

Прошла неделя с тех пор, как Кади вышла из гостиничного номера.

Неделя виски.

Неделя бессонных ночей.

Неделя, как я позволил ее запаху исчезнуть из моей постели.

Неделю назад у меня был ее пирог.

Неделю назад я был в закусочной.

Неделя с тех пор, как моя жизнь потеряла смысл.

— Нейтан, — зовет дядя Тедди от двери моего кабинета, вытаскивая меня из моих мыслей. — Мы собираемся пообедать с ребятами из Премьер Пропетис. Будь готов в десять.

Встреча — последнее, что я хочу сегодня сделать. Но если бы не работа и миллион наших проектов, я бы сошел с ума. Все, что я делаю последнюю неделю, это думаю о Кади — что я мог сделать по-другому, что она делает сейчас, в безопасности ли она, есть ли способ вернуть ее обратно. Так что, по крайней мере, встречи — это способ избежать «*что если бы*» и подумать о чем-то еще, хотя бы на мгновение.

— Все еще думаешь о той официантке?

Его вопрос пугает меня, потому что я думал, что он ушел, но то, как он говорит, заставляет меня оцетиниться. Он не имеет право называть ее *той официанткой*. Он даже не встречал ее. Он не знает ее.

— У нее есть имя.

— Ох, извините, — говорит он со смехом. Всегда все в шутку у дяди Тедди. Он ничего в жизни не принимает всерьез, кроме денег, и это сомнительно. Иногда я задаюсь вопросом, не думает ли он, что играет в «Монополию». — Как там ее, Каданс? — Когда я не отвечаю, он продолжает. — Да, я думаю, тебе просто давненько не причиняли боль. Встряхнись, ковбой. Отрасти яйца. Потрахайся. Все пройдет. Черт, получи минет. Это всегда прочищает мои мозги.

— Я не нуждаюсь в советах, но спасибо, — говорю я резко.

— Ты слишком серьезно к этому относишься, Нейтан. Думаю, пришло время отпустить ее и двигаться дальше.

— Мне решать это. Не тебе. Кроме того, это не твоя область знаний. Так что мне не нужны твои пять копеек.

Он снова смеется, встав с кресла, которое занимал.

— Твой отец сказал, что ты влюбился, ноя не поверил, — остановившись у двери, он оборачивается, качая головой. — Зачем ты это сделал? Разве я ничему тебя не научил? Женщины... любовь... все, что они делают — это все усложняют. В жизни есть только две вещи, на которые можно положиться: смерть и налоги. И только одно из них является определенным.

— Она другая.

— Теперь ты говоришь, как твой отец.

Я отворачиваюсь от него и смотрю в окно, в его глазах намек на разочарование. Полагаю, он всегда думал, что я выберу холостяцкий образ жизни, как он — никаких осложнений, никаких отвлечений.

— Ну, не сиди просто так. Ты Хендрикс. Мы всегда добиваемся намеченной цели и возвращаемся в седло. Единственное, что я знаю, ты не можешь заставить женщину тебя полюбить. Я пробовал однажды, и это не сработало, только вышло мне боком. Поэтому сделай себе одолжение и отпусти ее. Используй эту голову для более важных вещей, например, как сделать свой следующий миллион.

~trnqslntc~v\ndny©~

Ты не можешь заставить кого-то полюбить тебя.

Эти слова вертятся в моей голове с тех пор, как вышли из уст дяди Тэдди неделю назад. Как и все, что он когда-либо мне говорил, я решаю, что оставить, а что игнорировать. Но эти слова застряли со мной. Думаю, потому что всегда знал, что это правда.

Я четко усвоил их. Я провел первые годы жизни, пытаюсь заставить моих родителей полюбить меня, но это не сработало. Я был талоном на еду и теплую постель.

Было время, когда я думал, что могу быть неспособен на любовь. Наверное, что-то внутри меня было сломано. Мой терапевт сказал, что некоторые дети, которых оставляют в таком юном возрасте, имеют проблемы с привязанностью. Как правило, это проявляется в отношениях с людьми, которые пытаются заполнить роль родителей. Но когда мне удалось почувствовать искреннюю любовь к своим приемным родителям, я думал, что я — редкий случай, и что мне каким-то образом удалось ускользнуть от моего тяжелого детства, отделавшись несколькими шрамами, но никаких серьезных травм.

Тогда я попробовал позволить себе влюбиться, дать разрешение впустить кого-то в свою жизнь, но никогда не чувствовал связи. В моей жизни были три женщины, с которыми у меня были серьезные отношения, и теперь я знаю, что никого из них не любил. Они были моим желанием помочь кому-то или кого-то исправить, и я привязывался к этому человеку, но не по-настоящему. И тогда я начал заводить бессмысленные отношения с женщинами для собственной выгоды. Но ни одни отношения не принесли мне истинного счастья, особенно такого счастья, которое я чувствовал с Кади.

Может быть, я пытался заработать любовь Кади.

Одно я знаю точно — она не проект или кто-то, кого я пытаюсь исправить.

Все совсем наоборот.

Она сделала меня лучше. Она заставила меня видеть вещи ясно. Она заставила меня чувствовать себя живым. Она показала мне перспективу. Она дала мне понять, что я могу влюбиться. И я влюбился... сильно.

Я по-прежнему ее люблю.

Я все еще хочу Каданс Девис.

Я знаю, что ей больше не нужна моя помощь, но все еще верю в нее и ее мечты. Если я

не могу быть рядом, чтобы заботиться о ней, я хочу, чтобы она могла позаботиться о себе. Поэтому этим утром я сделал для нее последнее дело. Она может принять его или отказаться, но это даст мне душевное спокойствие — знать, что у нее есть возможность двигаться вперед по жизни, если она так выберет.

Теперь мяч на ее стороне.

— Ненси, — говорю я в интерком.

— Да, мистер Хендрикс.

— У меня есть конверт, который нужно доставить.

— Да, сэр. Куда?

— Закусочная Мака.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

Кади

— Можешь обслужить десятый столик? — спрашивает ЛуЭнн, проходя мимо меня по пути на кухню с посудой в руках. — Новая девушка плохо выполняет свои обязанности.

Я разочарованно вздыхаю и беру свой блокнот для заказов, запихивая его в передний карман фартука.

Пока поворачиваюсь к столу, мое сердце выскакивает из груди и застревает в горле, как всегда, но я знаю, что это не может быть он. Я не видела Нейтана уже две недели, и с каждым днем все больше скучаю по нему. Это только моя вина. Я психанула и убежала.

И я все еще не уверена, правильно ли поступила.

Потому что когда ты поступаешь правильно, даже если это больно, ты все равно чувствуешь себя спокойно, и это помогает справиться.

Но я не чувствую спокойствия.

— Что я могу сделать для вас? — спрашиваю я мужчину за столом.

Он смотрит на меня через оправу своих очков для чтения и убирает меню.

— Я буду два яйца средней прожарки, два кусочка слегка поджаренного пшеничного хлеба, фрукты и горячий чай.

Он определенно не Нейтан. В нем нет ничего от Нейтана. Каждый раз, когда кто-то садится за этот столик, я хочу выгнать его. Я хочу придумать какое-нибудь оправдание, почему никто не может там сидеть — грязные ноги или еще что-то. Ведь без него за столом это чувствуется неправильно.

Все неправильно.

— Что-нибудь еще?

— Просто стакан воды, — он натянуто улыбается. — И побыстрее, пожалуйста.

— Конечно, — я выдавливаю из себя улыбку и иду на кухню, чтобы передать заказ.

— Ты должна выбраться из этой депрессии, — говорит ЛуЭнн, толкая меня бедрами, когда проходит мимо. — Кроме того, на кассе послание для тебя. Какая-то женщина позвонила и заказала еще больше пирогов.

Уже много женщин звонило с заказами. На прошлой неделе я заработала дополнительные четыре сотни долларов. Это здорово, но я серьезно истощена. Работа допоздна в закусочной изматывает меня, но я не могу отказаться от заказов. Хотя я не *нуждаюсь* в деньгах прямо сейчас, я могу отложить их на будущее.

К тому же искра, которую зажег Нейтан, до сих пор здесь. Она едва тлеет, но я чувствую это — желание большего.

Мысль, что я однажды могла бы открыть собственное дело, кажется сумасшедшей и вне досягаемости. Я даже не знаю, что нужно для создания бизнеса, но это не значит, что я не хочу этого.

Я хочу. Очень.

Я не мечтала о таком, когда приехала сюда. На самом деле, я даже не помню, почему именно приехала. Что бы то ни было, оно похоронено под разочарованием и трудными временами.

Когда я покинула Хамбл, я просто хотела уехать. Я хотела начать жить *самостоятельно*. Я хотела увидеть больше, сделать больше, быть большим.

Нейтан напомнил мне об этом. Я снова начала верить в себя.

Я вспомнила, о чем мечтала. Но в тоже время начала чувствовать себя комфортно и в безопасности. Я так привыкла, что обо мне заботятся. Я так привыкла, что живу в его хорошей квартире, и позволила ему возить меня в рестораны. Я и забыла, каково это — самой о себе заботиться, полагаться только на себя.

Затем был Гала. Я с самого начала сомневалась, потому что это место было не для меня. Я не хожу на модные вечеринки в модных платьях и не ем необычную еду. Но я хотела пойти, потому что это было важно для Нейтана. И на мгновение я позволила себе представить себя рядом с ним. И если быть честной, это была одна из моих детских фантазий — красивое платье, красивые волосы, красивый макияж. Но вместо того, чтобы быть сказкой, торжество превратилось в кошмар.

С того момента, как Нейтан позвонил и сказал, что не сможет меня забрать, у меня появилось плохое предчувствие. Вероятно, оно назревало несколько дней, но я игнорировала его и списывала на страх и нервы. Всю неделю до Гала Нейтан был занят, и мы не проводили много времени вместе. Именно тогда стены нашего пузыря начали рушиться.

Я поняла, что жизнь, которой мы жили последний месяц или около того — я оставалась у него, и мы играли в дом — была нереальной.

С самого начала Гала все пошло не так. Я чувствовала себя неловко, невпопад и как самозванка.

А потом появилась Саманта. Я никогда не забуду ее имя, потому что она именно такая, как я представляю себе, когда думаю, с какой женщиной в итоге останется Нейтан. Она чопорная, правильная, образованная, богатая... идеальная.

И она знала Нейтана. Я поняла это по тому, как она говорила о нем. Она знала о нем все. И она точно знала, что сказать, чтобы заставить меня убежать.

Она сыграла на моих слабостях, и я позволила ей.

Но только потому, что знала — ее слова были правдой.

Нейтан — даритель.

Он всегда ищет новый проект.

Саманта сравнила меня с одной из его давних подружек из колледжа — Джиллиан — и что она тоже была *проектом*. Саманта сказала, что она выиграла стипендию, но была никем. *Боже сохрани*. Она сказала мне, что Нейтан взял ее под свое крыло и заставил их всех рассматривать ее как равную.

Я знала, почему она рассказала мне все это.

Я поняла. Возможно, я не была хорошо образована. Не училась в престижном университете.

Но я не глупа.

Я знала, о чем думала Саманта. Я знала, она намекала, что я новая Джиллиан Нейтана. Его новый проект.

Затем я почувствовала, что убегаю, потому что не могла позволить себе быть той, о ком она говорила.

Я не могла позволить себе влюбиться в кого-то, кто видел меня только как благотворительность. Я не могла быть с Нейтаном, потому что влюблялась так тяжело и быстро, и он бы мне позволил, пока я не была бы разбита на миллион частей.

А что потом?

Кто был бы рядом, чтобы снова собрать меня воедино? Никто. Я бы вернулась к одиночеству, и мне оставалось бы лишь заботиться о себе самой. Как только я была готова сбежать, поднялся Нейтан и начал делать то, что у него получается лучше всего — быть потрясающим и сногсшибательным.

Снова.

В ту ночь мои голова и сердце были в состоянии войны. Сердце говорило, что Саманта не знает, о чем говорит. Она не знает, что он заставляет меня чувствовать себя в безопасности, заботится, лелеет, желает. Она не знает, как он смотрит на меня, словно я единственный человек на земле. Она не знает наших разговоров или что у нас есть нечто общее. Она может знать Нейтана, но она не знает меня.

Она не знает нас.

Позже этим вечером я впервые разговаривала с мамой Нейтана, и она была чудесной, но довела до конца то, что начала Саманта. Она снова и снова рассказывала о любви Нейтана к благотворительным делам. Она рассказала о Фонде Хендрикса и о том, как Нейтан полностью отдает себя работе, которую они делают. Я видела гордость на ее лице.

Возможно, не она родила Нейтана, но она любит его, как родная мать. Ее любовь идет из сердца.

Последние ее слова были о том, что если Нейтан что-то задумал, он просто не может отступить, пока не доведет до конца.

Она говорила обо мне?

Она тоже пыталась сказать мне, что я просто была новым проектом для него?

Благотворительностью?

Я не знаю.

Но я не могла ждать, чтобы выяснить это.

— Земля вызывает Кади, — говорит ЛуЭнн, щелкая пальцами. — Слушай, я не могу все время нянчиться с тобой, как на прошлой неделе, и новая девушка тоже вытворяет всякое дерьмо.

— Извини, — я беру тарелку, которую она протягивает.

— Десятый столик хочет яйца, как вчера.

— Верно, — говорю я ей, бесцельно шагая к прилавку, все еще пытаюсь вытряхнуть из себя депрессию, о которой говорит ЛуЭнн, туман измождения и мысли о Нейтане.

— Ты все еще думаешь о Нейтане, милая? — она следует за мной.

— Нет, я просто не выспалась прошлой ночью, — лгу я. — Последние несколько ночей я работала над заказами.

— Ты знаешь, парень пришел бы в ярость, если бы узнал, что ты работаешь допоздна и одна идешь домой.

— А какой у меня выбор? — Я прохожу мимо нее и иду к своему столу.

Мне нужно прекратить фантазировать и вернуться к реальной жизни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 2

Кади

— Слушай, этот перерыв на обед был жестким, — я облокотилась на прилавок, обмахивая себя папкой с меню.

— Ты справилась с этим как босс. Мне кажется, я даже видела искреннюю улыбку один или два раза. Может быть, старая Кади наконец-то вернулась, и ты закончила с этим как-там-его? — спрашивает ЛуЭнн.

Поддразнивание ЛуЭнн — то, как она показывает свою заботу, — заставляет меня чувствовать себя виноватой за свое поведение на работе в последнее время. Я никогда не была поклонником того, кто приносит на работу свои проблемы, но именно это я и делала.

— Ну, я не знаю, смогу ли когда-нибудь действительно закончить с Нейтаном, но по каким-то причинам сегодня мне гораздо лучше. Может быть, потому, что я, наконец, спала более четырех часов прошлой ночью и чувствую себя более человечной.

— Что бы это ни было, я рада вновь видеть тебя энергичной. Ненавижу, что ты грустишь из-за всего этого дерьма. Это работа Карлы, — она ухмыляется, но я вижу искренность.

Это самое большее, что ЛуЭнн открывает передо мной за довольно долгое время. Она никогда не говорит о чувствах. Ее философия в том, что у всех нас есть свои проблемы, так зачем воспевать их. Мы просто приходим на работу, делаем свое дело и живем своей жизнью.

— Прости за мой кризис в последнее время. Но теперь, когда я закончила выполнять заказы и поспала, надеюсь, мне будет немного легче работать, — говорю я со смешком.

— О, ты была хорошей, немного тихой и иногда как в тумане, но даже в твой худший день ты была лучше, чем Карла и новая девушка вместе взятые, — она перестает протирать прилавок и смотрит на меня. — Ты вообще перестала печь пироги?

— Надеюсь, что нет. У меня просто нет никаких новых заказов на этой неделе.

— Я уверена, что они вернутся еще не раз. Между тем, возьми немного с трудом заработанных денег и сделай что-то хорошее для себя, например, массаж или педикюр. Ты заслужила это, — она бросает в меня полотенце, прежде чем отправиться на кухню.

Вздыхнув, я продолжаю вытирать прилавок с того места, где она остановилась.

Я бы с удовольствием воспользовалась советом ЛуЭнн, но боюсь. Не хочу брать ни копейки из моего недавно приобретенного сберегательного счета, кроме трат на самое необходимое.

Звенит колокольчик над входной дверью, и я вижу Гарри, который заходит с ежедневной корреспонденцией.

— Добрый день, Гарри. Как сегодня почта?

— Как обычно, Кади, полно писем и сумасшедших людей, — он подмигивает мне.

— Ты имеешь в виду работников или клиентов?

— И тех и других, в зависимости от времени суток, — он громко смеется, сортируя почту для закуской. Он лезет в свою сумку и достает толстый конверт. — У меня есть зарегистрированный пакет для мисс Каданс Девис. Подпиши здесь, пожалуйста.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что он серьезно. Я никогда раньше ничего не получала по почте. Это выглядит очень официально и почему-то пугает меня.

— Ты уверен, что он для меня? От кого это?

Гарри щурится, читая маркировку.

— Это из Хендрикс холдинг, и это определенно адресовано тебе.

Нейтан.

Мой ум кружится, пытаюсь выяснить, что он мог бы мне послать. Я почти уверена, что ничего не оставляла в его квартире или в гостиничном номере. Прошло уже две недели. Разве он не отправил бы это раньше или просто выбросил?

— Чем раньше ты подпишешь бумаги, тем скорее сможешь открыть его, мисс Кади, — напоминает мне Гарри.

— О, конечно! Прости.

Я быстро расписываюсь и беру пакет, рассеянно махнув Гарри, когда он выходит за дверь.

Не знаю, как долго стою там, уставившись на конверт. Мои глаза фиксируют имя на лицевой стороне, и я не могу оторвать от него глаз. Когда колокольчик снова звенит, я практически выпрыгиваю из своей кожи и сую конверт под стойку для безопасности.

— Я подойду к вам, — обращаюсь я к пожилой паре, чтобы найти им столик.

Когда мне кажется, что я собрала все свое дерьмо воедино, Нейтан что-то мне посылает и полностью разрушает мою рутину. Я умираю — хочу узнать, что внутри, но пока не могу открыть его. Не здесь и не сейчас.

~trnqslnte~v|ndnyy©~

— Итак, что в конверте? — спрашивает ЛуЭнн, когда мы проходим на кухню. Последние клиенты ушли, и она повернула табличку ЗАКРЫТО.

— Понятия не имею.

— Ну, разве ты не собираешься открыть его и узнать?

Я иду к стойке и беру конверт, потом возвращаюсь на кухню и засовываю его в свою сумку, а затем убираю в подсобку для сохранности.

— Открою позже.

— Ты боишься или что? — интересуется ЛуЭнн. — Я никогда не видела, чтобы ты шарахалась от чего-либо, — она имеет в виду мою сумку, конверт и человека, который послал его. — Он определенно обладает какой-то магической силой. Или, может быть, у него есть волшебный...

— ЛуЭнн, — обрываю я ее.

— Просто говорю, — она поднимает руки в знак капитуляции и идет обратно в зал. — Открой этот чертов конверт. Неизвестность убивает меня.

— Позже.

Схватив метлу, я заставляю себя сосредоточиться на поставленной задаче. Я знаю, что должна просто открыть письмо и покончить с этим, но не могу. Я открою его позже, когда буду в своей квартире, но сейчас не хочу знать о его содержимом. Может быть, я оттягиваю неизбежное, потому что, как только я его открою, все будет кончено.

Однако мне не хватало связи с Нейтаном, и конверт — это ниточка к нему, какой бы мизерной она ни была. Это по-детски и смешно, но я ничего не могу поделать. Итог таков: я скучаю по нему.

И, может быть, боюсь.

Я не уверена, чего именно.

Однажды я прочитала, что за каждым страхом стоит желание.

Автоматически занимаясь уборкой кухни, я позволяю себе обдумать это. Чего я хочу —

счастья, безопасности, признания, любви? То есть того, что чувствовала, когда была с Нейтаном.

Часть меня, как напуганная маленькая девочка, хочет забыть обо всем и умолять Нейтана простить меня. Я думаю о ночах, которые мы провели в его квартире десятков раз за последние несколько недель. Я бы все отдала, чтобы вернуться туда. Я бы очень хотела вернуться.

А что потом?

Намеренно закрывать глаза на то, кто такой Нейтан на самом деле и каковы его намерения в отношении меня?

Я не позволила ему объясниться, не хотела услышать отказ. Поэтому порвала с ним первая. Убегая из гостиничного номера, я защищала свое сердце лучшим способом, который знала, прежде чем он получил шанс проверить мои страхи.

И тогда мой мозг выгнал мое сердце за дверь и захлопнул ее, закрывая на засов — цепи и все такое.

Оставшееся время работы ЛуЭнн удастся молчать о конверте и Нейтане. Когда я уже собираюсь попрощаться и сбежать в свою квартиру, звонит телефон. Я останавливаюсь и смотрю через плечо на телефон, но ЛуЭнн полностью его игнорирует.

— Разве ты не собираешься ответить? — спрашиваю я.

— Оставь это, — указывает она, хватая сумочку и ключи.

Телефон продолжает звонить, и я не могу его игнорировать.

Зачем кому-то звонить в забегаловку в столь поздний час? Для этого должна быть причина, верно? Мой инстинкт — или, может быть, простое любопытство — ведет меня к телефону, в то время как ЛуЭнн фыркает:

— Просто ошиблись номером или кто-то продает что-то.

Когда я отвечаю на звонок, я рада, что прислушалась к своим инстинктам.

— Кади?

— Папа? — голос моего отца звучит нервно. Он звонит мне в кафе, значит, что-то случилось. Он никогда не звонит так поздно. — Ты в порядке? Что случилось?

Я молча смотрю на вопросительное лицо ЛуЭнн, пытаюсь воспринять информацию, которую сообщает отец. Сложно осмыслить все, что он говорит, но когда он заканчивает, я отвечаю:

— Приеду, как только смогу.

— Что случилось, дорогая? — спрашивает ЛуЭнн.

Повесив трубку, я спокойно выхожу за дверь, хотя мой разум мчится и, кажется, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Забавно, что весь твой мир — тот, который ты знала и чувствовала — может быть уничтожен всего несколькими словами. Я не уверена, действую ли импульсивно или по обязательству, но я знаю, что должна это сделать.

— Мне нужно взять несколько дней отпуска, — говорю я ей, когда мы останавливаемся на тротуаре перед закуской. — Моя мама умирает. Я должна ехать домой.

Глава 3

Кади

Меня удивило количество пассажиров на автобусной остановке в такую рань. Почему так много людей должны уехать из Далласа в Хьюстон в четыре часа утра в среду?

Однако независимо от причины я рада, что никто не кажется супер болтливым.

Полагаю, это бонус путешествия в столь неурочное время и, к счастью, все так же, как я, выглядят ходячими зомби.

Я надеюсь поспать в автобусе, но сомневаюсь, что это произойдет. Уснуть вчера вечером я не смогла, так как мозг еще не успел переварить разговор с отцом. Слишком многое ему нужно было обдумать.

Выяснить, что мать, которую я не видела и с которой не общалась много лет, умирает от рака, а отец, с которым я разговариваю раз в несколько недель, заботится о ней, скрывая это от меня четыре месяца, слишком много, чтобы проглотить.

Думаю, отец боялся, что я буду злиться на него за скрытность, но я его не виню, это просто... странно.

В последний раз я видела их обоих вместе в тот день, когда мама ушла от нас с небольшим чемоданом в руках.

Она оставила гормональную девочку-подростка на воспитание отца, который был беспомощен и едва мог позаботиться о себе. Мы никогда ничего не слышали о ней, кроме случайных телефонных звонков с объявлением о том, что она выходит замуж за очередного кавалера.

До сих пор.

Только полное отчаяние могло натолкнуть ее на мысль обратиться к отцу за помощью.

Я всегда подозревала, что отец так никогда и не разлюбил ее, и мать, должно быть, знала это. Он больше ни с кем не встречался после того, как она ушла. Все его дни проходили за работой в гараже. Буквально. Поэтому я не сильно удивлена, что он согласился заботиться о ней.

Он всегда был деликатен, когда дело касалось мамы, и мне грустно знать, что он теряет ее снова и снова.

Поскольку я сама теряю маму второй раз, я не уверена, что чувствую. Я была без нее так долго. И честно говоря, никогда не чувствовала, что она *есть* у меня, даже когда она жила с нами.

Мне, наконец, удастся задремать на несколько минут до того, как автобус подъезжает к станции, и я вскакиваю, когда водитель ударяет по тормозам. Это похоже на массовое переселение, так как каждый сражается за место в центральном проходе. Я хватаю свою сумку и пристраиваюсь за пожилым человеком, который сидел рядом со мной.

Когда я выхожу из автобуса, сразу вспоминаю еще одну причину, почему покинула это место. Долбаная влажность. С ума сойти, как всего четыре часа южнее могут существенно изменить климат, но поверьте, это так. Не требуется много времени, чтобы капельки пота собрались у меня на лбу, и я уверена, что если задержусь здесь, то буду выглядеть как утопленная крыса с вьющимися волосами.

Затеняя рукой глаза от утреннего солнца, я выглядываю своего отца, и когда, наконец, замечаю его, он машет мне. Ностальгия, любовь и намек на вину сплетаются в водоворот внутри меня. Он стоит у своей машины, и мои глаза наполняются слезами, когда я вхожу в его объятия.

— Кади, я так рад тебя видеть. Спасибо, что приехала домой, — говорит он печальным шепотом.

— Привет, папа. Я тоже рада тебя видеть.

Он берет мою сумку и кладет на заднее сидение своего грузовика. Мы примерно в тридцати минутах езды от моего родного города, и я знаю, что нам есть, что сказать друг

другу, но когда мы выходим из автовокзала, я пользуюсь моментом, чтобы посмотреть на своего отца.

Он выглядит так же — более или менее — но есть некоторые различия. Морщины более выражены, в волосах прибавилось седины, но не это ранит мое сердце больше всего. Он полностью измотан. Да, отец работал шесть дней в неделю последние двадцать пять лет, но дело не только в этом. Он слишком худой, слишком хрупкий и кажется значительно постарел с того дня, когда я видела его в последний раз. Должно быть, он делает все возможное, чтобы позаботиться о моей матери, игнорируя собственные потребности.

От этого мне грустно, и я злюсь.

Грустно, потому что он так сильно заботится о ком-то, кто не заслуживает этого, а сержусь я потому, что хочу лучшего для него.

— Как тебе живется в Далласе? — спрашивает отец.

Я пожимаю плечами, не желая распространяться о своих делах.

Кроме того, он знает, что я все еще работаю в закусочной, что тут еще сказать?

Наши телефонные разговоры весьма поверхностны, потому что мне никогда не было комфортно делиться с ним чем-то более глубоким. У нас просто никогда не было настолько близких отношений.

— Как обычно, — отвечаю я.

Он понимающе кивает головой и продолжает вести машину. Мой отец — человек немногословный, но могу сказать, что тишина между нами заставляет его нервничать. Он пытается отложить разговор о моей матери.

— Как она? — Мне нужно оторвать пластырь и признать слона в машине.

— Умирает. — Прямо, грубо и печально. В нем никогда не было много притворства, но могу сказать, что он рад покончить с этим.

— Сколько у нее времени?

— Несколько дней... неделя максимум, — говорит он с тяжелым вздохом. — Вот почему я

позвонил тебе. Она не знает. Она не хотела, чтобы ты знала, но я не мог с тобой так поступить. Ты, как никто другой, имеешь право попроситься к ней. Она должна тебе так много.

Так всегда было между нами. Он знает, какая она мать, и, думаю, ненавидит ее за это, но он так же помнит женщину, в которую влюбился и которая украла его сердце, и не может отпустить эту часть.

— Почему она пришла к тебе? — Я ненавижу то чувство, которое всколыхнул во мне этот вопрос, но в то же время меня бесит, что она поставила отца в такое положение. Она так долго обходилась без нас. Зачем вернулась домой сейчас?

— Ей больше некуда было пойти. Она развелась со своим последним мужем и кочевала с места на место. Невозможно так жить, когда ты не можешь позаботиться даже о себе.

Я вздыхаю, понимая, почему отец так поступил, но все равно мне это не нравится.

Потирая свою грудь, я пытаюсь избавиться от боли.

— Мне кажется, она ждет тебя, — говорит он почти шепотом. — Я знаю, она сказала, что не хочет, чтобы ты приезжала, но думаю, именно это удерживает ее здесь.

Я замерла на пассажирском сиденье, не в состоянии говорить. Я боюсь, что если сделаю это, то буду плакать, а я не хочу плакать.

— Не ожидай слишком много, когда мы доберемся до дома. Она была не в себе

последние два дня.

— Ладно, — говорю я, сглатывая комок в горле. Слезы, скопившиеся в уголках глаз, угрожают скатиться. Я не знаю, кто является их причиной — она, он, я... все мы.

— Я привез ее домой из больницы на прошлой неделе. Думал уже тогда позвонить тебе. Прости, что не сделал этого.

— Все нормально.

— Нет, это не так, — говорит отец сердито, его слова пропитаны усталостью и многолетней горечью. — Я не должен был позволять ей командовать. Я просто не знал, что делать. Она появилась из ниоткуда и выглядела так, будто смерть уже стучится в ее дверь. Я...

— Папа, все в порядке, — я останавливаю его, потому что все действительно в порядке. Я не знаю почему, но это так, и не хочу, чтобы он терзал себя. Потянувшись, я кладу руки поверх его и сжимаю сухую кожу.

Следующие двадцать пять минут мы едем в тишине, пока не раздастся хруст гравия под колесами старого грузовика. Я замечаю серый автомобиль на дороге, но папа отвечает даже прежде, чем я спрашиваю.

— Хоспис, — говорит он. — Они приезжают два раза в день. Я убедился, что они останутся, пока я съезжу забрать тебя.

Я только киваю головой и прочищаю горло, когда выхожу из машины, нервы наводняют мое тело.

~tsnqslnte~v|bdnny©~

Я уже переживала смерть. Брат моего лучшего друга погиб в автокатастрофе, когда мне было четырнадцать. На следующий год от сердечного приступа скончался единственный брат моего отца.

Я также потеряла оба комплекта бабушек и дедушек и двух собак. Но не думаю, что мы когда-либо будем готовы к ней, даже когда это происходит прямо перед нами, с матерью, которую не видела уже десять лет.

Она не знает, что я плакала перед сном в течение недели после ее ухода.

Она не знает, что через месяц у меня начались месячные, и я использовала два рулона туалетной бумаги, прежде чем набралась достаточно смелости, чтобы попросить папу отвезти меня в магазин.

Она не знает, что я ждала, пока мне исполнится семнадцать, чтобы поцеловать мальчика.

Или что я потеряла девственность через две недели после этого.

Она ничего не знает обо мне.

Я не уверена, может ли она слышать меня, но теперь, когда у меня есть ее безраздельное внимание, я расскажу ей все, что она пропустила. Она заслуживает знать. И я заслуживаю шанса сказать ей.

Я сижу у ее кровати до захода солнца.

В конце концов, мой папа заходит в маленькую спальню, которая когда-то была моей, и говорит, что сделал несколько бутербродов и что я должна поесть.

Глава 4

Нейтан

Прошло всего два дня, как я отправил в закусную пакет для Кади. Знаю, это небольшой срок, особенно для нее, чтобы подумать о содержании и принять решение, но все

же я ожидал услышать ее. Или, может быть, просто надеялся.

Не то чтобы я думал, что пакет мог изменить ее мнение обо мне или о нас.

Опять же, возможно, я просто надеялся.

— Что так отвлекает тебя сегодня вечером? — спрашивает моя мать, положив свою вилку и вытирая рот льняной салфеткой.

Мы в ее любимом ресторане в центре города, ужинаем как обычно в среду вечером. На этой неделе отец снова вернулся в Нью-Йорк, поэтому мы вдвоем, и я ужасная компания для нее сегодня.

— Извини, — говорю я ей, делая глоток столь необходимого напитка. Я хотел бы выпить что-то более сильное, но мама не одобряет крепкие напитки за ужином. — Работа, как обычно.

— Конечно. Особенно, когда отца нет в офисе.

— Верно, — я пытаюсь улыбнуться ей в ответ, но сомневаюсь, что это выглядит очень искренне.

Мама вздыхает, складывает салфетку, и кладет ее на колени.

— Ты все еще одержим этой девушкой, не так ли?

— У девушки есть имя, мама. И она не девушка... не *какая-то* девушка. Она взрослая женщина, и ее зовут Кади. Ты можешь это сказать. Это нормально.

Я резок. Знаю. Но я действительно устал, что все относится к Кади и к нашим отношениям, как к чему-то несерьезному. Я не в школе и даже не в колледже, если на то пошло. И Кади — не этап или проект. Разочарование из-за невозможности убедить в этом окружающих заставляет меня чувствовать себя тлеющим фитилем, готовым взорваться.

— Может быть, тебе следует поговорить с ней, — говорит она примирительным тоном. — Может быть, тебе нужно быть более напористым. Я просто ненавижу видеть тебя таким расстроенным. Это неразумно и непродуктивно.

Я не отвечаю, потому что боюсь, что в противном случае мне придется неделями извиняться за то, что хочу сказать.

— Ты говорил с ней после вечеринки?

— Нет.

— Ну, ты находчивый человек. Уверена, ты знаешь, как связаться с ней. К тому же она все еще работает в закусочной. Ты мог бы навестить ее там.

— Я больше туда не хожу.

— Но ты мог бы. Это общественное место, Нейтан. Просто потому, что ты не встречаешься с официанткой... Кади, — исправляется она, и уверен, что помогает ей в том выражение моего лица. — Ты все еще можешь пойти туда.

— Я даю ей пространство. Она не может не работать там, но я могу не ходить туда, чтобы все не усложнять.

— Всегда думаешь о других, — говорит она с натянутой улыбкой. — Я всегда восхищалась этим.

— Поверь мне, — я бросаю свою салфетку, от чего глаза мамы лезут на лоб от удивления. — Дело больше во мне, чем в ней. Я не могу перестать думать о ней. Она не из тех, кого я собираюсь исправить или проект, который я брошу по завершению. Она намного больше, чем это. Даже если мы никогда больше не будем вместе, часть меня всегда будет принадлежать ей.

— Хорошо, Нейтан, — говорит она, понизив голос почти до шепота. — Хорошо.

— Я хочу, чтобы ты поняла мои чувства к ней. Это важно для меня.

Она тянется через стол и накрывает мою руку.

— Если это важно для тебя, то и для меня тоже. *Она* важна для меня.

— Спасибо.

Не знаю, почему, но мне очень нужно было это услышать. Хотя мне тридцать лет, мне нужно было услышать, что кто-то на моей стороне.

Всем необходимо чувствовать поддержку.

Особенно Кади.

Это дает мне новый повод для разговора с ней, хотя бы для того, чтобы сказать ей, что я понимаю и что я здесь для нее, в любом качестве, в каком она позволит мне.

~tronslntc~v|ndnny©~

Когда я иду в закусочную, кажется, что мое сердце застряло в горле. Я пытаюсь сделать глубокий вдох и мысленно пнуть себя под зад.

Что самое худшее, что может произойти?

Она откажется принести мне кусочек ее аппетитного пирога?

Это на самом деле самое худшее, что может случиться. Не уверен, что смогу выдержать еще один отказ от Кади. Конечно, я привык к отказам в моей профессиональной жизни.

Не всегда заседание совета директоров или приобретение недвижимости может пройти в мою пользу. Я привык проигрывать битвы и принимать отказы. И мне определенно отказывали в личной жизни. Но отказ Кади причиняет боль. Раны глубоки и все еще кровоточат. Сегодняшний отказ только добавит соли.

Мысль, что она больше никогда не будет частью моей жизни, не дает покоя. За пару месяцев, которые я знал ее, она успела проникнуть в каждую клеточку моего существа.

Стоя на своей кухне, я думаю о первой ночи, которую она провела в моей квартире, а сидя за рулем своей машины — о поездке домой и на свидания. Идя по улице, я всегда ищу ее глазами на всякий случай, надеясь на призрачный шанс, что она идет по тому же тротуару.

И конечно, я никак не могу выкинуть ее из моей головы, когда лежу в постели. Потому что она повсюду: волосы, рассыпанные по подушке, тело, извивающееся от удовольствия на моих простынях, она в моей футболке и штанах, наше пробуждение утром в обнимку.

После ухода Кади я еще несколько дней мог чувствовать ее запах. Но теперь уже нет. Иногда мне кажется, что я улавливаю ее аромат, и мир соскальзывает на своей оси, пока я пытаюсь удержать его, но это фантом.

Она ушла.

— Ты так и будешь стоять там, блокируя движение? — спрашивает знакомый голос, и тогда я понимаю, что все еще стою у двери, застыв на месте.

— Твой обычный столик? — интересуется ЛуЭнн, и я сразу же начинаю сканировать комнату.

— Эмм, да, это было бы здорово, — я пытаюсь казаться нормальным и хотя бы вполтину не таким нервным, как себя чувствую.

— Кофе? — спрашивает она, провожая меня к моему столику.

— Да, пожалуйста.

Я проскальзываю в кабинку и возвращаюсь к осмотру закусочной. Все вроде бы на месте.

Я даже признаю людей, сидящих за столом справа от меня.

Они здесь каждое утро в то же время. Раньше это было и моим обычным временем.

И я вижу на кухне Мака, выполняющего заказы.

Другая официантка, на которую всегда жаловалась Кади, приносит заказ на соседний столик.

Единственное, что неуместно — это новая девушка, которую я не узнаю.

И отсутствие Кади.

Она все еще не выходит из кухни.

Когда ЛуЭнн подходит с кофейником и чашкой к моему столу, мое сердце падает в желудок.

— Держи, милый.

— Спасибо.

— Мне жаль сообщить, что сегодня утром у нас нет пирога.

— Что?

Она смеется, и если не ошибаюсь, немного нервно.

— Да, пирога нет.

— Почему? — я уверен, что звучу требовательно и отчаянно, но ничего не могу с собой поделать.

— Ее здесь нет, — говорит она медленно и низко, как будто утешает поранившегося ребенка.

Мое сердце, которое рухнуло в желудок, теперь валяется у моих ног.

— Почему?

ЛуЭнн делает глубокий вздох и сканирует закусочную в поисках не знаю чего. Она чешет голову карандашом, а затем засовывает его в пучок на затылке. Опираясь на стол, она понижает свой голос до шепота.

— Ее мать умирает. Я не должна говорить тебе, но я знаю, что ты пришел, чтобы увидеть ее. И если бы она была здесь, я думаю, она хотела бы тебя увидеть. Поэтому сейчас я прислушаюсь к своему инстинкту и в любом случае все тебе расскажу. — Ее слова прерывистые и торопливые. — Слушай, я видела вас вместе, и ты был добр к ней. Кади испугалась. Но разве можно ее винить? Она не знает, что делать с таким парнем, как ты. Ты был как фантазия, и она боялась, что ты разобьешь ей сердце.

Она продолжает болтать, но я не останавливаю ее, потому что она говорит о Кади и свободно дает мне информацию, за которую я бы дорого заплатил.

— Поэтому, конечно, Кади убежала. Она до сих пор убегает. Ну, не домой. Она села в автобус, идущий туда. Но она все еще бежит от своего чувства к тебе. Так что, я думаю, ты еще не опоздал. Если хочешь доказать, что ты больше, чем просто хорош в постели, и это не какой-то чертов проект, о котором она говорила, то, я думаю, у тебя есть шанс.

— Проект? — с каждым упоминанием я ненавижу это слово все больше и больше. — Она тебе тоже это сказала?

— Да, что-то про бывшую девушку, поведавшую ей о тебе и о проектах, которые ты бросаешь после завершения. Она не хотела оставаться и проверить правда ли это.

— Кади никогда не была проектом, — бормочу я, вцепившись в салфетку, чтобы не пробить стол кулаком.

— Я-то это знаю, но тебе придется потрудиться, чтобы убедить Кади. Она упрямая. Она должна быть такой, потому что те немногие люди, которых эта девушка впустила в свою жизнь, стали полным разочарованием. Из-за этого она может быть крепким орешком.

— Что значит — ее мать умирает? — Вот что меня больше всего волнует на данный момент. Я знаю, что все остальное, сказанное ЛуЭнн, правда. О Кади и ее прошлом. Но мне нужно знать о ее матери.

— Кади придется сказать тебе об этом. Все, что я знаю — она взяла выходные.

Я вздыхаю, зная, что должен быть благодарен за информацию, которую ЛуЭнн дала мне, и не испытывать судьбу.

— Спасибо, ЛуЭнн.

Она улыбается, выпрямляется и приглаживает волосы. Я замечаю, что легкий оттенок розового появляется на ее щеках, когда она прочищает горло.

— Я действительно сказала слишком много. Это не мое дело, но Кади — моя девочка, и я хочу только лучшего для нее.

— Я очень тебе благодарен, правда.

Я до сих пор не рад, что Кади уехала, но это такое облегчение — знать, что ее отсутствие не имеет ничего общего со мной.

— Не за что. Но могли бы мы сохранить это разговор между нами?

— Конечно.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет.

Нужно. Мне нужна Кади. Но поговорить с ЛуЭнн — вернее, послушать ЛуЭнн — было бы более чем полезно.

Это дает мне надежду.

Надежду на то, что у нас с Кади еще есть шанс быть вместе.

После ухода ЛуЭнн я оставляю хорошие чаевые рядом с недопитой чашкой кофе, выхожу из закуской и иду вниз по тротуару, на ходу доставая свой телефон.

Мои пальцы не могут набрать номер Кади достаточно быстро. До сегодняшнего дня я думал, что звонить ей бесполезно, но теперь не могу себя остановить. Мне нужно знать, что с ней все хорошо, и поскольку я не могу увидеть ее сейчас, услышать ее голос будет отличной альтернативой.

Телефон звонит с полдюжины раз или больше, а затем автоматический голос сообщает мне, что у человека, которого я пытаюсь вызвать, нет голосовой почты. Конечно, у нее нет. Мы говорим о Кади. У нее даже не было телефона, пока я не дал ей тот, на который сейчас звоню.

Что, если она оставила его в своей квартире?

Что, если она его выбросила после того, как оставила меня в гостинице?

Разочарованно застонав, я подумываю о том, чтобы бросить свой собственный телефон, но быстро беру себя в руки и засовываю его обратно в карман костюма.

— Не заставляй меня ездить по всему Техасу в поисках тебя, Каданс Девис, потому что я это сделаю.

— Простите, сэр? — спрашивает швейцар в моем доме, держа дверь открытой для меня.

— Ничего, Джордж. Просто разговариваю сам с собой.

Он улыбается, прищурившись.

— Я делаю так все время.

Похлопав его по плечу, я прохожу мимо.

— Это признак гениальности. Не позволяйте никому думать иначе.

Глава 5

Кади

— Ты сидишь в этом кресле с тех пор, как приехала сюда вчера, — говорит папа, прислонившись к двери спальни.

— Знаю.

— Тебе не кажется, что ты должна поспать или отдохнуть? Прислушайся к тому, кто знает, о чем говорит. Слишком много времени взаперти в этой комнате, и ты начинаешь чувствовать, что тоже умираешь.

Я смотрю на него, снова впитывая его внешность — выраженные морщины, лишние седые волосы — и удивляюсь, как много всего произошло за последние четыре месяца.

— Я в порядке, — говорю ему, обернувшись к постели, где без сознания лежит моя мать.

Прошлой ночью она шевельнула рукой несколько раз, как будто была возбуждена, но глаз не открыла. А рано утром застонала. Я подумала, что ей может быть больно, но через несколько секунд она остановилась. И она выглядит старой, очень-очень старой. В последний раз, когда я видела ее, она была полна жизни, цвет волос такой же, как у меня, и кожа была гладкой...

Одна из вещей, которые я больше всего помню о матери — ее глаза. Они всегда были добры, даже когда ее поступки и слова были противоположными. Не знаю, как они выглядят сейчас, но я бы хотела увидеть их в последний раз, даже если только ради моей памяти.

— У меня есть кое-что, о чем я хочу поговорить с тобой, — зовет отец через плечо, когда идет обратно по коридору.

Посмотрев на мать, я встаю из кресла, потягиваясь, и разминаю тело, чтобы заставить себя идти.

Я действительно долго сидела.

Я не привыкла к этому. Мне привычнее ходить все время, днем и ночью. Обычно я могу присесть, только когда прихожу на ночь домой и иногда, когда мы с ЛуЭнн садимся за поздний обед. Все остальное время я ем стоя.

Это всегда беспокоило Нейтана. Он спрашивал меня, сажусь ли я когда-нибудь во время приема пищи. Я убеждена, что именно поэтому он начал приглашать меня на ужин.

Я скучаю по Нейтану.

Возможно, даже больше, чем день назад.

Что-то в том, что я нахожусь здесь — в доме, где выросла, и в городе, где жила без матери, бросившей меня и отца, который не знал, что делать со своей жизнью после ее ухода — заставляет меня больше скучать по нему.

Я скучаю по ощущению его рядом со мной. Я даже скучаю по тому, как он командует мной. Я скучаю по его беспокойству о том, ужинала я или нет. Я скучаю по тому, как он делает мне бекон. Мне не хватает его рук, его объятий.

Ночью я особенно скучаю по знакомому стуку его сердцебиения, пока он спал. Я лежала с открытыми глазами и часами слушала его. Это было время, когда я могла беспрепятственно смотреть на него. Мне не нужна была причина. Я могла просто впитывать его вместе с его силой, уверенностью и добротой. Это было опьяняюще. Он был как наркотик, но не плохой наркотик, а тот, который заставляет чувствовать себя лучше.

— Присаживайся, — говорит папа, глядя на меня со своего места за кухонным столом.

Я проскальзываю на стул, где всегда сидела, когда мы вместе обедали.

Потянувшись, он хватается со столешницы коробку из-под обуви и кладет ее между нами

на стол.

— Твоя мать, — начинает он, но замолкает. — Она любит тебя. Я знаю, в это трудно поверить. Но она любит.

Я не реагирую. Только смотрю на него, размышляя, к чему он ведет.

Прокашлявшись, он продолжает.

— Она не хотела иметь детей. Когда она была моложе, то делала некоторые плохие вещи и всегда говорила, что не хочет приносить ребенка в этот мир. Когда мы забеременели тобой, я думал, что она передумает, — на мгновение он замолкает, и я вижу, как он сортирует свои воспоминания, решая, какими хочет поделиться со мной. — Она сдерживалась какое-то время, но я знал, что она все еще боится. Всегда боялась, что все испортит, облажается с тобой.

Я почти смеюсь над этим, но мне удается сдержаться.

— И она сделала это, — продолжает он, его глаза прикованы к стене напротив. — Но сделала на своих собственных условиях.

Мы сидим в тишине несколько минут. Я чувствую, что должна что-то сказать, но мне нечего сказать по этому поводу. Он знает, что я чувствую. Нет смысла ворошить старое.

— Я всегда думал, она поймет, что оставила позади, и вернется, — признается он.

Я всегда знала, что отец это чувствовал, поэтому заканчиваю за него:

— Но она этого не сделала.

— Нет, не сделала. И я не могу придумать оправдания для нее. Но я просто хочу, чтобы ты знала, она любит тебя по-своему.

Я киваю головой. По-своему. Не как настоящая мама, а как умеет.

Я это понимаю. Наверно.

— И у нее есть это, — говорит он, вынимая старый конверт. — Это полис страхования жизни. Здесь не много, но как только она умрет, он станет твоим.

— Что?!

Не могу подобрать слов.

— Полис страхования жизни. На пятьдесят тысяч. Не много, но я подумал, ты могла бы закончить начатое обучение или все, что хочешь — купить дом, начать новую жизнь, — он толкает конверт ко мне. — Это твое. Она купила его несколько лет назад.

Я смотрю на конверт, пытаюсь примириться с его словами. Моя мать никогда ничего не делала для меня кроме того, что дала мне жизнь. Поэтому тот факт, что она сделала что-то подобное, не имеет смысла.

— Она любит тебя.

Ножки стула царапают по кухонному полу, заставляя меня посмотреть вверх. Поведение отца кажется более легким, чем когда мы начали разговор. Наверно, он хотел сказать мне это уже какое-то время.

— Подыши свежим воздухом. Я посижу с ней.

— Мне жаль, что ты делал это в одиночку, — говорю я его удаляющейся фигуре. — И я не только про заботу о ней. Я имею в виду всё.

— Я знаю, что не был хорошей заменой матери. Черт, я не был хорошим отцом, но сделал все, что мог.

— Понимаю.

Я выхожу, чтобы положить конверт в мою сумку у входной двери, и вижу другой конверт, который был там с тех пор, как я покинула Даллас — две вещи, которые мне

придется признать и решить, что с ними делать.

Но в данный момент мне просто нужно немного свежего тexasского воздуха, чтобы очистить голову.

~trnqslpte~v|ndny©~

Один день превращается в два, затем в три, а мама, кажется, остается такой же — бессознательной и невосприимчивой. Однако, по словам медсестры, ее показатели медленно снижаются. Я знаю, что она права. Я сижу здесь достаточно долго, чтобы заметить небольшие изменения. Я слышу это в ее хрипящем дыхании. Оно поверхностное и почти несуществующее.

Я рада, что я здесь для своего отца. Я хочу быть здесь для него, чтобы ему не пришлось проходить через это в одиночку. Я ненавижу, что он переживал это один последние четыре месяца. За те несколько дней, живя здесь, я видела в нем небольшое улучшение. По крайней мере, он кажется более спокойным.

Мы сменяем друг друга у ее постели, а иногда сидим здесь вместе. Странно быть втроем в одной комнате. Мы не были вместе так долго.

Ни я, ни мой отец не говорим много, но все равно в компании приятнее.

~trnqslpte~v|ndny©~

Сейчас немного после полуночи, и я должна спать или, по крайней мере, попытаться, но не могу. Сон ускользает от меня большую часть времени, пока я здесь. Кажется, я смогла поспать несколько часов днем, свернувшись калачиком в кресле на крыльце.

Мои мысли, когда не заняты умирающей матерью или скорбящим отцом, заняты Нейтаном. Я несколько раз собиралась открыть его пакет, но что-то всегда меня останавливает. Это может показаться странным, но держать конверт у себя — это как иметь кусочек Нейтана рядом. Пока его содержимое остается загадкой, мне есть о чем думать, когда все остальное становится слишком удручающим.

Но я бы хотела поговорить с ним. Прошлой ночью я была почти в отчаянии, вспомнив, что телефон, который он мне купил, все еще лежит на дне моей сумки.

Однако когда я его вытащила, он был разряжен. К тому времени, как я нашла зарядное устройство и подключила его, мое отчаяние и храбрость испарились. Голос в моей голове, говорящий, что «Нейтан не настоящий», взял верх, и я оставила телефон заряжаться на кухонном столе. Больше я не смотрела на него.

— Каданс, — голос, похожий на мамин, но хриплый и грубый, вырывает меня из моих мыслей. Мое сердце бешено колотится, когда я смотрю на кровать, где мама все еще лежит с закрытыми глазами, руки вытянуты по бокам, никаких изменений в положении.

— Мама? — спрашиваю я. Не уверена, надеюсь ли услышать что-нибудь, но я хватаю ее за руку и жду.

Она облизывает пересохшие губы, и я вспоминаю, как медсестра говорила об использовании влажной ткани, чтобы дать ей немного влаги, если она попросит. Я хватаю чистую тряпку и опускаю ее в стакан с водой у кровати.

Потянувшись, я промокаю влажной тканью ее губы, и она издает мягкий, но едва слышный стон.

— Мама? — еще раз спрашиваю я, поместив полотенце обратно на тумбочку и взяв ее руку в свою.

Может, мне снится все это. Возможно, меня догнало отсутствие сна и у меня галлюцинации, но я уверена, что чувствую, как она сжимает мою руку. Поэтому я держу ее

за ладонь и пристально наблюдаю за ней, считая секунды между каждым поднятием и опаданием груди.

Когда секунды увеличиваются с каждым проходящим дыханием, я паникую и кричу своему отцу.

Я не хочу быть одна. Я не хочу быть единственным человеком, который стал свидетелем ее последнего вдоха. Я никогда не чувствовала, что мне нужен отец, больше, чем в этот момент.

— Папа! — опять ору я, хотя слышу его шаги по деревянному полу коридора, но мне нужно, чтобы он поспешил.

Он заходит в комнату и подходит к кровати, поставив два пальца на запястье, считая секунды на своих часах.

Я не знаю, сколько времени проходит. Это похоже на вечность, но на самом деле нет, потому что папа, в конце концов, смотрит на настенные часы в крохотной спальне и говорит:

— Час четырнадцать.

Она ушла.

На мгновение мы оба замираем на месте. Он держит ее запястье в своей руке, а я держу ее другую руку в своей.

Для нас обеих она ушла уже давно. Но теперь она никогда не вернется.

В итоге отец откашливается и вытирает глаза.

— Мне нужно позвонить в хоспис.

— Что я могу сделать? — я вдруг чувствую себя абсолютно бесполезной. Я приехала сюда, чтобы увидеть ее, а теперь она умерла, и я не знаю, что мне делать.

— Ты можешь достать ее платье? — спрашивает он, останавливаясь у двери, но так и не поворачивается ко мне лицом. — Ее кремируют, но я думаю, она хотела бы быть в платье, когда ее повезут в похоронное бюро.

— Ладно, — я впервые слышу о кремировании. Мы не много говорили о ее последней воле.

Я думаю, похороны были бы немного странными, учитывая, что она уехала из этого города десять лет назад, и большая часть ее семьи либо мертва, либо разъехалась.

— Ее чемодан в шкафу. Ты найдешь там что-нибудь.

— Ладно, — это, кажется, единственное слово, которое я могу произнести прямо сейчас.

После того, как он уходит, я, наконец, отпускаю ее руку и кладу на грудь.

Она по-прежнему выглядит так же. Разница только в том, что в комнате совершенно бесшумно — нет прерывистого дыхания — лишь тиканье часов на стене, и мой отец в фоновом режиме тихо разговаривает по телефону.

Нужно что-то сделать, кроме как стоять там, и я, наконец, иду к шкафу и открываю дверцы. Внутри ее небольшой чемодан вместе с моей шляпой и мантией с окончания средней школы. Кроме этого шкаф совершенно пуст.

Странно, что там только две вещи — то, что я оставила позади и то, что она привезла с собой. Сейчас моя грудь болит не за меня или за мою мать, а за него — моего отца. На мгновение я задаюсь вопросом, что он должен чувствовать, когда два человека, которых он любит, всегда уходят.

И это заставляет меня задуматься о Нейтане. Я не знаю, любит ли он меня, но мне

интересно, было ли ему больно, когда я ушла. Мне было больно.

Мой разум не позволяет мне игнорировать сходство между мной и матерью. Но я не хочу быть похожей на нее. Я не хочу убегать от вещей, которые пугают меня. Я смелее этого... смелее, чем она.

Открыв чемодан, я обнаруживаю синее платье в цветочек, сложенное сверху, и оно напоминает мне об одном, которое она носила, когда я была маленькой, поэтому я не буду рыться дальше. Я беру его, застегиваю чемодан и ставлю обратно в шкаф.

Глава 6

Нейтан

— В пять у вас встреча с «Фландерс Корпорейшн» в главном конференц-зале, — сообщает мне Нэнси по внутренней связи.

— Спасибо.

Я ждал этой встречи с Фландерс несколько месяцев.

У них есть то, что я хочу. Здание, фактически целый квартал зданий.

Надеюсь, что переговоры пройдут быстро и легко. Я знаю, мистер Фландерс не заинтересован в этой недвижимости. Он не инвестировал в нее деньги более пяти лет. Но как только люди понимают, что вы хотите то, что принадлежит им, это, кажется, в одночасье повышает стоимость.

Недостатком встреч с мистером Фландерсом является то, что он часто привозит свою дочь в надежде научить ее всем тонкостям. Его дочь никто иная, как Саманта Фландерс — бывшая девушка, саботировавшая мои отношения с Кади, и разрушительница всей моей жизни.

К счастью, я не видел ее с благотворительного вечера. Находиться с ней в одной комнате сегодня может быть проблемой. Нет, это *будет* проблемой. Я уже дал себе напутствие и напомнил, насколько важна эта сделка. Неважно, как сильно я хочу задушить ее за то, что она сказала Кади в ту ночь, я не могу позволить себе такой промах. Я должен держать свой имидж профессионала.

Проходя по коридору в сторону конференц-зала, я слышу пронзительный смех Саманты, доносящийся из открытой двери.

Я надеялся, что сегодня она не приедет на встречу, но, видимо, я не настолько удачлив.

Поправив галстук и пиджак, надеваю свою рабочую улыбку и захожу в комнату.

— Нейтан, — говорит Саманта, вставая со стула рядом с отцом. — Так приятно тебя видеть.

Она подходит и встречает меня на полпути, наклоняясь поцеловать сначала одну щеку, затем другую.

— Саманта, — говорю я жестко, быстро передвигаясь к ее отцу, который предлагает мне руку — гораздо более подходящее моему стилю приветствие.

— Мистер Фландерс.

— Нейтан, рад тебя видеть. Полагаю, твоего отца сегодня нет в городе.

— Нет, сэр. Будем только мы вдвоем.

— Мы должны делать это за напитками, — вставляет Саманта, ее лицо сияет надеждой. — Это лучше, чем в душном конференц-зале. Я слышала, есть отличное небольшое место всего в нескольких кварталах отсюда.

— У меня сегодня довольно плотный график, поэтому я попросил о встрече здесь, — говорю я ей, все еще пытаюсь удержать улыбку на месте, но это становится болезненным.

Она в моем конференц-зале, и здесь команду я.

Я вижу изменения в ее поведении — Саманта поднимает брови, затем передергивает плечами и слегка наклоняет голову. Она ненавидит, когда ей отказывают в любом виде. У нас обоих всегда было это общее качество, поэтому, наверное, наши глупые отношения длились так долго. Никто из нас не хотел выбрасывать белый флаг. Я всегда знал, что будет битва. Когда я, наконец, разорвал отношения, она уже встречалась с кем-то на стороне и знала, что я в курсе. На удивление, все закончилось вполне мирно. Нам удалось остаться друзьями, по крайней мере, в деловом смысле.

До Гала.

Пока она не вложила страх и недоверие в Кади.

Теперь все сделки прекращены.

— Ну, тогда начнем? — спрашивает мистер Фландерс, для которого всегда на первом месте бизнес. Его дочь могла бы кое-чему научиться в этом плане. Для нее всегда было важно сначала выпить вина и пообедать, а потом закрыть сделку.

— Да, я полагаю, у вас есть то, что я хочу, — говорю я ему с небольшой улыбкой.

— А ты всегда получаешь то, что хочешь, — добавляет Саманта. — Не так ли?

— Мне нравится так думать. Это то, что делает хороший бизнесмен. Разве вы не согласны, мистер Фландерс? — я обращаюсь к отцу, потому что Саманта не лучший выбор, а мне нужно следить за главным призом.

— Думаю, да. Мы не сможем победить всех, но должны идти в каждый бой, думая, что сделаем это.

— Притворяйся, пока это не станет правдой, — я повторяю слова, которые слышал от моего отца, когда закончил колледж и начал работать на него.

— Правильно, сынок, — мистер Фландерс хихикает, и разговор возвращается к делам.

В течение следующего часа мы обсуждаем цифры. Саманте становится скучно уже через десять минут, но она продолжает пытаться вмешиваться в разговор.

Это бесполезно. Ее отец командует столом, позволяя мне говорить, когда это необходимо.

В конце концов, мы согласовываем цифры, и сделка в значительной степени подписана, запечатана и доставлена.

— Как насчет ужина сегодня вечером? — спрашивает Саманта. — Я уверена, что мы можем уже сегодня составить документы и к вечеру быть готовыми закрыть сделку.

Я знаю, что она делает. Я видел ее в действии множество раз за эти годы, чтобы знать ее тактику, и это не сработает. Я не хочу иметь ничего общего с Самантой Фландерс, особенно в отношении ужина или иного некоммерческого предприятия.

— У меня планы на сегодняшней вечер, но если вы пришлете документы завтра, я их подпишу и отправлю обратно до конца недели.

Ее раннее возмущение возвращается, и я вижу, как поворачиваются колесики у нее в голове.

— Как Кенди? — спрашивает она с приторно — сладкой улыбкой.

Ее отец хлопочет над своим портфелем, игнорируя вопрос.

Зная его, мысленно он, вероятно, уже на следующей встрече или бизнес — операции.

— Ты имеешь в виду Каданс? — спрашиваю я.

— Да, Каданс. Мы так прекрасно поболтали на Гала. Не думаю, что когда-либо видела ее раньше. Где она работает?

По ее тону и выражению лица могу сказать, что она дразнит меня.

Честно говоря, я не могу слышать, как имя Кади вылетает из уст Саманты. Я хочу сказать ей, чтобы она забыла, что когда-либо слышала его, и никогда не произносила вновь.

Кади моя. Или была моей. И я не хочу делиться ею с кем-то вроде Саманты Фландерс.

— Кади тебя не касается, — я говорю приглушенным тоном, хотя уверен, что она поделится с отцом на обратном пути в офис. Честно говоря, мне плевать. — Я знаю, что ты сказала ей. Я знаю, в какую игру ты играешь. Мне кажется, ты забываешь, что я знаю тебя так же хорошо, как ты думаешь, знаешь меня. Поэтому, если бы я был тобой, я бы держал свой нос там, где должен — глубоко в заднице отца, а остальных оставил в покое.

Улыбка на моем лице совсем не похожа на ту, с которой я зашел сюда — она угрожающая, только посмей сказать хоть одно слово о Кади или поднять тему Гала еще раз.

Жужжание моего телефона в кармане спасает мой день, давая прекрасный повод, чтобы уйти.

— Мистер Фландерс, — я пожимаю ему руку. — Было приятно, как всегда.

— Нейтан, — говорит он в ответ, похлопывая меня по спине. — Я прослежу, чтобы договор был составлен сегодня.

— Я буду ждать его. Теперь, если вы извините меня, мне нужно перезвонить.

Перед тем как покинуть комнату, я резко киваю в сторону Саманты и выхожу за дверь.

Я чувствую ее взгляд на спине, пока возвращаюсь в свой кабинет, но не оборачиваюсь.

Сев за рабочий стол, делаю глубокий вдох и вытягиваю телефон из кармана, чтобы проверить пропущенный вызов.

Имя Кади на экране — последнее, что я ожидал увидеть, и мое сердце ускоряется.

Между взаимодействием с Самантой и пропущенным звонком от Кади я чувствую, что хочу швырнуть телефон в стену и наблюдать, как он разобьется на миллион частей.

— Блядь, — кричу я, отталкиваясь от стола, и открываю голосовую почту в надежде, что она оставила сообщение.

Что угодно.

Что-нибудь, чтобы дать мне знать, что это не случайность, и она действительно хотела позвонить мне... и, надеюсь, не сказать, что она ненавидит меня или не хочет больше со мной разговаривать. Со всем остальным я могу справиться.

Просто маленькая надежда, Кади. Это все, что я прошу.

Когда я вижу, что меня ждет тридцатисекундное сообщение, мое сердце больше не ускоряется, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Нажав на кнопку воспроизведения, я жду.

Услышав ее сладкий голос, хочу заползти внутрь моего телефона и добраться до нее. Я знаю, это звучит дико и глупо, но я без ума от нее и готов на все, чтобы быть с ней.

— Привет, Нейтан. Это я, Кади... Девис. Я просто звоню, чтобы ты знал, что моя мама умерла.

Мое сердце падает, и теперь я хочу обнять ее. Я просто хочу держать ее. Знаю, что не могу исправить это для нее, но я хочу быть рядом с ней.

— Я не знаю, зачем сообщая тебе это, но ты не покидаешь моих мыслей с тех пор... ну, с той ночи, когда я оставила тебя в гостинице. Я сожалею об этом. О том, как ушла. Мне жаль, что я испугалась и убежала. Я не знаю, что делаю или говорю. Я мало спала в последнее время. Но ты единственный человек, с которым я хочу поговорить. Поэтому я позвонила. И я увидела, что пропустила твой звонок, так что, технически, я тебе перезваниваю.

Она делает паузу, прежде чем продолжить. Но ее последние слова рвут меня изнутри.

— Ты знаешь, что такое потерять родителя, даже если он не был хорошим, поэтому я подумала, что ты поймешь. Я надеюсь, мы сможем быть хотя бы друзьями, когда я вернусь, потому что действительно скучаю по тебе.

Не раздумывая, я засовываю телефон обратно в карман своего пиджака и хватаю ключи с письменного стола.

— Нэнси, меня не будет до конца дня, — сообщаю я ей по дороге к лифту.

Лифт двигается недостаточно быстро, поэтому я выхожу и иду к лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, пока не добираюсь до гаража.

Запуская двигатель, я даже не знаю, куда ехать, но знаю общее направление, так что просто еду.

К Кади.

Мне нужно добраться до нее. Мне нужно помочь ей понять, что я на самом деле чувствую к ней.

Мне нужно быть рядом с ней. Мне нужно попасть в Хамбл, штат Техас.

~trɒŋs|ntɛ ~v|ɒdnɪŋ©~

Примерно в часе езды от Далласа я решаю остановиться, чтобы заправить Ягуар и сориентироваться, куда именно я направляюсь.

Стоя на заправке, я достаю свой телефон и открываю карту. Если не ошибаюсь, Хамбл примерно в четырех часах езды от города. Понятия не имею, куда идти, когда буду в городе, но уверен, что разберусь. Кади упоминала, что ее отец владеет автомастерской. Их не может быть слишком много. С этого начну.

А что потом?

Теперь, когда я остыл от общения с Сэм и того факта, что пропустил звонок Кади, моя голова прояснилась и вернулось рациональное мышление.

Мои инстинкты говорят мне, чтобы я нашел ее и вернул домой. Но реально я понимаю, что не могу этого сделать. Она скорбит, и я уверен, ее отец нуждается в ней, хотя не могу сказать, что я его поклонник из-за некоторых вещей, которые мне рассказала Кади о своем детстве. Хотя она никогда не упоминала, что он обижал ее, просто не очень хорошо заботился о ней.

Но он обеспечивал ее — это больше, чем я могу сказать о некоторых родителях.

И я знаю, что он звонит ей время от времени в закусочную, поэтому он должен заботиться о ее благополучии.

Очевидно, он заботится о ее матери.

Это подводит меня к следующей загадке: почему, черт возьми, мать не навещала Кади много лет, а теперь вернулась обратно в город, в котором та выросла?

Мне действительно нужно поговорить с Кади.

Набрав ее номер, я начинаю расхаживать возле машины.

После шести гудков я готов завершить вызов, когда робкое «привет» раздается на другом конце линии.

— Кади? — спрашиваю я, опираясь свободной рукой на колено для поддержки, пока жду, что она хоть что-нибудь скажет.

— Нейтан, — намек на облегчение в ее голосе — все, что мне нужно, чтобы выпустить дыхание, которое я сдерживал.

— Я так сожалею о твоей матери, — это первое, что приходит на ум. Вслед за «я

нуждаюсь в тебе, вернись домой» или еще лучше, *«оставайся там, где стоишь, я иду к тебе»*. Но я не говорю об этом. Я жду... ради нее.

— Спасибо, — ее ответ быстрый и отрывистый, отрепетированный. Мне не нравится это. Я привык к подлинной Кади, которая говорит, что приходит ей на ум, не думая слишком много об этом.

— Ты в порядке? — я спрашиваю, потому что это самый важный вопрос. Тот, на который мне действительно нужен ответ, прежде чем сойду с ума.

— Я держусь.

Это немного более искренне, немного больше Кади.

— Прости, что пропустил твой звонок.

— Ну, это была середина дня. Я должна была догадаться, что ты будешь работать.

Но мои дни перепутались, и я не подумала.

— Все в порядке. Ты знаешь, что можешь позвонить мне... в любое время. Всегда. По любому поводу.

Пауза на другом конце линии слишком длинная для меня, чтобы вынести. Я хочу, чтобы она сказала мне, что знает... знает, что я здесь для нее, знает, что может попросить меня о чем угодно, и я отдам ей это. Я хочу вернуться к тому, что у нас было до того, как все развалилось, и она убежала из моей жизни.

— Я скучаю по тебе, — говорю я ей. Не уверен, что когда-либо говорил это другому человеку. Никогда. Но это потому, что я никогда не скучал по кому-либо, как скучаю по ней.

— Скучаешь? — спрашивает она, и я слышу надрыв в ее голосе и чувствую это глубоко в моих костях.

Пожалуйста, не плачь.

— Конечно, я скучаю. Ты открывала пакет, который я послал тебе? — спрашиваю я, потому что сказал ей в записке, что скучаю по ней. Скучаю по ее компании, ее смеху, ее любви к бекону, ее пирогам, что она заставляет мою квартиру пахнуть, как сахар. Я скучаю по всему этому.

— Еще нет. Я привезла его с собой. Я сдерживалась, хотела подождать подходящего момента, чтобы открыть его.

Я хихикаю, потому что это та Кади, которую я знаю. Девушка, которая делает все по-своему.

— Ну, по крайней мере, он у тебя. Никакого давления.

— Спасибо, — говорит она, и мне кажется, что я слышу улыбку в ее тоне. По крайней мере, я буду притворяться.

Мы молчим несколько секунд, может, минут, прежде чем я слышу какой-то шум у нее на заднем плане.

— Нейтан, могу я перезвонить тебе? Может быть, сегодня вечером?

— Конечно, — говорю я ей, не раздумывая. — Конечно. Звони мне в любое время, когда захочешь.

— Хорошо, я позвоню, — говорит она. — И, спасибо, что перезвонил, и за пакет, хотя я еще не знаю, что в нем.

Я слышу, как кто-то на другом конце провода зовет ее по имени, и что-то внутри меня сжимается.

— Не за что. Береги себя, ладно?

— Хорошо.

Она задерживается на несколько секунд, и я хочу сказать ей о своих чувствах... те же слова, что были на кончике моего языка в ту ночь, когда она убежала из гостиничного номера, но решаю, что сейчас не время для этого.

— Поговорим позже.

Это обещание, потому что я поговорю с ней позже.

Забравшись обратно в машину, я запускаю двигатель и выезжаю обратно на дорогу... направляясь на север. Я дам ей это время. Пока она говорит со мной, и я знаю, что она в безопасности. Я буду ждать. Я могу быть терпеливым... ради нее.

Но нет никакого способа в аду, что я отпущу ее.

Глава 7

Кади

— Привет, Бобби, — говорю я, помещая телефон в безопасность моего кармана, снова чувствуя, как частичка Нейтана дарит комфорт.

— Привет, — говорит он выжидающе.

Я не видела Бобби четыре года, но он не изменился. От белой футболки до пыльных сапог он все тот же. Это мои чувства к нему изменились. Раньше я чувствовала трепет в животе, когда он поднимался по лестнице крыльца к моей двери, но сегодня я ничего не чувствую. Может быть, намек на ностальгию об ушедшем времени, но это все.

— Я сожалею о твоей маме, — говорит он, прислонившись к столбу возле крыльца, когда я не делаю попытку встать и поприветствовать его.

— Спасибо, — это стало моим отрепетированным ответом всем, кто предлагает сочувствие и соболезнования. Честно говоря, я не очень сожалею. Я не знаю, что со мной. У меня не было возможности отсортировать свои чувства. Но я не могу сказать, что мне жаль. Моя мать дала мне достаточно времени, чтобы привыкнуть к ее отсутствию. Я уже пережила это, когда была молодой девушкой, так что тут нет ничего нового.

Возможно, я сожалею об упущенных возможностях или вещах, которые могли бы быть, но не хочу жить в сожалении. Кроме того, это не мои сожаления, чтобы удерживать их.

Не я ушла. Не я умерла.

Она это сделала.

— Мама сделала эту запеканку и хотела, чтобы я привез ее, — он держит контейнер с крышкой. Я думаю, что это тунец. Мама Бобби, миссис Холден, всегда делала кастрюлю тунца.

— Передай ей от нас спасибо, — говорю я ему, вставая, наконец, с большого плетеного кресла.

Когда я хватаюсь за запеканку, Бобби без предупреждения подходит ко мне и обнимает, притягивая меня к своей груди. Он пахнет как грязь и свежий воздух с намеком на какой-то мужской дезодорант. Это знакомо, и на секунду я позволяю ему обнять меня, но тут же, сделав глубокий вдох, осторожно его отталкиваю.

— Мне было интересно, что понадобится, чтобы вернуть тебя обратно. Никогда не думал, что это будет так. Я знаю, что вы не были близки, но это нелегко — потерять свою маму.

Я киваю и прикусываю щеку изнутри, борясь со смешанными чувствами, проходящими сквозь меня. Внезапное желание плакать заставляет меня прикусить сильнее.

— Но я не могу сказать, что сожалею, — говорит он, захватывая меня врасплох. — Я скучал по тебе, Кади.

— Ты не должен был, — говорю я ему. Неразборчивые эмоции убивают любое подобие фильтра. — Ты мог бы поехать со мной.

Он резко смеется, пиная грязным рабочим ботинком изношенное деревянное крыльцо.

— Ты можешь представить меня в городе? Это не место для меня. И для тебя тоже, — наклонив голову, он смотрит мне в глаза.

Бобби всегда думал, будто знает, что лучше для меня: с кем мне дружить, какую одежду я должна носить, где должна работать, что мне делать с моим будущим.

Если бы он добился своего, то я бы уже залетела, в то время как он работал бы на полях с отцом каждый день. Это не плохая жизнь, если ты ее хочешь. Но это не мой выбор.

— Еще не слишком поздно для нас, — продолжает он, когда я не отвечаю. — Теперь, когда ты вернулась домой, мы можем продолжить с того места, где мы остановились.

— Я вернусь в город, как только смогу, — говорю я, расправив плечи и крепко сжимая края контейнера.

— К чему? К твоей работе в закуской? — спрашивает он, его слова пропитаны скептицизмом.

— Ты больше ничего обо мне не знаешь, так что не притворяйся, будто это так.

— О, я знаю много. Твой папа хорошо меня информирует.

— Ну, это не твое дело. Я не твое дело.

— Ты ошибаешься. Мы принадлежим друг другу, и ты это знаешь. Нам хорошо вместе. Ты просто сопротивляешься, как твоя мама.

С упоминанием матери в моей голове щелкает, и я борюсь с желанием бросить контейнер с тунцом в его лицо.

— Мы не принадлежим друг другу. Ты никогда не был хорош для меня. Оставить этот город — лучшее, что случилось со мной.

На самом деле, самое лучшее, что случилось со мной — это Нейтан Хендрикс, но я не хочу засорять воспоминания о нем, рассказывая Бобби об этом.

— Продолжай убеждать себя, — говорит он с презрительным смехом и качает головой. — Провозишься слишком долго, и я уже не буду доступен, когда ты в слезах приползешь ко мне обратно.

Настала моя очередь смеяться.

— Не задерживай дыхание, пока этого ждешь, а то задохнешься.

— Не могу поверить, что ты оставляешь своего отца вот так. Единственный человек, который был рядом и заботился о тебе всю твою жизнь, и ты просто оставляешь его на произвол судьбы, когда он нуждается в тебе. Это не та Кади, которую я знал, — он замолкает на секунду, ожидая, когда я что-то скажу в ответ, но я не говорю. — Ты знаешь, он действительно переживал из-за болезни твоей мамы, и я уверен, что ее смерть будет для него трудным делом.

— Он будет в порядке. Мы будем в порядке.

— Продолжай убеждать себя в этом.

Ярость медленно поглощает горе, которое я чувствую, будто лава спускается вниз по холму, и все, что я могу представить — как мой кулак вступает в контакт с самодовольным лицом Бобби.

К счастью, мой папа открывает дверь и высовывает голову.

— Бобби, — говорит он. — Я услышал, что ты здесь. Заходи.

Пока папа держит дверь, Бобби проходит мимо меня и присоединяется к нему на кухне.

— Мама послала запеканку из тунца, которая тебе так нравится.

— Это мило с ее стороны. Мы с Кади растолстеем со всей этой едой, которую люди продолжают заносить, — мой отец улыбается мне, и я вижу то, чего раньше не видела — надежда, мир. Горе и печаль по-прежнему есть, но с уходом матери и он кажется другим.

Может быть, это чувство вины, навязанное Бобби, но я начинаю сомневаться, не думает ли папа, что я останусь навсегда. Конечно, он не думает. Конечно, он знает, что я здесь временно, а не навсегда. Он знает, что у меня есть работа и квартира — жизнь в городе.

— Бобби, расскажи Кади о новой кобыле, которую ты получил несколько недель назад, — папа присвистывает, глядя на меня. — Она красавица, Кади. Ты полюбишь ее.

Я все еще люблю лошадей. Но прошло много лет с тех пор, как я ездила верхом или даже подходила близко. Не так много лошадей в городе.

— О, она хорошенькая, — соглашается Бобби. — Ты должна заехать на ферму. Я позволю тебе покататься. Она уже объезжена, — то, как Бобби подмигивает мне, заставляет мою кожу покрыться мурашками, и я посылаю ему испепеляющий взгляд, когда папа поворачивается, чтобы поставить запеканку в холодильник. Я надеюсь, что он выражает мои чувства: никогда — ни в этой жизни, ни в следующей.

~trns|ntc~v|odny©~

Сидя в темной, пустой кухне, я медленно глотаю теплый кофе, который держу в руках уже почти час. Пакет от Нейтана вместе с конвертом, содержащим полис страхования жизни моей мамы, лежат на столе передо мной.

Я не знаю, почему я так сопротивляюсь открыть оба предмета. Хотя я знаю, что в конверте от матери, он остается закрытым. Понятия не имею, что в конверте Нейтана, и страх перед неизвестным сильно давит на меня. Как будто я знаю, что, открыв их, навсегда изменю свою жизнь.

— Кади, ты ведешь себя глупо. Просто уже открой их, — приказываю я себе шепотом.

Сейчас середина ночи, и я в очередной раз не могу уснуть. Я подумала, если позволю себе открыть конверты, то смогу расслабиться достаточно, чтобы поспать, но вместо этого сижу здесь уже больше часа и просто смотрю на них.

Думаю, больше всего боюсь последствий. Как только печати будут сломаны, мне придется столкнуться с тем, что Нейтан хочет сказать мне. Это также будет завершением общения с мамой. Доказательством того, что, оставив меня и моего папу позади, она все же любила меня по-своему.

Раздраженно выдохнув, я хватаю конверт от мамы и отрываю верхнюю часть, как пластырь. Чем быстрее вы его сорвете, тем меньше будет больно, верно?

Я удивлена, что чувствую разочарование, когда вынимаю бумагу и вижу, что это просто документ о том, что я являюсь единственным наследником мамы в отношении ее страховки. Сумма немного поразительна только потому, что я никогда лично не видела и не имела таких денег раньше. Но так как папа уже сказал мне об этом, я позволила себе задуматься и немного помечтать, даже несмотря на все события последних нескольких дней. Это нетрудно, когда получаешь такой подарок... возможность. Но наверно я ожидала — или надеялась — увидеть письмо или что-то еще от нее, но нет.

Не поймите меня неправильно, я благодарна за деньги, которые она оставила, но это просто странно — принять их. Часть меня чувствует, что я должна вернуть деньги, но, конечно, это невозможно. Другая часть считает, что я должна отдать их отцу, но очевидно, что мама хотела, чтобы они были у меня.

Трудно спорить с несмыслаемыми чернилами в документе.

Когда на конверт падает слеза, я понимаю, что плачу. С тех пор, как я приехала домой, были моменты, когда я чувствовала, что *могу* заплакать или *должна* плакать, но слез не было. Я не позволяла их себе. До сих пор.

А теперь, когда они прорвались, я чувствую, будто они никогда не остановятся, поэтому позволяю себе плакать. Я плачу за себя в подростковом возрасте, когда впервые потеряла мать, и я плачу за себя нынешнюю, зная, что мы никогда не сможем примириться. Я плачу за моего отца, и я плачу за маму, потому что действительно чувствую жалость к ней.

Должно быть, трудно быть не в состоянии успокоиться и просто быть счастливой и беззаботной... всегда убегать от своей жизни в поисках неизвестного, оставив позади тех, кто заботился о тебе.

Через некоторое время мои мысли дрейфуют к Нейтану. Раньше я думала, что мы такие разные — слишком разные — но теперь вижу, что мы очень похожи. Нашими семейными историями, нашими симпатиями и антипатиями, нашей работой... мы практически сделаны из одного теста.

Я увидела это в самом начале — то, что привлекло меня к нему. Как он заботится о людях и не позволяет его богатству или статусу диктовать видение мира, это одно из его наиболее привлекательных качеств. По-прежнему. Но где-то по пути я позволила своей гордости и упрямству направлять меня и могла видеть лишь то, как я не вписываюсь в его мир.

А потом был страх — страх, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой; страх, что я переходный этап, и когда Нейтан закончит со мной, он двинется дальше, а я останусь с разбитыми осколками, напоминающими сердце.

Я и раньше влюблялась, но любовь, которую чувствую к Нейтану, изменила мою жизнь.

Я влюбилась в него, и мой мир перевернулся. Мир, над которым я так упорно работала, чтобы сделать своим собственным. Тот мир, которым я пожертвовала.

Мир, который застрял на своей оси, прежде чем появился Нейтан Хендрикс и заставил его возвращаться.

Хорошо ли любить кого-то? Когда так много счастья зависит от него?

Я не знала.

Это страшное чувство.

Но еще страшнее было прожить несколько недель вдали от Нейтана, страшнее думать о том, что он никогда снова не будет в моем мире. Я могла бы жить без него. Я могла бы вернуться к исходному состоянию и просто плыть по течению. Я была счастлива, пока не появился он. Конечно, жизнь была борьбой, и у меня не было того, чего я ждала бы с нетерпением, но я делала это... самостоятельно.

Шаркающие шаги по коридору заставляют меня подпрыгнуть и вытереть заплаканные щеки. Прочистив горло, я поворачиваюсь и вижу папу, стоящего в дверях тускло освещенной кухни.

Не говоря ни слова, он хватается за чашку и наливает из кофейника, который я заварила раньше, прежде чем сесть на стул напротив меня.

— Ты любил ее? — вопрос слетает с моих губ прежде, чем я успеваю подумать. — В смысле, действительно любил ее?

Он глубоко вздыхает, поднося чашку ко рту, и делает маленький глоток, прежде чем ответить:

— Да, любил... до сих пор.

— Ты не жалеешь об этом? Зная, как все обернется, ты бы все равно любил ее?

— Да, — говорит он с задумчивым кивком. — Если бы мы знали будущее, наверное, все отсиживались в какой-нибудь пещере. Это человеческая природа — хотеть защитить себя от боли. Но иногда эта боль стоит того.

— Значит, никаких сожалений?

— Не тогда, когда дело доходит до любви к твоей матери. Но у меня есть одно сожаление, — говорит он, поставив чашку на стол и глядя мне прямо в глаза. — Я должен был быть лучшим отцом.

Комок в горле возвращается от его исповеди, и я хочу сказать ему, что все в порядке... он был хорошим отцом. Но я не могу, поэтому он продолжает.

— Я был сломлен после того, как твоя мать ушла. Все, что я знал, это как спрятать голову в песок, продолжать работать... зарабатывать деньги, чтобы обеспечить тебя. Но мне не удалось сделать то, что имело значение. Я практически оставил тебя одну, чтобы заботиться о себе, и я сожалею об этом.

Он зажмуривает глаза, зажимая переносицу, затем моргает и смотрит в сторону.

— Не живи с сожалением, Кади. Независимо от того, что ты хочешь сделать, пойдешь и сделай это... — говорит он, толкая конверт с полисом страхования жизни моей мамы.

Мы с отцом долго сидим в тишине и пьем кофе, уставившись на маленькое пространство, которое делили на протяжении многих лет. Я хочу что-нибудь сказать ему, чтобы утешить, чтобы позволить ему знать, что он не должен сожалеть, но он сказал правду. Я бы солгала, если бы сказала, что он был хорошим отцом, потому что он им не был, но он старался быть лучшим, так как знал. А иногда быть лучшим должно быть достаточно.

— Я в порядке, ты знаешь, — наконец произношу я. — Я не говорю, что моя жизнь была прекрасной и замечательной, но чья была? У каждого есть вещи в прошлом, которые не идеальны. Я никогда не голодала. И всегда знала, что у меня есть место, где можно приклонить голову ночью. Это намного больше, чем у некоторых детей. Возможно, ты не лучший отец, но ты сделал все возможное.

Он кивает, и маленькая грустная улыбка растягивает уголки его рта.

— Ты всегда находила лучик надежды в темноте.

Иногда немного перспективы — это все, что нам нужно, чтобы двигаться вперед по жизни.

Нейтан Хендрикс — мой лучик надежды. Он помог мне понять, что моя жизнь могла бы быть намного хуже.

~trns|nte~v|ndny©~

Я просыпаюсь рано утром после того, как мне, наконец, удается поспать на диване в гостиной. Я не могу заставить себя войти в комнату, которая когда-то была моей. Туда, где моя мама провела свои последние несколько месяцев и сделала последний вздох.

Однажды я, вероятно, смогу вернуться туда и не увидеть, что она лежит на кровати при смерти, но не сейчас.

Мой отец уже на улице, работает на каком-то старом грузовике до того, как солнце полностью встанет над горизонтом. Я наблюдаю за ним несколько минут через экран двери, прежде чем решить, что мне нужно сделать сегодня днем.

Выпечка.

Мне нужно почувствовать тесто между пальцами и запах сладкого ароматного пирога,

исходящего из духовки.

Этот дом тоже нуждается в нем. Он нуждается в своего рода очищении, чтобы очистить воздух и вытолкнуть весь затхлый запах последних нескольких месяцев.

Я решила, что завтра утром поеду домой, но еще не сказала отцу.

Знаю, что с ним все будет в порядке, а даже если нет, он будет притворяться, что это так, но я подумала, что пирог может смягчить удар.

Я намеревалась сделать один его любимый — персиковый. Но два часа спустя вся столешница полна пирогов. Я нашла пакет замороженной черники в морозилке, которая напрашивалась, чтобы ее использовали, и банку яблок в кладовке, на которой было написано «пирог».

— Кади? — раздается голос моего отца с порога, но я по локоть в муке, поэтому не смотрю вверх.

— Да?

— Что ты делаешь? — спрашивает он медленнее, чем обычно, растягивая слова.

— Пеку. Пирог.

— Угу. А кто будет есть все эти пироги?

— О, — я выпрямляюсь, вытирая руки о старый передник, который обнаружила на крючке за дверью. — Ну, я сделала персиковый для тебя, а затем нашла немного черники... и яблоки... и я использовала оставшиеся бананы для другого. Я... Ты мог бы заморозить несколько... — я заикаюсь, потому что теперь, когда задумываюсь об этом, понимаю, что пирогов очень много. И я уезжаю.

— С запеканкой из тунца и пирогами мне не придется покупать продукты месяц. — Я сконфуженно ему улыбаюсь. — Может быть, мы могли бы отвезти один старому мистеру Джонсону. Он всегда любил твои пироги.

Я киваю и оглядываю кухню, интересуясь, хорошее ли сейчас время, чтобы упомянуть мой ранний утренний отъезд.

— Завтра я уезжаю домой, — говорю я ему, продолжая смотреть на покрытую мукой столешницу.

— Я уже понял. Думал, ты уедешь еще несколько дней назад, — он вытирает руки о старую тряпку и засовывает ее в задний карман, прежде чем сесть за маленький столик. — Теперь, как насчет кусочка пирога?

Что-то знакомое в этом моменте — пироги, отец в грязной рабочей одежде — позволяет мне знать, что все будет хорошо. Мы будем в порядке.

— Кофе? — спрашиваю я, доставая тарелку из шкафа.

— Молоко.

— Ладно, — я облегченно вздыхаю, когда вожусь с пирогом и молоком.

На следующее утро, прежде чем солнце показывается на горизонте, я обнимаю папу и говорю ему «до свидания». Но впервые я знаю, что это действительно только *увидимся позже*, потому что теперь между нами все по-другому. Я знаю, что он нуждается во мне и, если быть честной с самой собой, он тоже мне нужен.

— Позвони мне, когда вернешься в Даллас, — он ставит сумку у моих ног.

— Обязательно. И у тебя есть мой новый номер?

— Есть, — говорит он, поглаживая карман, где находится его новый сотовый телефон.

Мы, вероятно, два последних человека на планете, у которых наконец-то есть сотовые телефоны, чтобы разговаривать друг с другом.

— Береги себя, — поручаю я. — И не забудь о пирогах в багажнике грузовика.

— Не забуду. Я ни в коем случае не дам пропасть такому добру.

Я улыбаюсь и киваю. Мы договорились, что несколько из них могли бы пойти в местный приют недалеко от автобусной станции. Поэтому он закинет их туда сегодня утром. И два мистеру Джонсону, когда он вернется в город, оставив себе три в морозилке.

Вчера я немного переборщила с выпечкой, но это было такое хорошее чувство, я ничего не могла поделаться.

Одно быстрое объятие, и я поворачиваюсь и иду на станцию.

Когда я сажусь в свой автобус, то достаю пакет Нейтана и тихо смеюсь над мятыми краями... и над собой. Не могу поверить, что держала его у себя почти две недели и до сих пор не открыла, но я не чувствовала, что время подходящее.

Я до сих пор понятия не имею, что внутри.

Это может быть полным разочарованием, но это невозможно, если у вас нет никаких ожиданий.

Несмотря ни на что, я решила, что содержимое конверта уже не изменит мои чувства к Нейтану. За исключением того, если в письме признание о том, что он женат, отец троих детей... или серийный убийца... или он втайне ненавидит пирог.

Оторвав верхнюю часть конверта, я вытаскиваю стопку бумаг. Сверху записка, и я знаю, даже не глядя на подпись, что она от Нейтана. Его почерк очень похож на него — точный и аккуратный, но не слишком жесткий.

Кади,

Во-первых, я скучаю по тебе. Думаю, ты должна это знать, потому что это важно. Я никогда не скучал по кому-либо или чему-либо в моей жизни. Но чувство, которое так крепко засело в моей душе, когда ты ушла, не может быть описано иначе.

Во-вторых, я забочусь о тебе. Людям вокруг меня кажется, что единственное, что меня волнует — это работа и благотворительность. Это правда. Но я также забочусь о тебе, и ты не имеешь к благотворительности никакого отношения. Ты как глоток свежего воздуха... теплый летний день... кусочек моего любимого пирога. Даже ни секунды не сомневайся, что я хочу тебя.

В-третьих, я верю в тебя. Документы в этом конверте — все, что тебе нужно, чтобы представить свою бизнес-идею для любого финансового учреждения. Я знаю, что тебе не нужна моя помощь, но чувствую, что могу дать тебе что-то, что ничего не стоит.

Однако я поддерживаю тебя в любом виде, как ты захочешь. Тебе нужно только спросить.

Однажды, я надеюсь, мы сможем быть хотя бы друзьями, потому что, хотя я скучаю по твоему запаху на моих простынях и ощущению твоей кожи подо мной, больше всего я скучаю по тебе — твоему смеху, твоей улыбке, твоему упорству, твоему остроумию, твоей силе.

Всегда,

Нейтан

Глава 8

Нейтан

Открыв ящик стола, я достаю свой телефон и проверяю пропущенные звонки.

Прошла неделя с тех пор, как я говорил с Кади по телефону. Я пытаюсь дать ей пространство и время, но меня убивает то, что я не могу поехать к ней. Меня убивает то, что я не знаю, что происходит в ее жизни и как она справляется со смертью мамы.

Я надеюсь, когда она будет готова, то позвонит мне. Но решил, что если не услышу ничего от нее сегодня вечером, то сам ей позвоню.

Терпение никогда не было одной из моих добродетелей, но Кади, безусловно, заставляет меня ему учиться.

Сделав глубокий вдох и выдох, я игнорирую призыв набрать ее номер и запихиваю телефон обратно в ящик.

Она позвонит.

— Твой отец должен быть здесь в течение часа. Его самолет приземлился полчаса назад, — говорит Нэнси по внутренней связи.

— Спасибо, Нэнси. Не могла бы ты убедиться, что небольшой конференц-зал готов, а бар заполнен. Нам много чего нужно обсудить, и уверен, что нам понадобится подкрепиться в процессе.

— Да, сэр.

— Ты лучшая.

— Это моя работа.

Я улыбаюсь, убирая палец с кнопки интеркома. Нэнси удивительная. Я украл ее у моего отца после того, как проработал здесь пару лет.

Нэнси была одним из двух секретарей, которых он использовал в течение многих лет. Я убедил его отдать мне ее на том основании, что я новичок, и она будет держать меня на верном пути. Он купился на это к моему удовольствию. Хочу сказать, что это была моя первая и, наверное, самая прибыльная сделка.

Нэнси никогда не задает вопросы, а если мне нужен совет, всегда готова дать его, при этом она всегда говорит прямо, не подслащивая горькую пилюлю. Мне нравится это в ней. Она старше и счастливо замужем, поэтому не хочет залезть мне в штаны, что освежает.

Первая секретарша, которую я нанял, когда получил в свое распоряжение целый офисный этаж, была кошмаром — короткие юбки, обтягивающие топики, пошлые инсинуации и намеки. Она продержалась всего неделю, и то потому, что я не мог одновременно отвечать на звонки и вести бизнес. Нэнси, сменившая ее, была похожа на фею-крестную. Я спрашиваю — она выполняет.

Заблудившись в своих мыслях и переполненном почтовом ящике, я теряю счет времени и едва не выпрыгиваю из своего кресла, когда со стороны закрытой двери доносится громкий стук.

— Входи.

Это, должно быть, мой отец или дядя Тедди, никто другой не пройдет мимо Нэнси без предупреждения.

— Нейтан.

— Сэр, — говорю я, признавая его присутствие.

Прежде чем поднимаю взгляд от экрана компьютера, я слышу, как кто-то прочищает горло, и этот звук издает женщина, а определенно не мой отец.

— Жду тебя в конференц-зале через тридцать минут, — между тем говорит отец, освобождая дверной проем и открывая мне отраду для моих усталых глаз.

Кади стоит в моем кабинете, одетая в платье и улыбку.

Она прекрасна.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, но тут же жалею об этом, потому что улыбка, которую она мне подарила, когда я впервые поднял глаза, исчезает. — Я имею в виду, я так

счастлив, что ты здесь, но...

— Я пришла, чтобы поговорить об этом. — Кади кладет знакомый конверт на край моего стола.

О, черт!

Мое сердце бьется так быстро, что я не удивлюсь, если Кади может слышать его оттуда, где стоит, словно какая-то мечта или сон.

Может быть, мне это снится? Возможно, я задремал и все это...

— Знаю, что ты очень занят, и мне жаль, что я так поступила. Я понятия не имела, что будет так трудно попасть в твой офис, — Кади нервно смеется и теребит ремешок сумки, перекинутой через плечо. — Твой отец был в холле и услышал меня, когда я умоляла охранника пропустить меня, — она останавливается, с трудом сглатывая. — Надеюсь, что это нормально?

— Это прекрасно. Я просто не могу поверить, что ты здесь.

— Я вернулась сегодня рано утром, поехала домой, помылась, переоделась, и вот я здесь.

Это признание отправляет меня напрямик в райские кущи.

Она пришла ко мне.

— Это, — говорит Кади, постукивая пальцем по конверту, который, как я вижу, она, наконец, открыла. — Ты имел в виду то, что здесь написано?

— Конечно. — Часть меня интересуется, почему она сначала хочет узнать это, но я не могу лгать ей. — Конечно, я имел в виду каждое слово.

— И бизнес-план, ты сказал, что поможешь мне с ним... Предложение еще в силе?

Я пытаюсь контролировать улыбку на лице, но это сложно. Она пришла ко мне... за помощью.

— Да, он до сих пор в силе.

— Хорошо, потому что я знаю, как испечь пироги, но я ничего не знаю об открытии и ведении бизнеса.

— Зато я знаю.

— Знаю, поэтому я здесь.

— Ты здесь.

— Да.

Улыбка на ее лице — самое важное. Это значит, что она не злится из-за бизнес-плана. Значит, она хочет, чтобы я участвовал. Это значит, что есть надежда, и это все, чего я хочу. Ну, это не все, что я хочу, но пока этого достаточно.

— Мне нужно встретиться с моим отцом через несколько минут, но я бы хотел обсудить это с тобой.

— О'кей. Ну... я могу вернуться в другой день.

Нервное поведение Кади возвращается, и я ненавижу это. Я так сильно хочу рассказать, как отношусь к ней, и что именно для меня значит, что она пришла ко мне за помощью, но у меня нет времени, чтобы правильно выразить эти чувства. Мне нужно больше времени. Мне нужно больше конфиденциальности.

— Как насчет ужина? В моей квартире? — предлагаю я и тут же вспоминаю о глупом деловом ужине сегодня вечером, и меня бесит, но я не могу его отменить. Мой отец прилетел из Нью-Йорка, чтобы быть здесь ради этого.

Я должен там присутствовать. Без вариантов.

— Хорошо. Сегодня вечером? — Кади оглядывает мой офис, а затем снова смотрит на меня.

— Сегодня не могу, но как насчет завтрашнего вечера? Я могу забрать тебя с твоей квартиры или закусочной.

— Я буду работать до шести.

— Отлично, заеду за тобой в шесть.

Кади забирает конверт с моего стола и засовывает его в свою сумку, но могу сказать, что она тянет время. Надеюсь, это потому, что она чувствует то же самое, что и я. Я надеюсь, что снова оказавшись наедине со мной, она не хочет уходить, потому что именно это я сейчас чувствую.

— Моя мама оставила мне деньги, — выпаливает Кади. — Немного, но думаю, этого может быть достаточно, чтобы начать свой бизнес. Я не хочу, чтобы ты подумал, что я вернулась в поисках подачки.

— Никогда! — говорю я ей. Я никогда не подумаю так о ней. — Но это отличная новость.

— Да, как я уже сказала, это немного, но хоть что-то.

— Уверен, что мы сможем найти лучший способ использовать их. Я очень хорошо готовлю инвестиционные проекты. — Я улыбаюсь, надеясь вселить в Кади уверенность в том, что она поступила правильно, приехав сюда.

— Тогда завтра в шесть?

— Да, и если вдруг освободишься пораньше, дай мне знать. Я буду там.

— Ладно.

— Вызвать тебе такси доехать домой? — я спрашиваю, потому что ничего не могу с собой поделывать. Закусочная не так далеко, в отличие от ее квартиры, и я не хочу, чтобы она шла пешком.

— Я иду в закусочную. Мне нужно сообщить Маку, что я вернулась.

— Хорошо, тогда увидимся завтра.

— Спасибо, — говорит Кади с нерешительной улыбкой.

— Не надо меня благодарить.

После этого Кади уходит, тихо закрыв за собой дверь, и я хочу бежать за ней, но снова сдерживаюсь.

Она вернулась. Она пришла ко мне. Она будет там завтра. Я собираюсь быть терпеливым и не торопиться.

Кади стоит того, чтобы подождать.

Глава 9

Кади

Сидя в своей квартире, я смотрю на вещи вокруг — все материальные вещи, которые есть в моей жизни, всё, что составляет мое личное пространство — и чувствую себя счастливой от того, что вернулась. Я знаю, это не так много для большинства людей, но это мое... все это представляет жизнь, которую я создала для себя. И да, моя жизнь непростая, но она моя.

За последние пару недель я несколько раз обнаруживала, что сравниваю свою жизнь с жизнью мамы. Я знаю, что есть сходство — мы обе оставили Хамбл, мы обе гнались за мечтой.

Но я не похожа на нее.

Она никогда не была удовлетворена, никогда не была довольна.

Я довольна, даже в моей борьбе.

Я довольна, что вернулась обратно в эту квартиру.

Я довольна, когда собираюсь утром на работу в закусочную.

Я довольна, что хотя мы с Нейтаном не там, где были месяц назад, мы говорим.

Это был долгий день, начиная с моей поездки в автобусе домой, а затем поход в офис Нейтана, потом в кафе. Потребовалось много смелости для того, чтобы появиться в офисе Нейтана без предупреждения. Я так нервничала, покидая свою зону комфорта, но после того как прочитала его письмо и увидела, что он собрал для меня, я должна была увидеть его. Я должна была узнать, действительно ли он хочет помочь мне, потому что, сев в автобус и прочитав десятки документов, которые он подготовил для меня, я начала планировать, и эта искра начала расти.

Впервые я увидела, что это возможно. И впервые это казалось достижимым.

Перевернувшись в кровати, смотрю на будильник и думаю о том, чтобы позвонить Нейтану просто чтобы услышать его голос, но не делаю этого. Если бы он хотел поговорить, он бы позвонил.

В своей записке он упомянул о дружбе. Надеюсь, что однажды он захочет большего.

Я хочу, чтобы он любил меня так же, как я его. Я знаю, что это любовь. Давление в моей груди каждый раз, когда я рядом с ним. Бабочки в животе, когда он рядом или я просто думаю о нем. То, как он поглощает мои мысли. Тот факт, что я не могу представить себе будущее без него.

Это любовь.

Я знаю, что должна сказать ему.

Мой папа сказал, что это того стоит. И я ему верю.

Но мне все равно страшно.

В конце концов, я засыпаю, находясь в своей постели в своей квартире, и мне хорошо. Так хорошо, что не слышу будильник на следующее утро.

После быстрого душа и переодевания в свою форму я практически бегу по тротуарам в закусочную. Это мой первый рабочий день за две недели, и я не могу опоздать. Хотя у меня есть планы покинуть закусочную, я не могу позволить себе остаться без работы.

Сомневаюсь, что Мак уволит меня за опоздание, но не могу рисковать.

Деньги, что я скопила от продажи пирогов, пойдут на аренду за месяц, и останется не так много.

Когда я влетаю через заднюю дверь, Мак корпит над столешницей, шинкуя овощи. Он не смотрит на меня, но я вижу улыбку на его лице, когда он спрашивает:

— Какой пирог ты делаешь сегодня?

Я улыбаюсь его склоненной голове и отвечаю:

— Думаю, шоколадный и, возможно, лимонный, они всегда хорошо продаются.

— Звучит отлично.

Мы больше не разговариваем, просто работаем бок о бок в комфортной тишине, и это именно то, что мне нужно. Я думаю упомянуть о своем плане открытия собственного магазина, но решаю подождать. Я хочу первой рассказать ЛуЭнн. Она знает, как донести это до Мака.

Когда я вытаскиваю пироги из духовки, в заднюю дверь заходит ЛуЭнн и спешит ко мне через комнату, сгребая в крепкие объятия.

— Черт, я скучала по тебе. Не оставляй меня так больше, ладно? Новая девушка чуть не убила меня, пока тебя не было, но, слава Богу, дети Карлы чувствовали себя хорошо. Не знаю, как бы мы обходились без тебя в противном случае. Мы должны нанять еще одну официантку на работу, — кричит она громко, чтобы Мак услышал.

— Я рада, что ты скучала по мне, — дразню я, поправляя передник и приглаживая волосы.

Утренняя толпа нагрянет в любой момент.

— У тебя определенно есть гарантия занятости. Все посетители были разочарованы, что в меню не было пирогов. Одна дама почти ушла от меня. В итоге я уговорила ее заказать банановый французский тост Мака, но на секунду я поверила, что проиграю.

Смеясь, я чувствую благодарность за то, что вернулась, но не могу остановить гложущее чувство вины за то, что собираюсь сказать ЛуЭнн.

Но у меня нет шанса, прежде чем звенит дверной колокольчик и кафе оживает.

Я полностью теряю счет времени, отвлекаясь на заказы, и возвращаюсь к своей обычной рутине, так что застигнута врасплох, когда поднимаю глаза и вижу знакомые темные волосы за десятым столиком.

Нервы охватывают мое тело. Не знаю почему. Я имею в виду, уверена, что он пришел сюда только за пирогом, но он не был здесь с тех пор, как у нас все развалилось. Поэтому кажется невероятным, что он сидит на своем обычном месте.

Сохраняя спокойствие, я подхожу к нему и достаю свой блокнот, хотя знаю, что он собирается заказать, даже прежде, чем я спрошу.

- Доброе утро, — говорю я, ломая лед и заставляя его посмотреть на меня. Его темные глаза — яркие и живые, а ухмылка на лице заставляет мои колени слабеть. Он всегда так влияет на меня, но теперь, когда я знаю, какие обещания скрыты под его взглядами и ухмылками, бабочки в моем животе разрастаются.

— Доброе утро, — его приветствие выходит гораздо более соблазнительным, чем мое. Оно хрипловатое и теплое, как мед.

Я прочищаю горло, вспоминая, как впервые обслуживала его. Мы многое пережили с тех пор, зашли так далеко... только для того, чтобы я все испортила.

— Что я могу сделать для тебя? — спрашиваю я, прежде чем у меня появится шанс все испортить.

— Какой пирог ты сделала этим утром? — спрашивает он, повернувшись в своем кресле ко мне лицом. Рукой он опирается на спинку стула, отчего его пиджак распахивается, а рубашка плотно натягивается на груди. Грудь, которую я видела... грудь, которой я восхищалась... лично и близко.

— У нас есть лимонный, — я едва регистрирую слова, которые слетаю с моих губ. Я даже не предлагаю шоколадный, потому что знаю, что он выберет лимонный.

— Я возьму его.

— И кофе, — говорю я.

— Да.

— Я скоро вернусь, — мои слова выходят нервными, потому что именно так я себя чувствую, нервной и суетливой — все благодаря ему.

Поспешив на кухню, я подхожу к прилавку и упираюсь в него руками, глотая воздух, который не пахнет как Нейтан Хендрикс... воздух, который не заставляет каждую клеточку в моем теле прыгать с осознанием.

— Что это ты так разволновалась? — спрашивает ЛуЭнн, неся охапку грязной посуды в раковину.

— Я дам тебе одну попытку.

Она высовывает голову из двери, а затем подходит ко мне, облокотившись на стойку рядом со мной.

— Он приходил сюда, пока тебя не было, — говорит она с задумчивым выражением.

— Ты сказала ему о моей матери?

— Да, я знаю, что это не мое дело, но он казался искренне обеспокоенным. И я знаю, как ты вела себя перед отъездом. Я устала от всех этих сомнений вокруг.

Я продолжаю глубоко дышать в попытке вернуть себе контроль, в то время как отрезаю щедрый кусок лимонного пирога и кладу его на тарелку.

— Он любит тебя.

— Что? — спрашиваю я, уставившись на нее.

— Он любит тебя. Я вижу это, и если ты не можешь, то ты слепа.

— Я... Мы... — я заикаюсь.

— Ага-ага. Оставь это, — говорит она со вздохом. — Лучше отнеси этому мужчине его пирог. Он был очень терпелив.

Я не отвечаю. У меня нет времени для того, чтобы обдумать безумные идеи ЛуЭнн. Что она знает о любви?

Вернувшись к столу Нейтана, я ставлю перед ним пирог с чашкой дымящегося кофе.

— Могу я предложить что-нибудь еще?

Нейтан тихо усмехается, глядя на свой пирог, а затем обратно на меня.

— Я могу думать о нескольких вещах, но этот пирог сейчас в приоритете.

— Хорошо, — мне кажется, что там есть намек, но я не могу себе этого позволить. Сегодня и так будет долгий день в думах о встрече с ним вечером за ужином. Мне не нужно каких-либо дополнительных отвлекающих факторов.

— Я очень рад, что ты вернулась, — говорит он, вонзая свою вилку в пирог.

Мне нужно уйти прежде, чем этот пирог попадает ему в рот, потому что если мне придется слушать...

— Мммм, — стонет он в знак признательности. — Так вкусно.

— Я вернусь через минутку, — удается выдавить мне, я поворачиваюсь и ухожу, прежде чем он сможет что-то сказать или сделать, чтобы заставить меня потерять рассудок.

— Тебе что-то нужно? — спрашивает Мак, когда я подхожу к окошку, пытаюсь вспомнить, что я должна делать.

Холодный душ.

Мой разум обратно.

— Нет, я... у тебя готов заказ на восьмой столик?

— Кристен уже взяла его, — говорит он, продолжая делать омлет и поджаривать бекон.

— Кто?

— Кристен — новая девушка.

— О, точно.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на новую официантку, которую наняли прежде, чем я уехала, и замечаю, что она несет полный поднос без происшествий. Значительное улучшение. Может, у нее есть здесь шанс.

Как хорошая официантка, я занимаю себя своими клиентами, продолжая поглядывать

на великолепного мужчину за десятым столиком. К счастью, а может, к сожалению, он заканчивает свой пирог и кофе и встает. Я наблюдаю, как он уходит, оценивая вид, но почти растекаюсь в лужу, когда он поворачивается и ослепляет меня своей улыбкой. Я не знаю, понимает ли он, что это должно быть незаконным. Никто не должен быть таким ошеломляющим, но это факт, и я разрушена.

После того как ланч закончен, мы с ЛуЭнн на кухне ополаскиваем посуду и загружаем посудомоечную машину, и теперь я решаю, что это подходящий момент, чтобы рассказать о моем плане.

— Я хотела поговорить с тобой кое о чем, — говорю я ей, вкладывая последние тарелки в лоток.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Ну, ты помнишь пакет, который послал мне Нейтан, прежде чем я получила звонок от моего отца?

— О да, ты открыла его? — она собирает полотенца, которые мы использовали на протяжении дня, и бросает их в корзину с грязным бельем в подсобке.

— Да, мне потребовалось некоторое время, но я, наконец, открыла его.

— И?

— Это был бизнес-план.

— Что?

— Бизнес-план для меня, чтобы открыть свою пирожковую. Он думает, что я могла бы сделать это своим деловым предприятием.

— Хм, — говорит она задумчиво. — Итак, ты бы продавала там одни пироги?

— Верно, как в булочной, но только пироги.

— Я могу это видеть.

— Правда? — я спрашиваю, потому что думала, что ЛуЭнн опустит меня с небес на землю в мгновение ока. Будучи реалистом, я предполагала, что она не захочет, чтобы я отважилась на что-то подобное.

— Да, конечно. Посмотри на всех этих богатых дам, которые их покупают. И мы все их любим. Здесь, в закусочной, практически ничего не осталось. Как я и говорила ранее, все были очень недовольны отсутствием пирогов, пока тебя не было. Я думаю, ты должна сделать это.

— Правда? — еще раз спрашиваю я, удивленная ее поддержкой. Может быть, втайне я надеялась, что она скажет мне, что я сумасшедшая, чтобы у меня появился повод обдумать вещи немного дольше.

— Конечно, но как ты собираешься платить за что-то подобное? Не говори мне, что ты изменила свое мнение о том, чтобы мистер Хендрикс финансировал твою жизнь.

— Нет, — говорю я твердо.

Она смеется, развязывая свой фартук и бросая его на прилавок.

— Я по-прежнему думаю, ты сумасшедшая, что не покупаешься на это, но я понимаю твоё стремление сделать все самостоятельно. Поэтому, опять-таки, как ты планируешь платить за что-то подобное? Ты не можешь арендовать место только благодаря своей красивой внешности... и даже не будем говорить о стоимости материалов и оборудования. Мы обе знаем, что это недешево.

— Верно, ну, моя мать сделала меня своей единственной наследницей полиса страхования жизни.

— Ты меня разыгрываешь, — она останавливается на полпути, оборачиваясь ко мне с отвисшей в шоке челюстью.

— Нет, я знаю, что это сумасшествие. Я даже не знала, что она будет такой предусмотрительной, чтобы иметь полис страхования жизни, не говоря уже о том, чтобы сделать меня бенефициаром. Я имею в виду, даже если у нее было что-то подобное, она оставила бы его одному из ее восьми мужей или, по крайней мере, моему отцу. Но она оставила деньги для меня, — даже когда слова вылетают из моего рта, я все еще немного в недоумении.

Но папа звонил мне вчера вечером и сказал, что уже общался со страховой компанией и они должны связаться со мной в ближайшее время. Он уже позаботился о том, чтобы послать свидетельство о смерти, и сказал мне, что я должна получить чек в течение месяца.

— Бывает, что и корова летает!

Я смеюсь, качая головой. Я люблю ЛуЭнн, и еще больше люблю за то, что она поддерживает мой план.

— Итак, что ты должна сделать в первую очередь?

— Я не знаю. Сегодня вечером я иду на ужин с Нейтаном, чтобы обсудить все.

— Ты позволишь ему помочь?

— Да, я знаю все про пироги, но понятия не имею как вести бизнес.

— Посмотри на себя, — говорит ЛуЭнн с гордостью, улыбаясь.

— Что?

Она качает головой и наклоняется, чтобы обнять меня.

— Я горжусь тобой.

— Спасибо, — отвечаю я, положив голову на ее плечо. — Мак разозлится на меня за то, что я ухожу?

— Оставь Мака для меня, — говорит ЛуЭнн, ободряюще сжимая мое плечо.

То, как ЛуЭнн это произносит, заставляет меня задуматься. Она всегда была рядом с Маком, но есть что-то знакомое в ее тоне.

— ЛуЭнн, что я должна знать о тебе и Маке?

— Я не хочу об этом говорить, — бормочет она, начиная возиться с несколькими банками, которые Мак оставил на прилавке.

— ЛуЭнн, — предупреждаю я, потому что готовлюсь начать копать. Она никогда не оставляет в покое мою личную жизнь. Почему я должна оставить ее? Кроме того, я всегда беспокоилась, что они оба одиноки. Было бы приятно знать, что это не так. Я не осуждаю. Мы все взрослые люди.

— Что ты хочешь узнать? — спрашивает она, ее слова и тон резкие.

— Ничего, что ты не хочешь мне сказать, — я поднимаю руки в капитуляции. Я не хочу быть в немилости ЛуЭнн, так что если это щекотливая тема, я могу отпустить. Сейчас.

— Я заключу с тобой сделку, — говорит она приглушенным тоном, наклонившись через прилавок между нами. — Ты признаешься в своих истинных чувствах к Нейтану, а я открою тебе мой маленький секрет.

На секунду мы смотрим друг на друга. Она уже знает, как я отношусь к Нейтану, так что не знаю, зачем она заставляет меня сказать это, но я хочу узнать грязные подробности о ней и Маке, так что я, наконец, сдаюсь.

— Я люблю его.

По какой-то причине слова легко произносить, и это шокирует меня. Возможно,

потому, что я так много думала об этом последние пару дней, но оказывается, это не так сложно сказать вслух, как я представляла.

ЛуЭнн понимающе мне улыбается.

— Теперь, когда ты собираешься сказать ему об этом?

— Я не знаю, но это не было частью сделки, — я следую за ней на другой конец кухни, взяв метлу из ее рук. — Колись.

— Мы... — она делает паузу, подбирая правильные слова.

— Трахаетесь, — предлагаю я, мои щеки розовеют от слов, которые только что вылетели из моего рта, но ничего не могу поделать. Я смеюсь, когда глаза ЛуЭнн расширяются, и она ударяет меня своим фартуком.

— Мы видимся друг с другом... иногда.

— Значит, ты знаешь его... в библейском смысле.

— Прекрасно, — говорит она раздраженно, но отказывается смотреть на меня.

— Это достаточно хорошо для меня, — говорю я ей и начинаю подметать пол.

— Ты никогда не совала свой нос в чужие дела. Мне всегда нравилось это в тебе. Не заставляй меня передумать.

— Я закончила, — смеюсь я. — Обещаю. Я ничего не вижу. Ничего не слышу. Ничего не знаю.

— Хорошо, — она толкает меня бедрами на пути в главный зал, чтобы начать вытирать столы.

Спустя несколько минут задняя дверь открывается, и Мак заходит с кипой чистых полотенец в одной руке и сумкой с продуктами в другой.

— О, привет, Кади, — говорит он, видимо, не ожидая увидеть меня на кухне.

— Привет, Мак.

— Я забыл, что ты вернулась и помогаешь ЛуЭнн закрыть здесь все.

Я улыбаюсь себе, пряча румянец, продолжая подметать пол.

— ЛуЭнн протирает столы.

Он бормочет благодарность и выходит за дверь. Я занимаюсь делами на кухне, предоставляя им конфиденциальность. Я довольна, что ЛуЭнн и Мак вместе, но мне не нужны визуальные эффекты.

Несколько минут спустя Мак заходит на кухню и останавливается там, где я подметаю, заставляя меня встретиться с ним взглядом.

Дерьмо.

— Значит, ты оставляешь нас? — спрашивает он, скрестив руки на груди.

— Ну, это будет через некоторое время, — начинаю я, надеясь сгладить суровый взгляд на его лице. — Зависит от того, как быстро я смогу найти здание и получить оборудование и все такое, — говорю я ему. — Я хочу работать здесь как можно дольше. Если это нормально.

— Конечно, это нормально, — его позиция не меняется, но слова смягчаются. — Ты можешь работать здесь так долго, как захочешь. И если что-то не получится, ты всегда найдешь здесь работу.

— Спасибо, Мак.

— Конечно. Ты лучший сотрудник, который у меня когда-либо был, — бормочет он, избегая зрительного контакта.

— Эй! — ЛуЭнн кричит из зала.

— Ну, кроме ЛуЭнн, но ты знаешь. Мы будем скучать по тебе, малышка.

— Не заставляй меня плакать, Мак. Как я уже сказала, ты застрял со мной на некоторое время. Поэтому давай оставим слезы на потом, — сейчас я шучу, но не могу обещать, что не будет слез.

ЛуЭнн и Мак стали моей семьей. Так что мне будет их не хватать, и я буду скучать по этому месту. Работа здесь помогла мне пережить самые трудные времена в моей жизни. Здесь я познакомилась с Нейтаном и открыла в себе любовь к выпечке.

Будет трудно уйти, но я очень рада тому, куда иду, и то, что они поддерживают меня в этом новом начинании, очень много значит для меня.

— Что ж, я хочу сделать первый заказ. Мои клиенты недовольны отсутствием твоих пирогов.

Я улыбаюсь и киваю головой.

— Я сделаю тебе скидку.

— Нет, никаких скидок. Я хочу платить полную цену, высокую цену. Ты не сможешь заработать на скидках.

— Ладно, — говорю я ему, радуясь, что сварливый Мак вернулся. Я не знаю, как с ним общаться, когда он сладкий и сентиментальный. Он не часто появляется в таком виде. Интересно, не ЛуЭнн ли делает его мягким.

— Если тебе нужны какие-либо деловые консультации, я знаю, что у тебя есть супер-пупер-генеральный директор — парень, но я тоже кое-что знаю о бизнесе. Я здесь для тебя, если понадобится.

— Спасибо, Мак, — Нейтан не мой парень, но я не поправляю его. Я знаю, что ЛуЭнн подслушивает, и не хочу обсуждать это. Для кого-то, кто говорит, что не любит разговаривать о чувствах, она определенно много это делает в последнее время.

— Ты можешь поблагодарить меня полировкой полов, прежде чем уйдешь сегодня вечером.

— Хорошо, я займусь этим.

Два часа спустя полы отшлифованы, и мы с ЛуЭнн остаемся последними.

Без пяти шесть звонит мой телефон. Я знаю этот звук, но никогда не слышала у себя на телефоне.

Я беру его, чтобы посмотреть, и на экране сообщение от Нейтана.

Жду у входа. Не торопись.

— Дай угадаю, Ромео ждет в своей колеснице... или это твой рыцарь в сияющих доспехах на белом коне? — дразнит ЛуЭнн.

— Ни то, ни другое, — говорю я ей. — Это Нейтан.

Потому что он не Ромео или мой рыцарь в сияющих доспехах. Он не идеален.

Нейтан имеет недостатки. Он требователен время от времени и иногда нетерпелив. Ему не нравится, когда отказывают или когда что-то идет не по его правилам.

Но именно эти недостатки делают его тем, кто он есть. Я вижу, как он нарушает свои правила и идет на компромисс, и это почти так же привлекательно, как его физические атрибуты. И давайте даже не начинать, потому что это может занять весь день.

— Повеселись там, обсуждая бизнес-план, — говорит ЛуЭнн, подмигивая и махая рукой, ее тон пропитан инсинуацией.

— Увидимся завтра, — я машу ее удаляющейся фигуре и иду в сторону гладкого черного автомобиля, по которому я действительно соскучилась, с мужчиной внутри, по которому я скучала еще больше.

Прежде чем у меня появляется шанс открыть дверь, он выпрыгивает из машины и подходит к пассажирской двери, чтобы открыть ее для меня.

— Кади, — говорит он, кивая головой.

Я не пропускаю легкую улыбку на его идеальных губах.

С таким изяществом, какое могу собрать, я предлагаю ему небольшую улыбку в ответ и сажусь в машину. Быть в этой машине, в этом маленьком пространстве с ним немного подавляюще. Я хотела этого, мечтала об этом, но теперь, когда я здесь, мне нужно сделать несколько глубоких вдохов и сконцентрироваться.

Увидев Нейтана сегодня утром в закускойной, все, о чем я могла думать весь день, и все, что я чувствую теперь — это он. Он проникает в мои чувства.

Как только мы оба оказываемся внутри, он приводит машину в движение.

— Я думал об изменении планов.

— Что? — спрашиваю я, отвлеченная знакомым запахом кожи, его рукой на рычаге переключения передач, сильным профилем и дурманящим ароматом Нейтана.

— Я подумал, будет лучше, если я отвезу тебя в тот мексиканский ресторан, в который мы ходили. Это хорошее тихое место. Мы сможем обсудить твои идеи и составить план.

- Да, — отвечаю я рассеянно.

Конечно, ресторан гораздо лучше, чем квартира Нейтана. И мне нравится тот ресторан, в который мы собираемся. Мы не возвращались туда с тех пор, как Нейтан впервые отвез меня на ужин — наше первое свидание, наверно, можно так сказать. Так что, похоже, уместно, что мы возвращаемся туда сегодня вечером, и это является своего рода новым стартом для всех нас.

И оно публичное.

Более профессиональное.

Тогда что это? Деловая встреча?

Когда мы поворачиваем за угол, в голове гудит от того, что происходит.

— Я подумал, ты сначала захочешь переодеться.

— Да, я бы хотела. Спасибо.

Когда он паркуется у обочины, я ожидаю, что он выскочит и пойдет со мной в мою квартиру, но он этого не делает, и это застаёт меня врасплох. Нейтан другой, не хороший или плохой, просто другой. Что-то изменилось.

— Я подожду здесь, — говорит он, заглушив машину.

— Ладно, я быстро.

— Не спеши. Не торопись.

За последние десять минут он говорит это уже второй раз, и это заставляет меня задуматься. Улыбнувшись ему, я выхожу из машины и закрываю за собой дверь.

Перепрыгивая через две ступеньки, я бегу в свою квартиру, раздеваюсь и принимаю быстрый душ, чтобы смыть с себя дневную грязь. После быстрой сушки я надеваю джинсы и простую черную рубашку. Скрутив волосы в пучок, смотрю на себя в зеркало и вижу, как нервы, которые я чувствую, колотятся в груди.

Глубокий вдох.

Это просто Нейтан.

Никакой спешки.

Не торопись.

Он никуда не денется.

Не спеши.

Когда я возвращаюсь из здания, мое сердце на секунду заикается при виде того, как он сидит на том же месте в солнцезащитных очках и с какими-то бумагами в руке, которые захватывают все его внимание. Пока он не замечает меня.

Выскочив из машины, он обходит и снова держит для меня дверь.

Если не ошибаюсь, он наклоняется чуть ближе, чем нужно, и глубоко вдыхает, когда я прохожу мимо него. Может быть, я не единственная, кто борется с этой новой профессиональной дружбой. Возможно, он испытывает те же чувства. Может, он напоминает *себе* не спешить.

Когда мы добираемся до ресторана, официантка усаживает нас за тем же столом, как в прошлый раз, и Нейтан так же делает заказ.

Прежде чем даже приносят напитки, Нейтан переходит к делу.

— Итак, я думаю, для начала мы должны обсудить бюджет.

— Хорошо, — говорю я ему, вынимая конверт с полисом страхования жизни моей мамы. Я еще ни с кем не обсуждала сумму, даже с отцом, но Нейтан должен знать. Если он собирается помочь мне начать этот бизнес, он должен знать, с чем мы имеем дело.

Мы.

С чем мы имеем дело.

Мне нравится, как это звучит.

Не могу представить это без Нейтана.

— Я получаю пятьдесят тысяч.

— Это хорошая сумма для начала. Я не вижу причин, почему ты не можешь открыть магазин, к тому же есть еще сбережения, и это хорошо, потому что большинство новых организаций не видят прибыли, по крайней мере, год.

— Ну, мне не нужно много денег на жизнь, поэтому большинство из них может пойти в дело.

— Для начала мы должны найти для тебя идеальное место, и у меня уже есть одно на уме, — он вытаскивает бумаги, которые изучал в машине.

— Я не в состоянии позволить себе дорогостоящую аренду, — говорю я, потому что это одна из вещей, пугающих меня больше всего — аренда, за которую я не смогу заплатить, будучи в долгу перед кем-то, если дела пойдут не так.

— Я думаю, поможет, что я владелец этого здания, — говорит он с улыбкой, протягивая мне бумаги, чтобы посмотреть.

— Мне не нужны подачки, Нейтан, — я чувствую знакомое жжение гордости и самостоятельности в груди. Если это так, то ничего не сработает.

— Это не подачка, но я также не буду взвинчивать аренду до кругленькой суммы. Я знаю, что стоит моя собственность, и знаю, что мне от нее нужно. Это деловая сделка.

— Ладно, — соглашаюсь я, чувствуя себя лучше от выражения искренности на его лице и от того, что он не собирается спорить со мной об этом. Все, что я хочу — чтобы меня рассматривали, как равную, и Нейтан дает мне это.

— Я могу выбрать время, чтобы отвезти тебя туда в ближайшие дни. Раньше это было небольшое кафе, так что, думаю, переход должен быть легким. Ты даже можешь воспользоваться этим затяжным бизнесом. Он не очень давно закрылся.

Как только у тебя будет собственное оборудование и мы приведем место в надлежащий вид, проверка должна пройти без проблем.

Оборудование.

Аренда.

Проверки.

Это все становится таким реальным. Я делаю это.

— Ты в порядке? — спрашивает он, потянувшись через стол и положив свою руку на мою. — Мы сделаем это так медленно, как тебе нужно, хорошо? Никакой спешки.

Его слова, его присутствие, его прикосновения успокаивают меня, и я дышу.

— Хорошо.

Глава 10

Кади

Не могу поверить, что только что закончила свою последнюю смену в закусочной.

Навсегда. Начиная с завтрашнего дня, я официально владелец малого бизнеса и буду вносить последние штрихи в свою собственную пирожковую. День открытия еще через пару недель, но я хочу убедиться, что у меня достаточно времени, чтобы настроить кафе так, как я хочу, и напечь пирогов впрок.

ЛуЭнн отказалась позволить мне убираться сегодня и столь же непреклонно настроена не говорить мне «прощай». Я сделала десяток пирогов в надежде, что они продержатся до тех пор, пока магазин начнет работать, по крайней мере, я не чувствую, что бросаю их на произвол судьбы. И я знаю, что увижу ее и Мака в ближайшее время, тем более они уже предложили свою помощь, но это все-таки так странно — выходить из закусочной, зная, что не нужно возвращаться завтра утром.

Нейтан заберет меня в любую минуту, чтобы отвезти в свою квартиру для праздничного ужина. Он предложил приготовить сам, но я хотела удивить его, заказав вместо этого тайскую еду. Я бы солгала, сказав, что не надеялась этой ночью рассказать ему о своих чувствах. О нас.

Эти последние три недели работы с ним над открытием пирожковой только укрепили мои чувства к нему, и я думаю, что взорвусь, если не признаюсь.

Его машина подъезжает к тротуару, и он выходит, чтобы поприветствовать меня, и я не могу не смеяться над выражением его лица. Оно в равной степени счастливое и растерянное.

— Почему ты ждешь снаружи? — спрашивает он.

Обычно он бы расстроился, увидев меня стоящей у закусочной вечером в одиночестве, но так как мы возобновляем отношения, он стал немного больше доверять мне самой позаботиться о себе. Кроме того, я стою здесь не очень долго и не отхожу от двери.

— ЛуЭнн не хотела смотреть, как я ухожу, поэтому выгнала меня, — я шучу только отчасти. — Я стою здесь недолго, и у меня уже есть ужин. — Я поднимаю большой пакет тайской еды, от которого исходит восхитительный аромат.

— Тайская, да? Ты все еще боишься моих навыков на кухне? Я сжег одну кастрюлю пасты, и доверие пропало навсегда? — Его глаза сверкают и полны озорства, и так трудно не потеряться в них полностью.

— Нет, я просто хотела, чтобы сегодня все было легко. Я голодна и не уверена, что смогу дождаться, когда ты что-нибудь приготовишь. К тому же, если ты сожжёшь ужин *снова*, мне придется ждать еще дольше, чтобы поесть!

— Я знал, что ты никогда не позволишь мне заглядеть свою вину, — говорит он, делая вид, что надулся. Он открывает для меня дверь и помогает залезть в машину.

— Поехали домой, принцесса. Я никогда не прощу себе, если позволю тебе голодать.

Не думаю, что он понял, что только что сказал, но слышать от него, что он везет меня *домой*, заставляет бабочек в животе порхать с такой силой, как будто они сожрали литр горной росы.

Заходить в квартиру Нейтана даже хуже, чем попасть в его машину. Ну, хуже в смысле интенсивнее. Все в этом пространстве наполнено им. Запахи, интерьер, темная мебель, контрастирующая со светом из больших окон. Это все Нейтан и все, по чему я так скучала, пока мы были врозь.

Этот дом. Это *мой* дом.

Я не могу отделаться от воспоминаний, которые проносятся в моей голове, как кинофильм.

Сцены из первой ночи, когда он привез меня сюда, проигрываются на повторе — как не уверена я была в себе и своем окружении, но насколько комфортно он заставил меня чувствовать себя.

Сильные руки Нейтана прижимают меня к столешнице, в то время как его губы освобождают меня...

Он был всем, что я когда-либо хотела, но никогда не позволяла себе мечтать. И теперь я знаю, что он — именно то, что мне нужно.

Я чувствую, что он смотрит на меня, но не торопит, давая мне пространство.

Обернувшись, ловлю его с мягкой улыбкой на губах, и мне интересно, те же воспоминания, как у меня, заставляют его улыбаться. Интересно, чувствует ли он то же самое, и я чуть не выпаливаю *я люблю тебя*, но забываю свои слова, когда Нейтан снимает пиджак и устраивается поудобнее.

Еда.

Мне нужно поесть... и выпить. Тогда я скажу ему, что чувствую.

Позже, когда мы сидим на полу в гостиной Нейтана в окружении картонных коробок, палочек для еды и наших напитков, я представляю, как будущие вечера с Нейтаном будут именно такими же. Никаких разговоров о работе, просто быть вместе расслабленными, непринужденными и счастливыми.

Очень счастливыми.

— Спасибо.

Нейтан выглядит озадаченным, но улыбается мне.

— За что?

Я глубоко вздыхаю.

Сейчас или никогда.

— За все. За то, что ты мой друг и не ненавидишь меня. За то, что оставил в прошлом то, что я разрушила наши отношения, и помогаешь мне просто по доброте своего сердца.

— Ну, пожалуйста, но, Кади, я не делал это просто потому, что хороший парень.

— Нет?

Он издает короткий смешок, но совершенно серьезен, когда говорит:

— Нет.

Я наблюдаю, как он встает и подходит ко мне, чтобы сесть рядом. Нейтан берет мои руки в свои и целует их.

— Да, я хороший парень, но также я эгоист. Правда в том, что я люблю тебя, Кади. Я люблю тебя уже давно и не переставал любить, даже когда ты бросила меня в гостинице. Даже если ты скажешь мне, что не чувствуешь того же, я буду продолжать помогать тебе,

когда понадобится, но это потому, что я люблю тебя. Я всегда хочу лучшего для тебя.

Черт его дери за то, что лишил меня дара речи. Черт его дери за то, что сбил меня с ног. Просто, черт!

Должно быть, он принимает мое молчание как знак, что я не чувствую то же самое, потому что аккуратно кладет руку на мое колено и начинает подниматься.

— Нет! — выпаливаю я, заставляя нас обоих врасплох.

— Что нет?

— Нет тому, чтобы ты вставал. Нет, потому что, о чем бы ты ни думал, ты ошибаешься. Ты застал меня врасплох, и я пыталась собраться с мыслями, поэтому я говорю «нет», чтобы могла сказать «да».

— Теперь я действительно запутался. Кади, что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что тоже люблю тебя. И никогда не переставала. Я... я даже не уверена, когда это произошло, но точно знаю это. В ночь, когда я ушла или сбежала из отеля, я испугалась... испугалась, потому что знала, как сильно влюбляюсь в тебя, и не хотела выяснять, насколько больно будет, когда ты закончишь со мной...

— Но... — прерывает он, но я не позволяю ему.

— Я так боялась, что ты не чувствуешь то же самое, что сбежала до того, как ты мог разбить мое сердце, — я делаю паузу, глубоко вздыхая. — Но я узнала много нового о себе, когда вернулась в Хамбл. Думаю, самое главное, что я узнала, это что жизнь коротка... слишком коротка, чтобы жить с сожалением. И любовь стоит боли... Мой папа сказал мне это. Я думаю, что уже знала об этом, но услышав от него, поняла, что моим самым большим сожалением в жизни будешь ты. Если я не скажу тебе прямо сейчас, насколько я без ума от тебя, то буду сожалеть об этом всю жизнь.

Я вижу, что Нейтан пытается скрыть свою улыбку.

— Ну, тогда давай. Скажи мне. Я могу подождать. Я имею в виду, я бы не хотел, чтобы ты сожалела о чем-нибудь.

— Я только что сказала тебе, что я люблю тебя, — фыркаю я, но Нейтан успокаивает меня, взяв за плечи, а затем притягивает к твердой груди.

Улыбка на его лице растет.

— Но, — продолжаю я, чувствуя, как тепло распространяется по всему моему телу от его взгляда и этого нового заряда электричества между нами. — Я также хотела бы показать тебе.

— Ну, мне очень нравится, как это звучит.

Вместо того чтобы взять на себя контроль, Нейтан позволяет мне вести, ждет меня, позволяя задавать темп.

Наклонившись вперед, я встаю на цыпочках и целую его жесткую челюсть, наблюдая, как он дергается от моего прикосновения. Слишком давно мы были так близко. Время от времени за последние несколько недель Нейтан мимолетно задевал мою щеку невинным поцелуем, но мы не позволяли этому продвигаться. Мы оба сдерживались, ожидая, когда придет правильное время.

И сейчас оно, кажется, наступило.

Все кажется правильным.

— Я люблю тебя, — шепчу я в его кожу, обожая ощущение щетины на моих губах.

Нейтан обхватывает мое лицо руками, наклоняет голову и парит над моими губами.

— Я люблю тебя.

— Я скучала по этому, — признаюсь я, впитывая в себя его аромат, который окружает меня, и ощущение его рук на моей коже.

— Покажи мне, — велит он.

Этого достаточно, чтобы заставить мой мир рассыпаться, оставляя только меня и Нейтана — ни больше, ни меньше.

Он хочет меня.

И я хочу его.

Нет никакого притворства или ожиданий, просто интенсивная нужда друг в друге.

Сделав шаг назад, я медленно начинаю расстегивать его рубашку, вытаскивая ее из брюк, и оцениваю шедевр, которым является Нейтан... А так же то, что он мой. Я наклоняюсь и целую его грудь, продолжая спускаться вниз по его телу, пока не дохожу до пряжки ремня.

Когда я поднимаю глаза, он вижу, что он терпеливо смотрит на меня. Не отрывая от него глаз, я вытягиваю пояс, а затем расстегиваю брюки, позволяя ткани упасть на пол, выпуская наружу явно выраженную выпуклость. Мое сердце бьется быстрее, усиливая ожидание.

Я знаю, чего хочу, но сомневаюсь.

— Возьми то, что хочешь, Кади, — говорит Нейтан, как будто может читать мои мысли. — Это твое. Возьмите его.

С трудом сглотнув, я просовываю пальцы под пояс боксеров и стягиваю их вниз, отправляя вслед за брюками. Несколько мгновений я могу только смотреть, как Нейтан выходит из штанов и приближается ко мне, обнаженный и демонстрирующий, насколько он жаждет меня.

Я много думала о Нейтане за последний месяц. Я думала обо всех вещах, по которым скучала, и быть с ним — это одна из вещей, по которой я скучала больше всего. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой свободной с кем-то другим. Свободной быть собой. Свободной делать вещи, которые хочу. И сейчас я хочу его. Целиком.

Когда я становлюсь перед ним на колени, он мягко собирает мои волосы и скручивает их на затылке, открывая для себя вид. Облизнув губы, я наклоняюсь вперед и целую кончик его эрекции, и хватка Нейтана на моих волосах усиливается.

Улыбнувшись про себя, я облизываю его длину, прежде чем открываю широко рот и беру настолько глубоко, как могу. Когда я закручиваю языком, Нейтан стонет. Я смотрю вверх и вижу, что он откинул голову назад, потерявшись в удовольствии... удовольствии, которое я ему дарю. Это пьянящее чувство — знать, что у меня есть подобный контроль.

— Кади, — он произносит мое имя, как молитву, и я продолжаю заслуживать его уважение, доводя его до грани оргазма. Он останавливает меня, прежде чем кончить, поднимает меня на ноги, а затем берет на руки и несет на кровать.

Кровать, по которой я тоже скучала. Кровать, в которой я мечтала спать почти каждую ночь с тех пор, как мы расстались.

Нейтан пытается положить меня, но я останавливаю его, прикасаясь рукой к его груди.

— Я еще не закончила.

Забавляясь, он смотрит на меня, а затем садится на кровать и прислоняется к изголовью.

— Конечно, продолжай.

На мгновение я позволяю моим глазам путешествовать по всей длине его великолепного

тела, впитывая сексуальную власть, которую он дал мне. Речь не о доминировании или контроле, дело в доверии, которое он помог мне найти не только в спальне, но и во всех областях моей жизни. Я хочу показать ему, как он заставляет меня чувствовать, и подарить ему столько же удовольствия, сколько он дарит мне.

Я медленно снимаю одежду, не тороплюсь, наблюдая, как он смотрит на меня. Он смотрит так, словно хочет съесть, и я не могу дождаться этого, но сначала мне нужно почувствовать его внутри.

Я ползу по кровати, по его телу, и седлаю его колени. Схватившись за его плечи для поддержки, принимаю его внутрь, опускаюсь вниз по длине его члена, пока мы полностью соединяемся. Закружив бедрами, наслаждаюсь полнотой ощущений, тем насколько чувствую себя целой.

Нейтан хватает меня за ягодицы и притягивает ближе.

— Малышка, я уже так близко. Мне нужно, чтобы ты двигалась.

Его голос звучит почти отчаянно, и мне нравится, что я влияю на него таким образом.

Я начинаю двигаться вверх и вниз, устанавливая устойчивый ритм.

И, Боже мой, как возможно чувствовать себя так хорошо? Как я могла забыть, насколько удивительно чувствовать Нейтана?!

Я думала, что буду помнить это до конца моей жизни, но память подвела меня.

Нейтан использует свое положение и обхватывает мою грудь, обернув губы вокруг одного соска, а затем другого. Его рот на моей коже — целует и покусывает, будто он был голоден несколько дней и я его первая трапеза.

У моих рук собственный разум, когда они бродят по его телу, желая прикоснуться к каждой его частичке, отчаянно нуждаясь в большем.

Я фантазировала об этом: мы снова вместе, как сейчас. Я всегда предполагала, что наш первый раз будет медленный и чувственный, но ошибалась. Напротив, он страстный, потный и ненасытный — кожа шлепает о кожу, в то время как восхитительные стоны и вздохи срываются с наших губ. Я никогда не испытывала ничего более эротичного.

— Могу я прикоснуться к тебе? — просит Нейтан, полагая, что я все еще веду.

— Да. Пожалуйста, Нейтан, — я задыхаюсь, когда большим пальцем он находит мой клитор.

Вторая рука по-прежнему твердо удерживает мою задницу, направляя меня, помогая мне двигаться быстрее и жестче.

— Черт, Кади, в тебе так хорошо. Это даже лучше, чем я помню.

— Я знаю, для меня тоже. Я собираюсь кончить, — я пытаюсь предупредить его, но оргазм накрывает меня, и я кричу, когда удовольствие волна за волной растекается по всему моему телу.

Нейтан обнимает меня за плечи, удерживая наши тела вместе, когда находит свое собственное освобождение. Мое имя покидает его рот короткими выдохами снова и снова, пока он пульсирует внутри меня.

После того, как мы восстанавливаем наши силы, он скользит вниз на кровати, удерживая нас близко, плотно обернув руки вокруг моего тела. В тишине и спокойствии он шепчет:

— Я люблю тебя.

Я возвращаю признание, целуя его грудь, и понимаю, что даже если завтра все потеряю, не променяю это ни на что в мире.

Нейтан стоит всех рисков. Он стоит разбитого сердца, но что-то глубоко внутри говорит, что это реально. Он для меня.

Эпилог

Кади

— Я должна бежать, — кричит ЛуЭнн из передней части магазина. — Я поверну табличку «Закрыто» и запру за собой дверь.

— Спасибо, Лу, — отвечаю я. — Увидимся завтра.

— Да, я буду здесь после обеда. Ты справишься утром?

— Да, я сделаю это. Без проблем.

— Увидимся позже, милая.

Я слышу, как ЛуЭнн уходит, заперев дверь, и, включив радио на кухне, приступаю к делу.

У меня заказ на пять пирогов для ресторана, расположенного чуть дальше по улице, в который ЛуЭнн водила меня однажды на ужин. Когда я решила открыть пирожковую, то понятия не имела, что буду в конечном итоге делать так много крупных заказов, но я не жалеюсь.

Сегодня исполняется месяц, как открылся «Скромный пирог», и я не могу быть счастливее с тем, как идут дела.

Я не собираюсь лгать — это другое. Работа здесь не похожа на работу в закусочной. У меня начинают появляться постоянные клиенты, которые останавливаются за кусочком пирога и чашкой кофе. Есть также постоянные заказы на целые пироги от нескольких ресторанов.

ЛуЭнн каждый день приходит, чтобы помочь мне, после того как заканчивает в закусочной. Мак позволил мне взять ее на целую неделю, когда я только открылась, но как только установился привычный ритм, все стало не так плохо. Я могу справиться с этим самостоятельно, но рада, что она приходит помочь мне. Я могла бы сойти с ума, если бы не было с кем поговорить на протяжении дня. Я привыкла общаться с моими клиентами и гулять по закусочной весь день.

Сейчас это только я, моя печь... и Долли Партон (*п.п.: американская кантри-певица*). Конечно ненастоящая, та, которая поет со мной по стерео. Мы с ней давно знакомы, и в эти дни она мой постоянный спутник, дает мне фоновую музыку, когда я пеку днем, а чаще ночью.

Замешивая тесто на большой столешнице из нержавеющей стали, я улыбаюсь себе. Я никогда не буду принимать как должное то, что зарабатываю на жизнь выпечкой пирогов. Иногда мне кажется, что это не может быть моя жизнь. Конечно, я по-прежнему работаю, а не тесто раскатываю (*п.п.: эта фраза имеет смысл типа «не катаюсь, как сыр в масле»*). И это не каламбур. Но я делаю это, и все здесь мое. Я сделала это. И я прихожу каждый день на работу и делаю то, что люблю, что приносит мне покой и радость.

Напевая про себя первые строки «С девяти до пяти», я иду в главный зал магазина и проверяю кофейники. Я наливаю себе немного кофе, когда Долли поет о чашечке амбиций.

— Не возражаешь, если я это сделаю, Долли?

Взяв свою теплую чашку кофе и оглядывая магазин по дороге, я иду обратно на кухню и ставлю свою кружку в микроволновую печь на несколько секунд.

Это, возможно, мое любимое время суток — только я, моя большая кухня, все ингредиенты для пирогов, с которыми я могу справиться. И Долли. Это чертовски близко к

совершенству, но совершенство переоценено. Тем не менее, это *моя* жизнь, и это все, что я когда-либо хотела.

Выкатывая мой первый испечённый пирог, я просматриваю список: два карамельно-яблочных, два вишнёвых с темным шоколадом, один с лимонным кремом и три «Десятых столика».

Открывая пирожковую, я знала, что каким-то образом должна включить в меню «закусочную и Нейтана». Поэтому, как дань уважения столику, благодаря которому все это стало возможным, и человеку, который верил в меня, я создала пирог, включивший все любимые ингредиенты Нейтана. Это лимонно-черничный пирог, и до сих пор он самый продаваемый.

Звучит моя любимая часть песни, и я громко пою. Долли всегда знает, как настроить меня на работу.

Я уже говорила, что ужасный певец? Я даже в караоке не пою, но ничего не могу с собой поделаться. «С девяти до пяти» — это моя песня, это как гимн работающей девушки.

— Пой, Долли.

Покачиваясь в такт, я раскатываю тесто для следующего пирога. Если все пойдет по плану, я приготовлю пироги в кратчайшие сроки.

Когда песня затихает, тихий хлопок с порога пугает меня так сильно, что я роняю скалку, и она громко стучит по столешнице.

— Я не хотел тебя напугать, — говорит Нейтан виновато, но не может скрыть свой смех. — Прости. Просто ты такая милая и была настолько увлечена своей звездной работой.

— Я думала, ты позвонишь, когда покинешь офис, — обвиняю я, все еще держась за грудь, желая, чтобы сердце вернулось к своему обычному ритму.

Но это безнадежное дело, потому что Нейтан стоит в дверях моей кухни и уже скинул пиджак, а рукава рубашки закатал по локоть — демонстрирует сексуальные предплечья, которые готовы к работе.

— Я принес тебе кое-что, — говорит он низким, ровным голосом, который подкашивает меня, заставляя соглашаться на все, что он предлагает.

— О? — спрашиваю я, не в силах сформировать связные мысли.

— Ну, это твой месячный юбилей со дня открытия, — начинает он, и я пытаюсь сдержать улыбку. Несколько месяцев назад я бы отказалась от идеи, что Нейтан что-то мне покупает, но теперь все по-другому. Мы другие.

Где-то между мной, оставившей его в номере отеля, и мной, нашедшей себя в Хамбле, я поняла, что это нормально, когда о тебе заботятся. Нормально быть уязвимой и нуждающейся в помощи. Принятие Нейтана и того, что он может мне предложить, не делает меня менее независимой и самостоятельной, если хотите знать, я сильнее от этого.

Вместе мы сила, с которой нужно считаться.

— Угу, — призываю я, чувствуя крохотную частичку предвкушения.

В мой первый рабочий день он купил мне радио, по которому я теперь слушаю Долли каждый день, потому что начинаю сходиться с ума от постоянной тишины. А по прошествии первой недели он купил мне этот удивительный штендер, чтобы я могла показать клиентам пирог дня. Поэтому не буду лгать, я не могу дождаться, чтобы увидеть, каков мой месячный подарок.

Нейтан пятится назад и исчезает за углом, а возвращаясь обратно на кухню, держит конверт, который напоминает мне тот, который он послал меня в закусочную. Конверт,

который я носила с собой в течение почти двух недель перед тем, как открыть.

— Мне нужно, чтобы ты открыла этой конверт немного быстрее, чем предыдущий, — дразнит он, подходя ко мне.

Я смеюсь и качаю головой.

Взяв конверт, я открываю его, но смотрю Нейтану в глаза. Улыбка на его лице — самый лучший подарок, который мне нужен. Как и в прошлый раз, я знаю, здесь нет ничего такого, что сможет изменить мои чувства к нему. Я люблю его. Так сильно. Неважно, был бы он нищим на улице или мультимиллионером, я бы чувствовала то же самое.

— Традиционный подарок на годовщину в первый месяц что-то бумажное (*п.п.: данная традиция уходит корнями в Викторианскую эпоху. Молодые на эту годовщину дарят друг другу книги, открытки, даже картины*), — начинает он, когда я достаю содержимое конверта. — И я знаю, что это юбилей магазина, а не наша годовщина, но мне нужны были некоторые идеи. Поэтому я сделал это.

Внутри конверта несколько листов бумаги. Когда я вижу, что это, на моем лице расцветает широкая улыбка.

— Ты сделал мне логотип?

— Ну, я знаю, ты хотела подождать и посмотреть, как все пойдет, прежде чем будешь инвестировать в брэндинг, но я верю в тебя. Ты уже достигла большого успеха. Поэтому я решил, что тебе нужен свой собственный логотип. И упаковочные коробки... всех размеров. Они будут доставлены в понедельник.

— Коробки?

— Да, — отвечает Нейтан, притягивая меня к себе за передник. — Они розовые.

— Они розовые *и* на них мой логотип?

Мое волнение растет. Для кого-то это может показаться не слишком грандиозным событием, но для меня оно именно такое. В тайне я мечтала иметь свои собственные упаковочные коробки, но остановилась на простых белых. Честно говоря, не много нужно, чтобы сделать меня счастливой, но это сногсшибательно. Он мог бы купить мне новую скалку или суп из нашего нового любимого ресторана вниз по улице, и я была бы в восторге, но логотип и коробки — это уже следующий уровень.

— Спасибо! — восклицаю я, не в состоянии скрыть восторга.

Обхватив Нейтана руками за шею, я запрыгиваю на него, крепко обнимая.

— Я собираюсь расценивать это, как одобрение, — смеется он, оборачивая руки вокруг меня, чтобы удержать от падения.

— Так и есть, — я отстраняюсь, чтобы заглянуть ему в глаза. — Ты полностью и окончательно одобрен. Как мне так повезло с тобой?

— Ну, ты делаешь великолепный пирог, — говорит он, усаживая меня на столешницу. — На самом деле это все, что я хотел сначала.

— О, правда? — спрашиваю я.

— Да, это твой лимонный пирог, которым я просто не могу насытиться, — его голос пропитан соблазнением.

— Лимонный пирог? — я с трудом сглатываю.

— Я также чертовски люблю *твой* вишневый пирог (*п.п.: словосочетание «cherry pie» означает не только вишневый пирог, но и лакомый кусочек*), — говорит он, прижимаясь губами к моему уху.

— Он получает восторженные отзывы. — Мне нравится глубокий стон, который я

получаю в ответ от Нейтана.

— Ну, он никогда не будет включен в меню. — Нейтан сжимает мою задницу и решительно притягивает меня к себе. — Я единственный, кто получает *тебя*.

Кто бы сомневался.

Приподнявшись, я обхватываю его лицо руками, впитывая его. Когда он рядом со мной, я чувствую, что могу завоевать мир, что бы ни случилось. Я знаю, что со мной все будет в порядке.

Я наклоняюсь и целую Нейтана в губы, вдыхая его, дегустирую.

— У тебя здесь что-то есть, — шучу я, отряхивая муку с его челюсти. — И здесь, — добавляю я, протянув руку, я размазываю лимонную начинку на его губах, а потом облизываю их.

— В эту игру могут играть двое, — предупреждает он, окуная палец в миску, а затем рисует линию от моих губ до груди. Опустив голову, он пробегает языком по моей коже, и я сжимаю ноги вместе в поисках трения.

Прежде чем успеваю понять, я лежу на столешнице, и Нейтан нависает надо мной с безумным голодом в глазах.

— Однажды я собираюсь жениться на тебе, — заявляет он, заставляя мое сердце выпрыгивать из груди.

— Я собираюсь согласиться, — обещаю я.

Я с радостью стану его основным блюдом, его десертом и всем тем, что между ними, на всю оставшуюся жизнь.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net